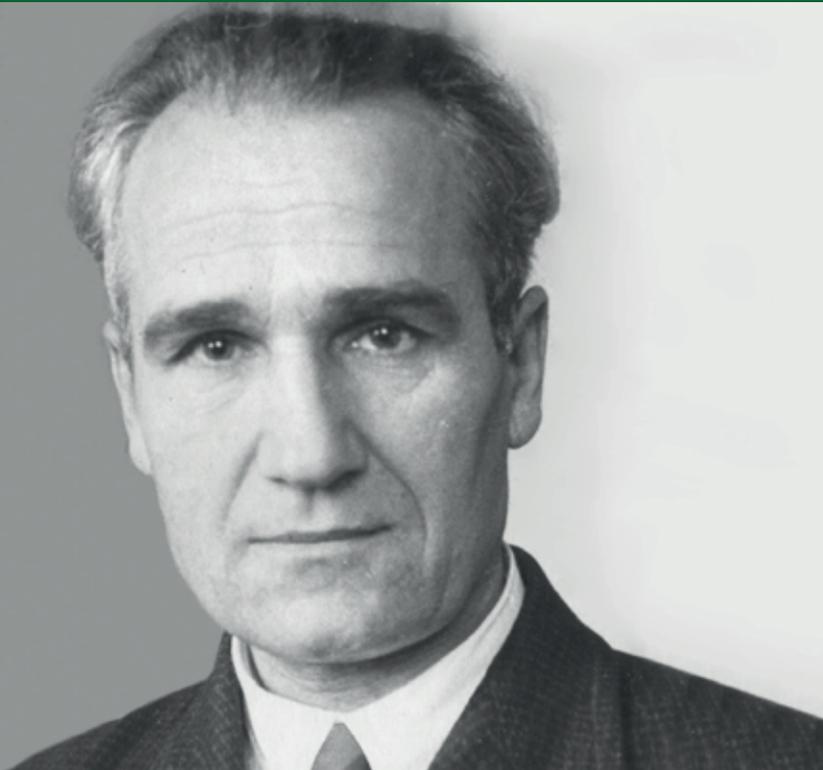

Э Т Н О Г Р А Ф И Я Т У Р К М Е Н

С.М. ДЕМИДОВ
ИСТОРИК И ЭТНОГРАФ
ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ
КАРПОВ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ «ЭТНОГРАФИЯ ТУРКМЕН»

С.М. ДЕМИДОВ

**ИСТОРИК И ЭТНОГРАФ
ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ КАРПОВ**

Москва
2022

УДК 929
ББК 63.1+63.5 (5Тур)
Д30

Редакторы серии:

Н. А. Дубова, Р. Г. Мурадов

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. А. Чвырь
кандидат исторических наук Т. С. Каландаров

>

Демидов С. М. Историк и этнограф Георгий Иванович Карпов /
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
[Серия «Этнография туркмен». Вып. 2 / Ред. Серии Н. А. Дубова,
Р. Г. Мурадов] – М.: Старый сад, 2022 – 264 с.

Монография известного специалиста по этнографии туркменского народа Сергея Михайловича Демидова посвящена одному из родоначальников туркменской советской этнографии, сыгравшего большую роль в становлении и развитии исторической науки Туркменистана – Георгию Ивановичу Карпову (1890–1947). Несмотря на наличие небольшого числа публикаций об этом ученом, столь обстоятельное исследование его жизненного пути и вклада в науку, публикуется впервые.

ISBN 978-5-89930-166-7

DOI 10.33876/978 5 89930 166 7/1-264

Demidov S. M. Historian and Ethnographer Georgiy Ivanovich Karpov. /
N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
[“Turkmen Ethnography” Series. Is. 2 / Eds. of Series N.A. Dubova, R.G.
Muradov] – Moscow: Staryi Sad, 2022 – 264 p.

The monograph of the famous specialist in ethnography of the Turkmen people Sergei Mikhailovich Demidov is dedicated to one of the founders of the Turkmen Soviet ethnography, who played an important role in the formation and development of the historical science in Turkmenistan – Georgiy Ivanovich Karpov (1890–1947). Despite the presence of a small number of publications about this such an in-depth study of his life and contribution to science, is being published for the first time.

ОТ РЕДАКТОРОВ СЕРИИ

Второй выпуск в серии «Этнография туркмен» включает монографию Сергея Михайловича Демидова, отметившего в июле 2021 г. свое 85-летие. Она посвящена одному из родоначальников туркменской советской этнографии, сыгравшего большую роль в становлении и развитии исторической науки Туркменистана – Георгию Ивановичу Карпову (1890–1947).

Для подготовки вышедшего в 2016 г. в серии «Народы и культуры» тома «Туркмены» трудами коллег из Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Института истории, Института археологии и этнографии Академии наук Туркменистана и других научных учреждений обеих стран, собирались разнообразные данные, анализировались архивные источники, были подготовлены обзоры опубликованных материалов по истории, демографии, антропологии, материальной и духовной культуре и о постсоветских трансформациях. Было выявлено также несколько важных, ранее не публиковавшихся работ, посвященных этнографии туркмен. Одной из них и была данная монография известного специалиста по этнографии туркмен С. М. Демидова.

Предлагаемая вниманию читателей книга была написана еще в 1980-е годы и утверждена к печати на Ученом Совете Института истории АН Туркменской ССР в 1991 г. Произошедший распад Советского Союза, ряд других обстоятельств заставили ее пролежать в столе много лет.

Кроме двух основных разделов, характеризующих жизнь Г. И. Карпова и его научное наследие, данное издание включает составленные С. М. Демидовым список публикаций ученого, опись материалов Г. И. Карпова, хранящихся в Центральной научной библиотеке Академии наук Туркменистана, в ее Редком фонде, а также список публикаций самого автора монографии о Г. И. Карпове, в том числе тех, которые были опубликованы

© Институт этнологии и антропологии
РАН, 2022
© С. М. Демидов, 2022

после ее подготовки. Книга содержит также факсимиле одного из писем Георгия Ивановича.

Работа С. М. Демидова ярко демонстрирует широчайший круг интересов Карпова, сложности и перипетии ранних этапов становления исторической науки в Туркмении. Ознакомление с этой информацией широкого круга читателей, а также специалистов, безусловно, будет полезно.

Работа публикуется в авторской редакции в исправленном и дополненном виде с учетом ряда новых данных, появившихся за минувшие годы.

Н. А. Дубова, Р. Г. Мурадов

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1980-х годов, когда, благодаря перестройке, принесшей гласность, всколыхнулись умы и сердца многих людей, резко возрос интерес к подлинному познанию своего прошлого, своей истории. Это характерно для всех регионов бывшего Советского Союза, в том числе и для Туркменистана.

Среди множества других важных проблем и вопросов, стоящих перед историками, этнографами, археологами, востоковедами, искусствоведами и культурологами, одной из наиболее насущных задач является подготовка ряда монографических исследований о жизни и деятельности личностей, сыгравших большую роль в становлении и развитии исторической науки Туркменистана как в дореволюционный, так в советский и постсоветский периоды. При этом, конечно, не должно иметь никакого значения жил ли этот человек в самом Туркменистане или изучал его историю, живя в основном за пределами региона, был ли отечественным ученым или зарубежным. Не менее значительным этапом знакомства широкого читателя с этими личностями стало бы издание избранных (а при возможности – и более полных) собраний трудов этих ученых¹.

Некоторую лепту в это дело должна была внести готовившаяся в конце 1980-х годов Центральной научной библиотекой Академии наук ТССР (ныне Центральная научная библиотека Академии наук Туркменистана) «Персоналия ученых АН ТССР». Однако список небольших брошюр данной Персоналии, изданных в серии «Материалы к биобиблиографии ученых Туркменистана», невелик (с 1968 по 1991 гг. их вышло 29). Эти брошюры носят в основном лишь библиографический характер, включая перечень трудов героя данного издания. По ним трудно пред-

---

¹ Своеобразным и единственным в своем роде сочетанием сборника трудов известного туркменского лингвиста, погибшего во время землетрясения 1948 г., Александра Петровича Поцелуевского и довольно обширной вступительной статьи, посвященной их автору, стало издание еще в 1975 г. подготовленной Институтом языка и литературы АН ТССР книги (Поцелуевский, 1975).

ставить себе живого человека во плоти и крови, перипетии его жизненного и научного пути, кроме основных вех, отмеченных в сухих статьях энциклопедических справочников. Кроме того, список ученых, чьи имена должны были быть отмечены в этой серии, был выдержан в духе застойных времен: в него могли попасть лишь некоторые академики АН ТССР. Следовательно, немало ярких, талантливых и плодотворно трудившихся на ниве туркменской науки ученых, не имевших этого звания, остались вне поля зрения. Поэтому, например, среди брошюр упомянутой серии, посвященных представителям исторической науки Туркменистана, мы обнаруживаем лишь публикации об академике Шаджа Батыровиче Батырове, Ага Каррыевиче Каррыеве, Шамураде Ташлиевиче Ташлиеве и Александре Анатольевиче Рослякове (Библиотечно-библиографическое и книжное дело в Туркменистане, 1999. С. 116-118, 75). Но надо быть объективными: при исследовании жизненного и научного пути того или иного ученого подобного рода библиографические брошюры-справочники могут, несомненно, оказать ценную помощь.

Думается, что среди имен ученых, связанных с различными аспектами исторической науки Туркменистана, необычной судьбе которых можно посвятить специальные исследования, достойное место могли бы занять из числа ушедших такие историки, востоковеды, археологи, этнографы, искусствоведы и антропологи как В.В. Бартольд и А.Н. Самойлович², А.Ю. Якубовский и В.Г. Мошкова, В.А. Успенский и А.А. Марущенко, М.Е. Массон, В.М. Массон и Л.В. Ошанин, А. Каррыев и А.А. Росляков, Н.Н. Карашхан оглы Йомудский и Г.И. Карпов, а также некото-

2 Вклад А.Н. Самойловича в туркменскую литературоведческую науку уже освещал в своей интересной работе Д. Нуралиев (1983). Кстати, туркменские литературоведы явились, пожалуй, наиболее активными в разработке поднимаемой тематики, исследуя не только сочинения, но и творческие биографии целого ряда представителей туркменской литературы дореволюционного и советского периодов. *Прим. ред.*: В настоящее время имеются и другие исследования, посвященные личности А.Н. Самойловича и его исследованиям. Например: Ашнин Ф.Д. Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Тюркологический сборник 1974. М., 1978. С. 8–27; Александр Николаевич Самойлович: научная переписка. Биография / сост., автор статей и биографии Благова Г.Ф.; отв. ред. Насилов Д.М. (М.: Вост. литература, 2008. 590 с. библиогр.: С. 551–585) и др.

рые другие. На личности и научном пути одного из названных – Георгия Ивановича Карпова – мне бы и хотелось остановиться в этой небольшой работе, являющейся первой попыткой монографией подобного рода.

Выбор именно Г.И. Карпова в качестве первой личности, о которой необходимо написать особо, продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, тем, что Г.И. Карпов по характеру своей деятельности, связанной с туркменоведением, был весьма разносторонним ученым, с широким диапазоном интересов. С одной стороны, он выступает как историк. Причем среди его работ мы видим исследования, посвященные истории и дореволюционного Туркменистана, и различных этапов развития этого региона в советский период (борьба за установление советской власти в Закаспии, гражданская война, двадцатые-тридцатые годы, Великая Отечественная война). Особое место занимает он как автор исследований по истории Коммунистической партии Туркменистана. С другой стороны, Георгий Иванович широко известен как один из родоначальников туркменской советской этнографической науки. Здесь также научные интересы ученого не замыкались в рамках кого-то одного узкого направления, хотя преимущество и отдавалось столь важным и интересным вопросам как изучение этнической истории и родоплеменных структур туркмен. Кроме этого, Г.И. Карпов затрагивал различные вопросы, связанные с туркменским бытом: о знаках-тамга, яшмаке³, о некоторых религиозных традициях и обычаях, о роли родовых старейшин-аксакалов, об экзогамии и эндогамии у туркмен и т.д. Писал он и об этнографическом изучении региона вообще, о задачах туркменской этнографии на будущее. Этнографические исследования Г.И. Карпова включают в себя и изучение народов сопредельных регионов (прежде всего Ирана) и более отдаленных областей (например, тюрков-гагаузов Украины и Молдавии). Еще одной стороной научных интересов Г.И. Карпова, хотя и игравшей второстепенную роль в его научном наследии, является обращение к вопросам туркменской классической литературы

3 Яшмак (yaşmak) – специальный платок или угол головного платка, которым замужняя туркменская женщина должна была закрывать нижнюю часть лица – *Прим. ред.*

и фольклора. Причем здесь он выступил не только как исследователь, но и как переводчик образцов туркменской словесности на русский язык. Более того, ученый попробовал себя даже в роли автора нескольких литературных произведений.

Вторым моментом, определившим выбор личности Г.И. Карпова объектом пристального внимания, явилась его необычайная активность как организатора гуманитарной, и прежде всего исторической науки Туркменистана и непревзойденного мастера налаживания по всей республике многочисленных связей на местах с респондентами, которые могли собрать огромный фактический материал, прежде всего, по родоплеменным делениям туркмен.

Третье обстоятельство связано с тем, что, несмотря на многочисленные публикации работ Г.И. Карпова в виде книг, статей в научной периодике, в научно-популярных журналах и в газетах, большая часть его научного наследия, которое могло бы составить несколько солидных томов, остается в рукописном, т.е. не доступном широкому читателю виде. Состояние этого наследия, рассеянного по разным книгохранилищам и находящегося у частных лиц, к сожалению, все более ухудшается, причем не только под воздействием времени и условий хранения, весьма далеких от идеальных, но и вследствие небрежного, а порой и недобросовестного отношения к рукописям некоторых читателей. Поэтому издание, как можно быстрее, хотя бы части наиболее интересных (в частности, связанных с этнической историей туркмен) из рукописных работ Г.И. Карпова является неотложной задачей⁴.

И, наконец, четвертым обстоятельством является тот наводящий на грустные размышления факт, что человеку, отдавшему всю свою сознательную жизнь развитию науки Туркменистана, труды которого широко использовало в своих исследованиях не одно поколение историков и этнографов, после безвременной

4 Об интересе же к такого рода публикациям свидетельствует хотя бы тот факт, что в конце 1990 – начале 1991 гг. некоторыми деловыми людьми в Ашхабаде были предприняты успешные попытки продажи по довольно дорогой цене ксерокопий отдельных, в несколько страниц, извлечений из работ Г.И. Карпова о туркменских племенах теке, иомут, салыр и др.

кончины практически не было посвящено ни одной работы, если не считать редких и кратких упоминаний его имени в отдельных публикациях. Имя Г.И. Карпова даже не упоминается не только в БСЭ (Т. XI), но и в специализированной многотомной СИЭ (Т. IV). В изданиях энциклопедического характера, связанных непосредственно с Туркменистаном (см.: Туркмен Совет Энциклопедиясы, 1982 и энциклопедический однотомник «Туркменская ССР», 1984), встречаются отдельные упоминания о жизни и деятельности Г.И. Карпова. В первом из этих изданий приведена короткая справка о нем (С. 244). Но и здесь нельзя найти фотографии «советского этнографа, историка, заслуженного работника ТССР», как характеризует его «Туркмен Совет Энциклопедиясы», хотя рядом размещена сопровождаемая фотоснимком справка о шахматисте А.Е. Карпове, непонятно какое отношение имеющем к национальной энциклопедии.

Материалы, послужившие источником при подготовке данной монографии, различны. Это прежде всего опубликованные и рукописные работы Г.И. Карпова 1920–1940-х гг.⁵; монографии, вышедшие в Ашхабаде и в Москве в 1930–1940-е годы (Карпов, 1935, 1940, 1940а; Карпов Г.И., Батцер, 1930; Карпов, Школьников, 1945 и др.), статьи в журналах «Туркменоведение», «За социалистическую Туркмению», «Известия Туркменского филиала АН СССР», «Советская этнография» и др., в республиканских газетах «Туркменская искра» и др.; рукописные материалы, хранящиеся в Центральной научной библиотеке АНТ⁶ и Республиканской Государственной библиотеке им. Карла Маркса (ныне Государственная библиотека Туркменистана); некоторые архивные материалы, встречающиеся в Центральном Государственном архиве ТССР (ныне Центральный Государственный архив Туркменистана) и Партархиве ИОПИ, воспоминания людей, кто хорошо знал Г.И. Карпова, или тех, кто с ним общался.

5 Подробнее на них остановимся в соответствующих разделах работы.

6 Здесь в Редком фонде этой библиотеки часть картотеки, касающаяся Г.И. Карпова, в 1991 г. насчитывала 158 карточек (см. Приложение). В то же время в Редком фонде Государственной библиотеки Туркменистана карточек аналогичного характера лишь пять.

Глава I Жизненный путь ученого

Людей, поднявшихся до уровня личности, можно условно разделить на три категории: тех, о жизни и деятельности которых сохранилось достаточно сведений; тех, чья жизнь известна лучше, чем их конкретные деяния, и, наоборот, тех, чьи труды в значительной степени сохранились, а о самих их авторах мы знаем значительно меньше. К третьей категории относится и Георгий Иванович Карпов (1890–1947), о котором, как о живом человеке с его интересами и устремлениями, достоинствами и слабостями, больше говорят его труды, чем сухая протокольная биография.

Личность Г.И. Карпова давно интересовала меня. Еще в конце 50-х годов прошлого века, студентом МГУ, готовя дипломную работу по юго-западным туркменам, мне довелось ознакомиться с несколькими его публикациями 1920–1930-х годов. В последующий период, по мере изучения истории и этнографии Туркменистана, я все чаще встречал эту фамилию во многих статьях и книгах, кандидатских и докторских диссертациях, наконец в академической «Истории Туркменской ССР (1957)», где говорится, что «большие заслуги в области развития исторической науки и этнографии в Туркменистане принадлежат также Г.И. Карпову» (С. 11).

Однако, проработав после окончания МГУ много лет в Отделе этнографии Института истории АНТ, я с удивлением обнаружил, что о самом ученом, на которого ссылаются авторы, мало что известно, кроме официальных сухих данных его биографии. Более того, после раннего, в 57 лет, ухода из жизни, о нем самом более-менее серьезных публикаций не было. То же можно сказать и о публикации его многочисленных неизданных трудов – ни строчки.

Полагаю, что объясняется это следующим. Во-первых, сложностью ознакомления с работами Карпова: публикации рассеяны в ашхабадских, московских и иных, порой малодоступных изданиях 1920-х-1940-х годов, а неопубликованные хранятся в редких фондах некоторых библиотек. Во-вторых, тем, что Карпов, хотя и занимал в разные периоды высокие общественные и научные должности, не придавал, как истинный учёный, особого значения степеням и званиям. Он не был ни доктором наук, ни членом-корреспондентом или академиком, лишь за несколько лет до кончины защитил кандидатскую диссертацию. Поэтому в глазах научного и иного начальства он не обладал статусом, дававшим право на посмертные издания. И, в-третьих, он был человеком исключительной принципиальности, отличался, мягко говоря, не очень гибким характером, не умел приспособляться к обстоятельствам, что не могло нравиться руководству.

Доказать это можно, обратившись хотя бы к изданиям общего фундаментального характера. Г.И. Карпову не нашлось места ни в БСЭ, ни в специализированной многотомной СИЭ. В вышедшей на туркменском языке 10-томной ТСЭ была напечатана лишь маленькая, в пол столбца и без фотографии, сухая заметка, в которой неуказанный автор, не утруждая себя изучением вопроса, не постеснялся написать, что «с 1932 г. по 1947 г. Г.И. Карпов работал на разных должностях» (Туркмен Совет Энциклопедиясы, 1982. С. 344). В изданном двумя годами позже на русском языке одно-томном энциклопедическом справочнике «Туркменская Советская Социалистическая Республика» (1984) встречаются лишь отдельные, в ряду других фамилий, упоминания о деятельности Карпова в Туркменистане (С. 136, 304, 306, 312, 315, 421, 454). Умолчание или упоминание имени Карпова лишь вскользь характерны и для более поздних работ. Так, в автореферате защищённой уже в начале 1990-х годов диссертации А. Таганова «Наука Туркменистана в 1924-1951 годы» (1991) о Карпове не сказано ни слова. Это положение, судя по тенденциям в исторической науке Туркменистана постсоветского периода, вряд ли изменилось и в настоящее время.

В 1991 г. на базе публикаций Карпова, его огромного рукописного материала, архивных данных и бесед с людьми, близко

знавшими Георгия Ивановича в семейном быту или по работе (в том числе академик АН Туркменистана П. А. Азимов и др.), была подготовлена монография «Георгий Иванович Карпов – туркменский историк и этнограф». Я стремился воскресить из небытия облик замечательного человека, посвятившего всю свою жизнь развитию науки Туркменистана. Отдел этнографии Института истории АН ТССР рекомендовал книгу в печать. Предполагалось, что своего рода второй частью станет солидный прокомментированный однотомник избранных работ Карпова. В него могли бы войти некоторые наиболее интересные публикации прежних лет и ряд никогда не публиковавшихся статей. Но год 1991-й стал переломным в истории страны. Советский Союз перестал существовать, а в центр внимания историков суверенных республик, в том числе и Туркменистана, попали уже иные имена. Замысел издать книгу о Карпове пришлось отложить до лучших времен.

Тем не менее, автору удалось трижды коснуться этой личности – опубликовать большую статью «Жизнь посвятив Туркменистану...» в республиканской газете «Туркменская искра» (1994, 29 августа), очерк «Г. И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана» в «Вестнике Евразии» (2001) и этюд «Трагическая и прекрасная судьба историка» в сборнике «Туркменистан: выдающиеся люди XX века» (2002). В данном разделе автор сосредоточился в основном на биографии Григория Ивановича, стараясь по возможности не вдаваться в подробности чисто научных интересов, которые он разрабатывал. Освещению их будут посвящены последующие разделы¹.

Увы, многие годы, прошедшие после ухода из жизни этого ученого, суровые годы Великой Отечественной войны и кровавых предвоенных репрессий, а затем унесшее большинство жизней ашхабадцев землетрясение 1948 г. сделали почти невоз-

можным встретить людей, которые лично знали Г.И. Карпова, в какой-то степени общались с ним и могли бы поделиться своими воспоминаниями. В этом плане творческой удачей автор рассматривает состоявшееся в мае 1991 г. знакомство с дочерью Г.И. Карпова Лидией Георгиевной Черновой (в девичестве – Карповой), которая рассказала много интересного и ценного о своем отце, перипетиях жизни Георгия Ивановича и его семьи, а также любезно предоставила для иллюстрирования данного текста ряд фотоснимков, сохранившихся у нее в семейном архиве. Некоторые дополнительные детали сообщила и его вторая дочь Розалия Георгиевна, которую я посетил в городке Правдинске Калининградской области в октябре 1991 г.

Лидия Георгиевна Чернова (урожденная Карпова), 1925 г. рождения – старшая дочь Г.И. Карпова. После окончания средней школы училась в эвакуированном во время войны из Харькова в Ашхабад Военно-медицинском училище. Окончив его 19-летней девушкой, прошла в 1944 г. в звании лейтенанта мед. службы дорогами войны по Белоруссии, Латвии, Восточной Пруссии. Имеет воинские награды. После войны долго работала на другом опасном фронте – противочумной станции. Дважды приезжала (в 2000 и 2003 гг.) в гости к автору книги о ее отце в ст. Батуринскую Краснодарского края, где он живет с 1998 г. Ушла из жизни в 2006 г. В районной газете «Брюховецкие новости» было напечатано интервью с ней (Гостя из Калининграда. 2000, 26 декабря).

С внучатым племянником Михаилом Ивановичем Соколом автор познакомился в ноябре 2018 г., когда он, узнав через Интернет о том, что о его знаменитом родственнике написана книга, разыскал меня через Интернет и приехал с супругой Екатериной из Краснодара, где сейчас проживает, в станицу Батуринскую для личного знакомства. Его дядя по матери Карпов Иван Иванович – родной младший брат Георгия Ивановича – погиб во время Великой Отечественной войны. Отец, Сокол Иван Иванович, тоже участник ВОВ, уроженец кубанской станицы Старонижестеблиевской, после войны познакомился, будучи по делам в селе Быково, родовых местах Г.И. Карпова, с его будущей матерью и переехал в совхоз «Приазовский», где практически всю жизнь трудился инженером-механиком. Там же, в пос. Приазовский Приморско-Ахтарского района в 1952 г. родился и Михаил. По окончании средней школы в 1969 г. в 16 лет он поступил во Львовский торгово-экономический институт. Окончив его в 1973 г., отслужил в армии, а в 1976 г. женился. Двое детей, четверо внуков.

¹ Следует сказать, что за тридцать лет, прошедших со времени написания этой книги до ее публикации, личность Г.И. Карпова заинтересовала и некоторых других гуманитариев, в той или иной степени связанных в своих научных разработках с темой туркмен и Туркменистана (см., например, коллективную статью О.И. Брусиной с соавторами (2019) и небольшой этюд С.А. Атановой (2020)).

Лидия Георгиевна Чернова (Карпова) в гостях у автора – этнографа С.М. Демидова в г. Ашхабаде (Туркменистан). 16 июня 1994 г. Фото М. Диванаева.

«Испытание тыквы». Л.Г. Чернова (Карпова) в огороде С.М. Демидова во время второго ее приезда в станицу Батуринскую Краснодарского края. Август 2003 г. Фото С.М. Демидова.

Работал главным бухгалтером Управления кооперативных рынков Краснодарского крайпотребсоюза, директором Туапсинской райзаготконторы, зам. Начальника Контрольно-ревизионного управления Гос. Комитета РСФСР по виноделию и виноградарству, главным ревизором Комитета. В 1988 г. организовал кооператив. Затем снова работал главным бухгалтером, директором коммерческих предприятий. В настоящее время – управляющий Товарищества собственников жилья многоэтажного дома в г. Краснодаре.

Михаил Сокол с женой Екатериной в гостях у С.М. Демидова в станице Батуринской. Кубань. 28 апреля 2019 г. Фото Р. Палде.

Михаил и Екатерина Соколы около беседки у дома С. М. Демидова в станции Батуриная. 1 марта 2020 г. Фото автора.

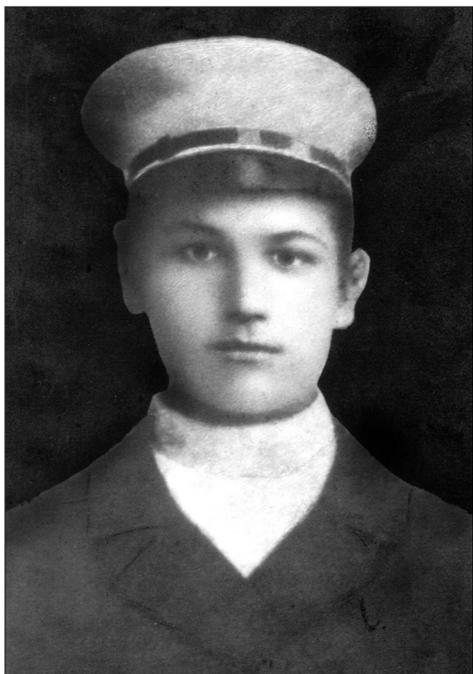
Георгий Иванович Карпов родился 9 декабря 1890 г. в большом селе Караваинка, одном из волостных центров бывшего Царицынского уезда (ныне Волгоградский район Волгоградской области) в крестьянской семье. Отец его, Иван Михайлович, скопив небольшие средства, открыл маленькую сельскую лавку.² Однако торговая деятельность, очевидно, особого успеха не имела, так как позднее он вынужден был работать по найму как печник³ и плотник – ставил печи, двери, оконные рамы и т. д. А семья, которую надо было кормить, у Ивана Михайловича была немалая. Первая жена умерла совсем молодой, оставив ему сына Ивана. Позднее, когда мальчику исполнилось уже десять-двенадцать лет, Иван Ми-

хайлович женился еще раз. От второй жены Акулины Тихоновой, бывшей значительно моложе его годами, у него было семеро детей. Старший, Георгий, родился в 1890 г. За ним появились на свет четверо его сестер и двое братьев: Анна первая (ум. в 1980 г.), Иван (ум. от ран в 1944 г.), Анна вторая (ум. в начале 1970-х гг.), Нина (жила в пос. Быково Волгоградской области), Екатерина (жила в г. Алма-Ата), Николай (ум. молодым, в конце 1920-х гг.). У шестерых сыновей и дочерей Ивана Михайловича, кроме Анны первой и Николая, остались свои дети, внуки и правнуки.

Первенец Ивана и Акулины Карповых, Георгий, учился сначала в сельской церковно-приходской школе своей родной Караваинки (1900–1903). Видя способности подростка, сельский священник-учитель посоветовал Ивану Михайловичу отдать сына в гимназию. Отец Георгия, сам имевший, очевидно, лишь начальное образование (жена Акулина была неграмотна) прислушался к совету и, несмотря на финансовые сложности, в том же 1903 г. отдал его в Камышинскую гимназию. Дореволюционное гимназическое образование в гуманитарном отношении могло поспорить с образованием соответствующего профиля ряда современных отечественных университетов. Поэтому гимназический курс в сочетании с усиленным самообразованием пытливого юноши, интересующегося вопросами истории, и его природными способностями позволили Георгию в дальнейшем стать известным историком и этнографом, защитить кандидатскую и подготовить докторскую диссертации. На зимних рождественских и летних каникулах Георгий-гимназист приезжал домой. Летом вместе с отцом он, познавший, как и его сверстники, трудовую школу крестьянской жизни, обычно отправлялся на заработки, чтобы внести и свою лепту в бюджет семьи, поддержать младших братьев и сестер. Впрочем, в подобных подработках Георгий участвовал, еще учась в сельской школе. Во время поездок на заработки с отцом или в одиночку ему довелось побывать в ряде мест не только своей, но и соседней Астраханской губернии. Как-то даже устроился подработать на пивоваренный завод в г. Царицын (с 1925 по 1961 гг. Сталинград, ныне – Волгоград), но не понравились бытовавшие там хмельные нравы, и он ушел.

2 Правда, в обнаруженных в архиве туркменского литературоведа Мяти Косаева воспоминаниях о Г. И. Карпове почему-то говорится, что он родился в семье бедного рыбака (Косаев, 1988).

3 В краткой биографии Г. И. Карпова, составленной им 19.VIII.1933 г., он говорит о себе – «сын печника» (РФ ЦНБ АНТ. Р-208, л. 95).

Г. Карпов – учащийся Камышинской гимназии. 1907–1908 гг.

К сожалению, Г. И. Карпову не удалось окончить полного курса гимназии, где он проучился лишь примерно пять лет из восьми. Очевидно, к концу его учебы относится помещенный здесь снимок.

Боевой, решительный характер Георгия ярко проявился в этот период, когда он выступил как организатор или один из организаторов революционных волнений гимназистов, к чему юношей подтолкнул, очевидно, общий народный подъем, связанный с революцией 1905-1907 гг. Г. Карпову грозило не только исключение из гимназии, но и привлечение к судебной ответственности. Поэтому один из гимназических преподавателей, благожелательно относившийся к способному гимназисту, а, может быть, и сочувствовавший революционным порывам молодежи, посоветовал ему, хотя бы на время, уехать куда-нибудь подальше от глаз властей и дал адрес своего товарища или коллеги в Туркестане. Так, благодаря стечению обстоятельств, Г. Карпов впервые попадает в Среднюю Азию – в города Ташкент и Фергану.

Эта первая встреча с Востоком и стала, видимо, тем начальным толчком, который пробудил глубокий интерес юноши к жизни и быту среднеазиатских народов, их истории и культуре, языку и литературе, чему позднее он посвятил большую часть своей жизни. К сожалению, неизвестно, чем занимался здесь первые годы по приезду Г. Карпов. Но в любом случае его стремление к более тесному контакту с коренным населением было довольно сильным. Об этом свидетельствует то, что он изучил узбекский язык и использовал его в общении с местными жителями. Это пригодилось ему и позднее, когда он приехал в Ташкент как представитель советской власти. В г. Фергане же в 1912 г. Г. Карпов был призван на военную службу, на которой находился до начала первой мировой войны, а затем со своей частью отбыл на фронт. Какое-то время ему довелось служить писарем 7-го Туркестанского стрелкового полка, так как Георгий овладел умением печатать на машинке. Его дочь, Лидия Георгиевна, вспоминала, что в семейном архиве хранились относящиеся к тому периоду фотографии, где отец был снят в военной форме, печатающим на пишущей машинке.

С началом бурных событий, связанных с Великой Октябрьской социалистической революцией, Г. И. Карпов активно участвует в них. Вступив в Красную Гвардию, он служит в ее рядах, а потом в молодой Красной Армии. Затем возвращается в свое родное село Караваинку, где его избирают сначала председателем волостного (1919 г.), а затем заместителем председателя уездного (1920 г.) исполкомов. Полгода в этот период проработал Г. И. Карпов и зав. райнаробразом⁴ Липовского района. В 1920 г. Георгий Иванович вступает в Коммунистическую партию. В те же годы произошли серьезные изменения и в его личной жизни. Он женился на простой крестьянской девушке из тех же мест – Александре Константиновне Гнидовой. В отличие от мужа она была неграмотной и лишь позднее, по его настоянию, окончила курсы ликбеза. В Караваинке или соседнем селе Романовке у Карповых в 1920 г. родился первенец из выживших детей (предыдущие один или два ребенка умерли вскоре после рождения) – Виктор, положивший начало многодетной, как и у его родителей, семье Георгия Ивановича.

4 Районный отдел народного образования

Г. Карпов с женой Александрой.
1919–1920 гг.

В сентябре 1920 г. Г. И. Карпова, как хорошо зарекомендовавшего себя на советской службе и в известной степени знакомого со спецификой жизни и быта Средней Азии, знающего узбекский язык, направляют в Ташкент, где он работал с октября 1920 г. по октябрь 1922 г. сначала заведующим одним из отделов, а затем заместителем и временно исполняющим должность наркома Комиссариата внутренних дел Туркестанской республики. В 1921 г., после смерти Ивана Михайловича, в Ташкент к сыну с младшими детьми – сестрами Георгия Ниной и Екатериной и братом Николаем – из охваченного голодом Поволжья приезжала его мать Акулина. Через некоторое время она с дочерью Ниной вернулась назад. Скорее всего, это было последнее свидание матери со старшим сыном, ставшим к тому времени известным человеком. В 1930 г. она умерла в родных местах, где Георгию Ивановичу за напряженностью ответственных работ и перипетиями семейной жизни, увы, больше никогда побывать не пришлось.

В октябре 1922 г. Г. И. Карпов по решению ЦК КП/б/ Туркестана из Ташкента был командирован в новый для него регион – Туркменистан – и, как подчеркивается в ТСЭ, «до конца своей жизни активно участвует здесь в административно-политической, культурной и научной жизни» (ТСЭ, 1982). Сюда он был направлен в качестве председателя исполкома Туркменской области Туркестанской республики. На этом посту, а затем в должности заместителя председателя облисполкома он работал до ноября 1924 г. В ноябре 1924 г., с образованием ТССР, был утвержден в должности заместителем Наркома внутренних дел молодой республики. С октября 1926 г. по май 1929 г. Г. И. Карпов состоял членом Президиума и секретарем Центрального Исполнительного Комитета ТССР. Властное стремление к изучению жизни и быта, обычаев и традиций коренного населения – в данном случае туркмен – прорывается у Карпова даже на этих, казалось бы, довольно далеких от истории и этнографии постах. Одним из ярких свидетельств этого является тот факт, что уже в 1923 г. он создает здесь «Кружок изучающих историю, этнографию и археологию Туркменистана», а в 1925 г. выпускает брошюру о родоплеменном составе туркмен с приложением соответствующих схем родоплеменных делений, где он в том числе добросовестно перечисляет всех своих основных информаторов, которые «при изучении на местах племенного деления... оказали огромную помощь» (Карпов, 1925. С. 3).

Как и раньше в Узбекистане к узбекским традициям, относясь с подлинным интересом и уважением к истории и культуре туркменского народа, Г. И. Карпов, несмотря на всю свою занятость, старательно изучает туркменский. По воспоминаниям Лидии Георгиевны о 1930-х – 1940-х гг., с приходившими к ним в гости довольно часто туркменами он разговаривал на их родном языке, ибо прекрасно понимал, что язык – один из главных ключей к сердцу человека. Конечно, природные способности, знание узбекского языка и арабской письменности, которой до 1928 г. пользовались народы Средней Азии, оказали ему существенную помощь при овладении и туркменским. Тем не менее, без серьезной работы осуществить это было бы невозможно. Зна-

ние языка помимо бытовых, утилитарных нужд весьма помогло Г. Карпову в дальнейшем не только при проведении различных историко-этнографических исследований, но и при подготовке (совместно с Н. Ф. Лебедевым) переводов ряда произведений туркменского народного творчества и поэтов-классиков.

Однако успехам Георгия Ивановича в организации полевых этнографических изысканий, создании своего рода сети информантов и контакта с ними, без чего не мыслится работа этнографа, помимо знания языка способствовали, несомненно, играющие немалую роль в этом деле такие черты его характера как общительность, умение найти точки соприкосновения с человеком, расположить его к себе. Все это содействовало и более успешным исследованиям в период до перехода непосредственно на научную работу, и вообще завязывания контактов с людьми в течении всей его жизни.

Г. И. Карпов с одним из своих туркменских коллег или информаторов. 1920-е гг.

А возможности для знакомства Георгий Иванович использовал самые различные. Например, такие характерные для Средней Азии, в том числе и Туркменистана, места сбора людей,

как чайханы (к слову сказать, пил он только зеленый чай) – эти своего рода оживленные клубы обмена различными новостями и мнениями⁵. Помогала ему и такая деталь как любовь к шахматам – игре, традиционно занимавшей среди развлечений у туркмен и ряда других восточных народов первое или одно из первых мест. Еще более азартным, чем игрок, Георгий Иванович был, пожалуй, в роли болельщика. Однако болельщика, несмотря на темперамент, не в пример многим другим выдержанного, о чем говорят воспоминания Лидии Георгиевны – его дочери, которую он брал с собой в городской парк (в недавнем прошлом ЦПКиО им. XX-летия ВЛКСМ), где, как и в настоящее время, имелся уголок любителей шахмат. О том, что при всей своей занятости на ответственных руководящих постах Г. И. Карпов находил время бывать в чайханах, на базаре, чтобы побеседовать с людьми, сыграть с дайханами на уровне любителя партию-другую в столь популярные у местного населения шахматы, говорит в своих, записанных в 1964 г., воспоминаниях и персональный пенсионер Батыр Атаев (1907 г.р.)⁶.

Выдававшиеся нечасто более или менее свободные минуты Георгий Иванович отдавал игре на любимом инструменте – скрипке (после войны, правда, брать ее в руки не пришлось – не было уже ни времени, ни самого инструмента), рисованию (например, лишь по рисункам отца, сделанным им по памяти, Лидия Георгиевна получила какое-то представление об облике ее деда и бабушки, родителей Георгия Ивановича, от которых не осталось фотографий), пел песни или романсы (один

5 Характерно, что именно в наши дни чайханы в некоторых местах Средней Азии снова, после повального увлечения широкомасштабными мероприятиями, попали в поле зрения тех руководителей, кто хочет установить более тесный, непосредственный контакт с людьми. В связи с этим небезынтересно привести слова работника Чиланзарского райкома Компартии Узбекистана Рауфа Хаджибаева: «Мы сейчас практически отказались в своей работе от массовых мероприятий. В большинстве своем это дает лишь обратный эффект. Начинаем искать более гибкие формы. Приходим, например, в махаллю (традиционный квартал – С.Д.), заходим в чайхану и начинаем беседовать с находящимися там. Просто, в неформальной обстановке, за пиалой чая» (Шальнев, 1991).

6 Партархив ИОПИ ЦК КПТ, ф.51, оп.16, д. 70, л. 5. Воспоминания составлены в октябре 1964 г.

из любимых – «Мне все равно – страдать или наслаждаться»), ходил с детьми в кино или театр.

Кстати, в памяти Лидии Георгиевны сохранился связанный с одним из послевоенных посещений театра эпизод, ярко характеризующий отношение Г.И. Карпова к развитию туркменской культуры. Он специально повел дочерей Лиду и Розу в ашхабадский Театр оперы и балета на премьеру оперы «Евгений Онегин», подготовленной на туркменском языке. По возвращении домой младшая сестра Лидии Георгиевны Роза, которой тогда было лет восемнадцать, будучи еще слишком юной девушкой, склонной порой следовать чужому мнению, имела неосторожность повторить услышанные ею чьи-то слова о том, что местные артисты в такой глубоко национальной русской опере выглядят несколько смешными. Отец пришел в страшный гнев и чуть ее не ударил: «Да понимаешь ли ты, что это первая опера на туркменском! Это же целое событие в новой туркменской культуре!». Георгий Иванович искренне радовался каждому новому явлению, связанному не только с развитием науки, но и культуры и искусства туркменского народа. И не только радовался, но вносил по возможности и свою собственную лепту – в частности, в виде сбора и переводов образцов туркменского народного творчества и поэтов-классиков, участия в подготовке русско-туркменского словаря, написания в соавторстве комедии «Кел» («Плешивый»), поставленной на сцене Туркменского драматического театра еще до войны. Кстати, хотя пьеса шла на туркменском, Георгий Иванович принес билеты для любимой дочери Лиды и своей сестры Анны и они смогли убедиться воочию в теплом приеме, который был оказан зрителями этому произведению.

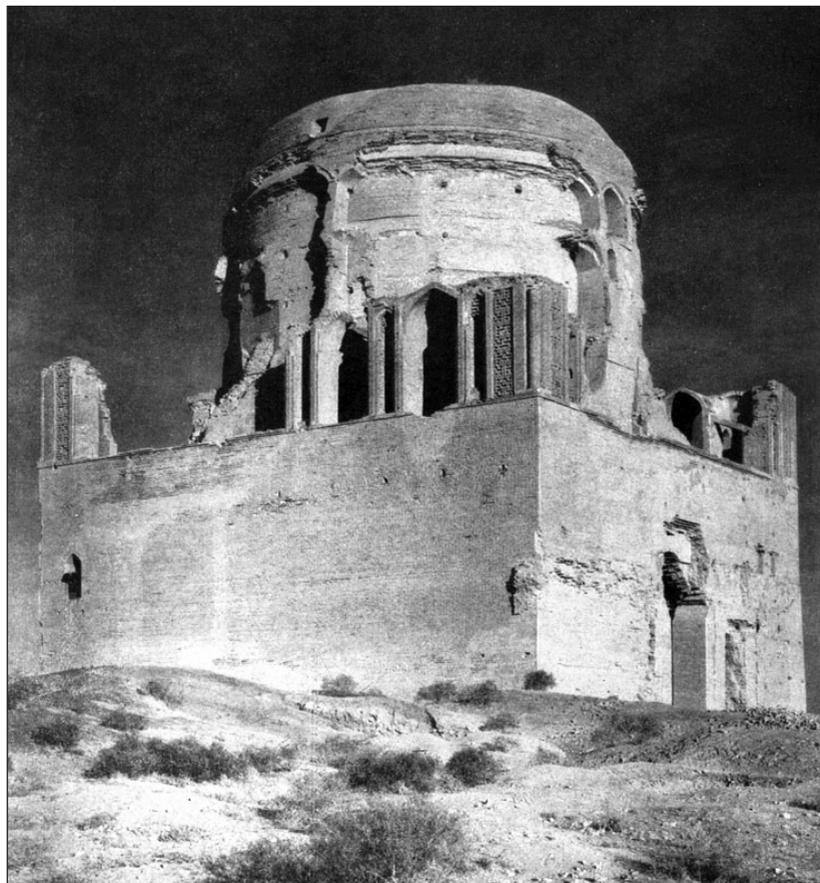
Через четыре года по приезде в Туркменистан, в 1926 г., Г.И. Карпов становится ответственным секретарем ЦИК республики. Это значительно расширило круг вопросов жизни Туркменистана, в решении которых ему пришлось принимать самое деятельное участие. Часть из них была непосредственно связана с историко-культурными аспектами, порой самого необычного характера. Так, например, работники городского хозяйства г. Байрамали для того, чтобы улицы городка не были столь

пыльными, приняли «мудрое» решение – вымостить их кирпичами с одного из наиболее известных памятников средневековой архитектуры Туркменистана – мавзолея сельджукского правителя Султана Санджара. Сообщение об этом безнравственном и преступном решении, которое уже начало осуществляться, дошло до Г.И. Карпова. Он тут же строго распорядился прекратить это варварство и, таким образом, от памятника, ставшего ныне своего рода символом истории Туркменистана, была отведена угроза уничтожения (Косаев, 1988).

И как заместителю наркома внутренних дел (1924–1926), и как члену ЦИК ТССР (1926–1929) Г.И. Карпову приходилось немало ездить по необъятным просторам республики, бывать в самых отдаленных ее уголках, встречаться, знакомясь с положением дел на местах, с самыми различными людьми. В 1920-е годы подобные поездки, не в пример более поздним периодам, были сопряжены не только с гораздо большими физическими нагрузками, чем сейчас, но порой и с риском для жизни, требовали личного мужества. В качестве своего рода иллюстраций к сказанному можно привести эпизод, связанный с ознакомительно-инспекционной поездкой представителей правительственной комиссии из Ашхабада в район Чарджуйского⁷ округа в апреле 1926 г. Об этом эпизоде, в частности, упоминает в своих воспоминаниях, написанных в 1964 г., Байрам Ниязов, работавший в 1926 г. уполномоченным Чарджуйского окружного уголовного розыска.

Возглавляемая председателем ЦИК ТССР Н.А. Паскуцким комиссия, в состав которой кроме него входило еще восемь человек, представлявших разные наркоматы и ведомства (Карпов, Байрам Сахатов, Дормидонтов, Никитин, Фомкин, Плеханов и Мушников), 18 апреля выехала из Сакара в Старый Чарджуй. Проехав всего 4–5 км, комиссия встретила банду басмачей Анна Сердара в 50–60 вооруженных всадников, шедшую в сторону афганской границы. Члены комиссии были высажены из фаэтонов, на которых они ехали, у них отобрали верхнюю одежду, обувь, деньги и часы. А Дормидонтов, попытавшийся оказать вооруженное сопротивление, был в упор застрелен одним из банди-

⁷ Ныне Лебапский велаят Туркменистана, ранее – Чарджоуская область Туркменской ССР.

Туркменистан, г. Байрамли. Мавзолей Султана Санджара «Дар-ал-Ахыре», XII в. Фото 1920-х годов, со следами ремонта 1914 г., осуществленного инженером В.Р. Трипольским. Когда Г. И. Карпов был директором Института истории, реставрационные работы на мавзолее в 1937 г. проводил архитектор Н.М. Бачинский.

тов. Произошло все это всего в 30 км от г. Чарджуя, куда члены комиссии добрались лишь поздно вечером. С помощью местных товарищей они кое-как экипировались, и Г. И. Карпов, уже через час инспектировал правовые органы округа, где и познакомился с будущим автором воспоминаний, который в тот момент был дежурным по окружному отделу УГРО. На преследование басмачей был послан спец. отряд, но те успели уйти за кордон. Тело Дормидонтова привезли в Ашхабад и похоронили с воинскими

Туркменистан, г. Байрамли. Мавзолей Султана Санджара.. В 2004 г. был отреставрирован при содействии Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию (ТИКА). Фото Н. Дубовой. 2010 г.

почестями. Бандиты не знали, что столкнулись с правительственной комиссией, ошибочно решив, что это – члены одной из научных экспедиций, иначе последствия подобной встречи могли бы быть намного трагичнее (Воспоминания Ниязова Байрама, 1899 г.р. Партархив ИОПИ, ф.51, оп.16, д. 597, л. 10)

Говоря о начале деятельности Г.И. Карпова в Туркменистане, следует отметить быстрое установление им тесных контактов с представителями местной периодической печати и активное сотрудничество с ними. Эта активность, как увидим дальше, затем была перенесена и на специальную научную периодику. Достаточно упомянуть, что уже в третьем и четвертом номерах (от 12 и 13 ноября) республиканской газеты «Туркменская искра», впервые вышедшей 7 ноября 1924 г., появилась статья Г.И. Карпова «О племенной вражде (Заметки о причинах и формах племенной вражды)», посвященная историко-этнографическому анализу столь важной в то время проблемы. И далее, на протяжении целого ряда лет, перо Георгия Ивановича не забывало полос этой газеты.

Позднее, с созданием республиканской комсомольско-молодежной газеты «Комсомолец Туркменистана» Г. И. Карпов довольно активно начинает сотрудничать и с нею. Работавший с 1939 г. штатным сотрудником этой газеты старый журналист Г. С. Соколов в своих воспоминаниях, говоря о ее внештатном активе, отметил, что «в нашей молодежной газете сотрудничал и заслуженный деятель науки ТССР, старый коммунист, историк Георгий Иванович Карпов» (Партархив ИОПИ, ф.51, оф.16, д. 725, л. 7).

Подобную картину мы видим и по отношению к республиканским журналам, как популярным, так и сугубо научным. Думается, достаточно отметить, что довольно большая статья Георгия Ивановича под несколько, может быть, претенциозным для настоящего времени названием «Пережитки бескультурия» появилась уже на страницах первого номера ежемесячного научно-популярного журнала «Туркменоведение» (сентябрь 1927 г.). В дальнейшем публикации Г. И. Карпова под его подлинной фамилией или выбранным им себе псевдонимом Х. Бахтияров (от *бахтияр* – «счастливый»; и здесь, как видим, Восток!) выходили регулярно на протяжении всего периода, пока издавался журнал. Позднее, в конце войны и даже в послевоенный период, когда Г. И. Карпов был уже тяжело болен, такую же интенсивность его контактов с периодикой мы видим в отношении чисто научных изданий. Например, он часто публикуется в выходивших 6 раз в год «Известиях ТФ АН ТССР» (1944, № № 2, 3; 1945, № № 1, 3, 4, 5, 6; 1946, № № 3, 4) и «СЭ» (1946, № 1; 1947, № 3).

Для характеристики образа Г. И. Карпова интересен и такой штрих, как отношение к религии. Сам он был атеистом, но к родственникам, стоявшим на других позициях, никогда не проявлял нетерпимости, несмотря на свое положение и ту общую политику вульгарного атеизма и грубого искоренения веры, которая насаждалась в нашей стране в 1920-е – 1930-е годы. Супруга его – мать Лидии Георгиевны – по словам последней, была человеком набожным, хотя молящейся ее она никогда не видела. Набожность Александры Константиновны, простой женщины, была вполне объяснима, так как она выросла в семье, где родители были глубоко верующими людьми. Когда они гостили у дочки и зятя-атеиста,

то, по старой крестьянской традиции, осеняли себя крестным знаменем перед и после трапезы, но все же, стараясь не очень демонстрировать это перед Георгием Ивановичем. Если же кто из внуков – юных атеистов – подсмеивался над поведением деда с бабушкой, то получал от них или матери подзатыльник.

В 1934 или 1935 гг. произошел еще один характерный эпизод, который также запомнился Лидии Георгиевне. Ее брат Борис, которому в то время было лет двенадцать-тринадцать, под влиянием, очевидно, тогдашней школьной пропаганды решил с несколькими такими же, как он, мальчишками выступить в роли «борцов» с духовенством. Войдя в церковь, они хором громко крикнули: «Поп – дурак!». Узнав об этом, Георгий Иванович отчитал сына как следует: «То, что вы сделали – хулиганство! И запомни: священники – люди образованные».

Будучи ответственным секретарем ЦИК ТССР, Г. И. Карпову, как и другим руководящим работникам, приходилось вникать во многие дела, содействовать решению различных актуальных жизненных вопросов того времени, в том числе связанных и с положением женщин и детей. А какая тяжелая нагрузка ложится на плечи женщины в семье, особенно многодетной, он знал как на примере своей матери, так и на примере своего многочисленного семейства, особо остро почувствовав это, когда так рано лишился жены. Поэтому, по мере возможности, Георгий Иванович стремился к тому, чтобы облегчить удел женщины, устроить судьбу обиженных жизнью детей.

Помимо собственно детских домов, где нашли приют дети, оставшиеся сиротами в результате различных жизненных коллизий и гражданской войны, в середине 1920-х годов в Ашхабаде были открыты специально два *Дома дайханки* (дайхан по-туркменски – крестьянин). В них воспитывались и получали образование несовершеннолетние девочки-подростки, явившиеся жертвой вековых традиций насильственной выдачи замуж малолетних и сбежавшие или освобожденные от своих великовозрастных мужей. Многие из этих девочек-туркменок стали впоследствии хорошими специалистами в различных областях народного хозяйства, просвещения, культуры и искусства своей республики, внесли до-

стойный вклад в развитие родного Туркменистана. В написанных в 1966 г. воспоминаниях В.П. Шуруповой, чья мать, хорошо знавшая местные традиции и языки, была одной из наиболее активных воспитательниц одного такого Дома дайханки, есть строки: «Большую работу по улучшению быта женщин города и села провели женактивистки под руководством ответственного секретаря ЦИК ТССР Г.И. Карпова, который был одновременно и председателем КУБТ» (Партархив ИОПИ, ф.51, оп.16, д. 879, л. 4).

Аббревиатура КУБТ означает – Комиссия по улучшению быта трудящихся женщин. Положение о таких комиссиях, которых к 1930 г. насчитывалось уже 27, было утверждено ЦИК ТССР в феврале 1926 г. Вместе с органами народного образования они проводили работу «по вовлечению женщин и девочек-туркменок в школы, поднимали этот вопрос на собраниях дайхан и дайханок, совещаниях женщин-членов Советов, среди учительства, заостряли его перед районными исполнительными комитетами и аульными Советами. Эти кампании производили положительное воздействие на массы и способствовали постепенному увеличению численности женщин в школах» (Караджаева, 1984. С. 54).

Г. И. Карпов – заместитель наркома внутренних дел республики и ответственный секретарь ЦИК ТССР. 1926 г.

Думается, что работа по линии наркомата внутренних дел тяготила Георгия Ивановича, стремившегося, судя по всему, целиком отдаться научной деятельности. И в 1927 г. эта его мечта осуществилась. Создав при ЦИК ТССР Историко-краеведческую комиссию, он руководит ее работой. А в декабре того же года, в значительной степени благодаря его усилиям, при СНК республики образуется Институт туркменской культуры, положивший прочное начало серьезной гуманитарной академической науке в Туркменистане.

Конечно, становление и развитие исторической науки в Советском Туркменистане, как и науки вообще, произошло не сразу. Главной предпосылкой здесь явилось то, что в октябре 1924 г. туркменский народ впервые в своей истории получил возможность иметь самостоятельное национально-государственное образование – была создана Туркменская Советская Социалистическая Республика. Это, естественно, явилось мощным толчком к всестороннему – экономическому, социальному, культурному – развитию региона. Наметились и перспективы серьезного развития разных направлений науки, в том числе исторической. «С образованием ТССР (1924), – справедливо отмечают авторы очерка «История Туркменистана» в энциклопедическом справочнике «Туркменская ССР», – появились научные учреждения, занимавшиеся изучением истории Туркменистана и подготовкой национальных кадров историков» (Атамамедов, Каррыев, 1984. С. 304).

Так, в конце 1924 г. при Наркомпросе ТССР был организован Государственный ученый совет, ведавший научными исследованиями, в том числе и историческими, а при Государственном музее – Общество краеведения, ставшее позднее Историко-краеведческой комиссией при ЦИК ТССР. В начале 1925 г. созданный ранее в Ашхабаде областной архив стал Центральным управлением архивных дел. Но особую роль в данном аспекте несомненно сыграло создание упомянутого Института туркменской культуры, более известного под несколько необычно звучащим сокращенным названием «Туркменкульт», который в мае 1932 г. был преобразован в Туркменский Государственный научно-ис-

следовательский институт при Наркомпросе ТССР. Позднее, с расширением тематики исследований и ростом числа научных кадров, в мае 1936 г. последний был разделен на два самостоятельных института – Государственный институт истории и Государственный институт литературы.⁸

Таким образом, следует подчеркнуть, что у истоков современного академического Института истории им. Ш. Батырова, долгие годы являвшегося в Туркменистане главным центром, объединявшим усилия почти всех туркменских историков, археологов, этнографов, востоковедов, культурологов и искусствоведов, стоял Институт туркменской культуры, в создании которого значительную роль сыграл Г.И. Карпов, ставший первым его руководителем. Он же был и первым директором Института истории, возглавлявшим его в течение ряда лет.

Институтом туркменской культуры были развернуты разносторонние научные исследования по разным направлениям гуманитарных наук, что нашло соответствующее отражение в самой структуре института. Например, в начале 1931 г. Туркменкульт включал в себя секции (т.е. современные отделы) истории, археологии, искусствоведения; кабинеты (т.е. сектора) литературоведения, языковедения, этнографии,⁹ а также центральное бюро краеведения. Особую ценность в разработках представляло то, что они строились в значительной степени (а в некоторых направлениях и в основном) на материалах полевых исследований, для чего был организован целый ряд научных экспедиций практически во все основные регионы Туркменистана. Среди них особый резонанс получили Хаверанская археологическая экспедиция в Атек (территория современного Каахкинского района) и Лингвистико-этнографическая экспедиция А.П. Поцелуевского к гокленам в Каракалинский район.

В разработке конкретных научных вопросов или более широких проблем, стоявших перед коллективом института, в той или

8 Оба вышеназванных института в декабре 1986 г. торжественно, у историков даже с игровыми сценами, подготовленными рядом секторов, отметили свой 50-летний юбилей.

9 В конце 1929 г. кабинет этнографии значился секцией.

иной форме принимали участие крупные ученые-специалисты из других городов (в частности, из Москвы, Ленинграда, Ташкента) – академики В.В. Бартольд и А.Н. Самойлович, профессора А.А. Семенов и В.А. Успенский и др. Это было особенно полезно как своего рода образец, ибо значительная, если не сказать большая, часть довольно немногочисленного коллектива сотрудников Туркменкульта не имела специального базового образования и была энтузиастами-практиками, как и их директор. И, тем не менее, горячий порыв, умноженный на любовь к своему делу, к народу и региону, которые изучались, общая культура и эрудиция, стремление к углублению своих знаний в данной области давали значительно больший результат, чем вялая работа многих из многочисленных ныне носителей спец. дипломов. Об этом говорит и тематика исследований, и их отдача, нашедшая отражение, помимо специальных публикаций, на страницах русско- и туркменоязычной периодической печати, прежде всего в «Туркменоведении» (см. также ст.: Мурадов, 2002 и Приложение к ней (с. 178-187) – *Прим. ред.*).

Несколько выпусков журнала «Туркменоведение».

Ежемесячник «Туркменоведение», начавший выходить с сентября 1927 г. и издававшийся более четырех лет, до 1932 г., – по сути своей детище Туркменкульта, его основной печатный орган. Правда, с января 1932 г. его сменил другой журнал – «За социалистическую Туркмению», который тоже указывал, что является ежемесячником Института Туркменской Культуры при СНК ТССР и продолжает традиции «Туркменоведения». Однако это было не так, о чем скажем ниже.

В дело создания журнала «Туркменоведение», как и института, чьим органом он являлся, большую лепту внес Г.И. Карпов, который с первого же номера наряду с В. Карпычем, К. Бориевым, А. Кожуховым, Б. Перенглиевым и Н. Романовым стал членом его редколлегии и активным, тоже с первого номера, автором. Первым ответственным редактором издания был назначен В. Карпыч. Однако уже в 1928 г. Г.И. Карпов становится непосредственным редактором «Туркменоведения» и остается им дольше всех – вплоть до 12-го номера журнала за 1929 г.¹⁰

В период 1927–1929 гг. «Туркменоведение» было наиболее интересным, являя нам своего рода образец для создания или возрождения издания подобного рода. К концу 1929 г. со сменой руководства происходит резкое увядание журнала как внешне, так и, главное, «внутренне» – по диапазону публикуемых материалов, их научному интересу и раскованности. Это увядание через год, как уже отмечалось, привело к фактическому закрытию «Туркменоведения».

Нечто подобное происходило и с издававшимся параллельно с русскоязычным «Туркменоведением» его туркменским вариантом, также являвшимся печатным органом Туркменкульта, – ежемесячником «Туркмен мэдениети» (Туркменская культура). Редакция последнего целиком состояла из туркменских ученых и литераторов – таких как К. Бориев, Гуртмырадов, Халмырадов, Г. Хусейнов, Овезов. И хотя в издании на туркменском языке также печатались в переводе материалы русскоязычных авторов, преобладали все же авторы-туркмены. Журнал имел ряд интересных разделов – «Экономика Туркменистана», «Историче-

ский», «Культурное строительство в Туркменистане», «Тетрадь памяти», «Ответы на вопросы». Прилагалось много художественных произведений – стихотворных и прозаических. Таким образом, была осуществлена мечта Г.И. Карпова, чтобы о прошлом, настоящем и будущем туркменской культуры могли бы читать и на русском, и на туркменском языках как можно более широкие слои читателей республики.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. ознаменовались резким усилением давления тоталитарного сталинского режима на все сферы жизни страны, в том числе, естественно, и на интеллектуальную. В науке, литературе, искусстве вперед начали активно выходить схоластика и догматизм, а живое и независимое мышление стало все больше загоняться в угол, подвергаться гонениям как в теории, так и в реальной жизни, готовя почву для массовых репрессий 1937–1938 гг. Общий процесс и установки не миновали, конечно, и других регионов, в том числе Туркменистана. Многим представителям его интеллигенции пришлось ощутить это на себе.

Очевидно, твердый, независимый характер Г.И. Карпова, отстаивание им своих взглядов пришлось не по душе некоторым из местных и центральных идеологов. Вполне вероятно, хотя доказать это, естественно, не представляется возможным, Карпов под каким-нибудь предлогом не захотел писать позорно-хвалебной статьи в честь юбилея «отца народов», которую должен был подготовить или, по крайней мере, подписать именно ответственный редактор для 12-го номера журнала. Фактом же является то, что неожиданно перед последним номером года руководство журналом передается другому человеку, ничем особым не проявившему себя на ниве науки и культуры Туркменистана, – Г. Брагинскому. И 12-й номер «Туркменоведения» за 1929 г. открылся передовицей нового, более покладистого редактора, озаглавленной «Железный солдат революции (К 50-летию тов. Сталина)». В ней «великий вождь и учитель» характеризуется выделенными жирным шрифтом такими характеристиками как: «... на протяжении всей своей жизни оставался верным и лучшим учеником Ленина», был «крупнейшим вождем победоносного Октябрьско-

¹⁰ В ТСЭ ошибочно указан и 1930-й г. (ТСЭ Т. IV. С. 244).

го восстания», «Сталин – крупнейший организатор наших побед в годы Гражданской войны», «крупнейший теоретик партии» и т.п. (Брагинский, 1929. С.1–2).¹¹

В новом, 1930 г. продолжалась редакторская деятельность Г. Брагинского, а в 1931 г. эстафету у него принял И. Усталый, о котором также трудно сказать что-либо конкретное. Можно лишь сопоставить первый, сентябрьский номер журнала за 1927 г.¹², когда он начал выходить, и такой же за 1931 г. – последний год издания «Туркменоведения». Самый первый номер (1927) журнала открывается небольшим отрывком из поэмы Н. Абакумова «Просто о Туркмении», который заканчивается характерными строками, как бы поэтически подчеркивающими направленность того издания, в котором они помещены:

*Много сказок о Востоке...
Хватит сказок наконец!
Эй, товарищ черноокий,
Кто был дед твой и отец?*

Далее следует статья от редакции «Программа нашего журнала», где приведенные поэтические строки находят свое развернутое изложение. Здесь, прежде всего, называются три основные задачи, которые «Туркменоведение» поставило перед собой: сплочение вокруг журнала разбросанных по всей республике краеведческих сил; привлечение к работе нового молодого поколения и воспитание его в аспекте туркменоведения;

¹¹ В тексте, правда, даны лишь инициалы – Г.Б., но это обычный журналистский прием, который связан с тем, что вслед за передовицей идет статья «В полосе развернутой реконструкции (К итогам ноябрьского пленума ЦК ВКП/б/)\», подписанная полной фамилией – Г. Брагинский, а давать два материала в одном номере под одной и той же фамилией не полагается.

¹² У автора данной работы хранится подаренная ему в свое время этнографом Ладой Сергеевной Толстовой, дочерью С.П. Толстова, переплетенная подшивка четырех первых номеров «Туркменоведения», вышедших в 1927 г. (сентябрь-декабрь) с надписью на титульном листе «Председателю Историко-Краеведческого Комитета при ЦИКе ТССР тов. Карпову Г.». Можно предположить, что дарственная надпись сделана редакцией самого журнала в знак признательности за вклад Георгия Ивановича в дело его создания.

усиление внимания всей страны к туркменистанским научным, политическим и хозяйственно-культурным проблемам, так как «Туркменистан – страна мало изученная и мало известная даже руководящим кадрам СССР» (Туркменоведение, 1927. № 1. С. 3). Для решения этой задачи, как и двух предыдущих, журнал приглашал к активному сотрудничеству всех известных ученых страны.

Далее излагалась структура этого периодического издания, каждый номер которого помимо передовой статьи, посвященной очередной главной проблеме историко-краеведческого дела в ТССР, должен был включать в себя девять разделов: «Руководящие и методологические статьи», «Исторический», «Человек и природа Туркмении» (где, в основном, находили отражение вопросы, связанные с традиционным бытом, народным творчеством и занятиями коренного и пришлого населения этого региона), «Экономика ТССР», «Строительство туркменской культуры» (школа, печать, театр, быт, язык и т.д.), «По Востоку» (информация о жизни сопредельных восточных государств и республик нашей страны), «Дневник туркменоведа» (хроника историко-краеведческой работы в ТССР), «Библиография» (отклики и образы литературы о Туркменистане) и «Переписка с читателем».

Далее перечисляются основные исследовательские, экономические и культурно-социальные учреждения ТССР, деятельность которых журнал обещал регулярно освещать. Редакция отмечает также, что основной частью своей читательской аудитории считает интеллигенцию: учителей, агрономов, инженеров, техников, врачей, библиотечных и клубных работников, экономистов и журналистов, которые смогут найти в журнале ответы на интересующие их вопросы по туркменоведению. Издание призвано стать действенным помощником также для партийных, профсоюзных и комсомольских работников, помещая на своих страницах не только работы по изучению истории партии, профсоюзов и комсомола, но и анализ тех особых, специфических условий жизни и быта данного региона, которые необходимо учитывать при решении соответствующих политических

задач. В завершение редакция обращает внимание читателей, что основы журнала закладываются под знаком приближающегося десятилетия Октября, напоминающего о необходимости проанализировать чрезвычайно интересный и с теоретической, и с практической стороны путь, пройденный Туркменистаном от расчлененной на части колонии царизма к современной Советской Социалистической республике.

Вслед за редакционной статьей в журнале помещены такие интересные и поучительные материалы как доклад академика С. Ф. Ольденбурга на I Всесоюзном Тюркологическом съезде в Баку «Методы краеведческой работы среди тюркских народов», «Краеведческая работа в ТССР» и «Роль краеведения в школе» Н. И. Романова, «Краеведение в городской и аульной школе ТССР» А. И. Кожурова, «Туркмены и революция» Караш хан оглы Йомудского, «Очерки по истории города Ашхабада» упомянутого уже Н. И. Романова, большая публикация «Гони Бек (Рассказ туркмена о битве с русскими под Геок-Тепе)» С. М. Овезбаева, где наряду с главным героем очерка, прославленным туркменским музыкантом середины XIX в. Гони Бекем, перед читателем предстает целая галерея других лиц, известных в истории Южного Туркменистана этого периода – правителя Аллаха Нурбердыхана, родовых вождей Ханмамед-аталыка и Оразмамед-хана, рисуется подлинное лицо духовного главы Ахала Курбанмурад ишана. Дается и подборка того же автора, Сейдмурада Овезбаева «Сто двадцать шесть туркменских поговорок». Опубликовать также отрывок из 3-й главы подготавливаемой в то время Г. И. Карповым книги «Туркмены», озаглавленной «Пережитки бескультурья». Он целиком посвящен этнографическому описанию различных сторон традиционного быта туркмен с преобладанием материала по разного рода верованиям, суеверным представлениям и приметам. Свои путевые заметки под названием «Краеведение на Советском Востоке» печатает профессор А. Н. Самойлович. Даны также статьи В. Ф. Карпыча о внедрении новых элементов в туркменский быт и А. П. Петрова об организации геофизической службы в ТССР. Завершают журнал «Дневник

туркменоведа», «Библиография», включающая в себя «Бюллетени ЦСУ ТССР» и подборку краеведческих материалов, опубликованных на страницах республиканской газеты «Туркменская искра» за период с 7 ноября 1924 г. (начало ее выхода) по 26 марта 1925 г., а также сведения об изданиях «Туркменгосиздата». Номер журнала иллюстрирован оригинальными рисунками и фотографиями, отражающими различные стороны туркменского быта, имеет приложение – административную карту Туркменской ССР.

Первый номер «Туркменоведения» за 1931 г. вышел сдвоенным, соединив в себе № 1 и № 2. Как и намного более низкий уровень полиграфии (желтая бумага, мелкий шрифт), художественного оформления (рисунков нет совсем; на многих фото невозможно разобрать, что изображено), так и содержание журнала говорят сами за себя. Не подписанная, но, скорее всего, принадлежащая перу редактора огромная, на шести страницах, передовица «Взять темпы, обеспечить качество» и по названию, и по своему характеру, и по языку напоминает не статью в национальном республиканском научно-популярном журнале, а трафаретную публикацию в районной партийной газете застойных времен.

Направленность всей статьи, сопровождаемой вынесенными на поле цитатами из выступлений Сталина, Ленина, Молотова и Кагановича, отражает недвусмысленное и в довольно грубой форме выраженное стремление тогдашнего руководства страны, командно-бюрократического аппарата управления превратить отечественную науку лишь в безропотную служанку своих сиюминутных, утилитарных нужд, а ученых лишить свободы творческой мысли, навязать им единообразие в мышлении и методологии научных разработок.

Вторым, тесно связанным с этой установкой моментом здесь является настойчивое желание непременно внедрить применяемый на производстве метод так называемого социалистического соревнования в столь тонкий механизм как научная мысль, научное творчество. В конце 1980-х, когда в нашем обществе создавалась иллюзия возрождения человеческого духа и нормальных, логичных отношений, в том числе и в науке, многое

из того, что усиленно внедрялось в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и довлекло в течение многих десятилетий, стало, хотя, к сожалению, еще довольно медленно, уходить из жизни. Воспоминание о том, что ученые мужи и дамы еще совсем недавно с серьезным видом рассуждали, а чаще равнодушно голосовали за то, чтобы согласно соцсоревнованию закончить многолетнее научное исследование на десять или пятнадцать дней раньше, сегодня вызывает лишь улыбку. Но не до улыбок было настоящим исследователям, в данном случае Туркменистана, на рубеже 1930-х годов, когда в упомянутой передовице можно было прочитать, что «не следует опасаться, – правильно предостерегает «Научный работник»¹³, – что наука сделается служанкой производства, что пути ее развития будут ограничены лишь работой по вопросам производственной жизни, что наука сделается только прикладной, и развитие теории остановится» (Туркменоведение, 1931. № 1–2. С.7).

Главное, что требует статья от ученых Туркменистана, – это коренной перестройки, подчинения научно-исследовательского дела производственным задачам социалистического строительства, усиления темпов и повышения качества самой работы (Там же. С. 5). Основная задача, о которой неоднократно напоминает автор, – выполнение пятилетки, пятилетних планов в четыре года. А для этого, по его мнению, прежде всего, необходимо внедрение соцсоревнования и ударничества, которые, как сетует автор, к нам (т.е. в научные учреждения Туркменистана) еще не проникли.

В конце статьи еще раз подчеркивается, что «вопрос о переходе на рельсы ударничества становится стержневым вопросом дня» (Там же. С. 8). Поэтому неудивительно прочитать и о том, что «вести бесконечные споры, скажем, о черепке, зная заранее, что разгадка происхождения его не внесет ничего нового в изучение материальной культуры, или дискутировать о происхождении какого-либо хана, роль которого в истории туркменского народа определяется нулем, в то время, когда на фронте социа-

листического строительства и культурной революции непочтительный край серьезной и неотложной работы – это по меньшей мере *расточительство* (выделено в тексте мной – С.Д.)» (Там же. С. 6–7). Однако, обвинение в подобном «расточительстве», квалифицированном как вредительское разбазаривание народных средств, через несколько лет, в 1937–1938 гг., фигурировало как одно из ложных обвинений, предъявленных некоторым ученым Туркменистана, в том числе историкам, которые подвергались репрессиям.

Но, помимо обвинения в расточительстве и слабом стремлении к ударничеству, научные кадры обвиняются в статье и в идеологических грехах. Как говорится, не моргнув глазом, автор или авторы передовицы пишут: «В нынешний этап развития нашей революции нам нужен не работник науки «вообще», даже не честный служащий, старающийся выполнить «социальный заказ», а такой ученый, который обладал бы ясно-определившимся общественно-политическим кругозором» (Там же. С. 7). Подобная предпосылка перекрывала дорогу многим подлинным специалистам, которые, с точки зрения тех или иных руководителей, являлись еще недостаточно «ясно-определившимися» и, наоборот, открывала дорогу разного рода демагогической посредственности, что в дальнейшем сильно повлияло на общий уровень отечественной науки.

Из научных учреждений главный огонь критики в статье направлен против руководимого Г.И. Карповым Института Туркменской Культуры: «С задачами, поставленными вторым годом пятилетки, и в особенности ударным кварталом, в который необходимо было развернуть большевистскую подготовку к выполнению гигантской производственной программы третьего года пятилетки, Туркменкульт в значительной мере не справился» (Там же. С. 5). Это обвинение аргументируется тем, что основное внимание в институте было уделено изучению прошлого туркменского народа, и тем, что большинство научных работников «еще не овладело единственно научной методологией марксизма-ленинизма и поэтому труды их порой беспринципны, безустановочны, не затрагивают «житейских

¹³ «Научный работник» – периодическое издание, издававшееся в СССР.

волнений» и классовых битв» (Там же. С. 6). Подобное обвинение, которое ряду честных и талантливых ученых в то время стоило здоровья и места работы, спустя шесть-семь лет могло стоить уже многих лет заключения или даже жизни, будучи интерпретировано как подрыв советской науки путем протаскивания буржуазных методов или еще хуже. А объединенный местком обвинялся в том, что не сумел внедрить в практику работы ударничество в научно-исследовательских учреждениях, за которое, если верить статье, в ноябре прошлого, 1930-го г. высказалось общее собрание работников Туркменкульта, Ботанического института, экспедиции Лугового института и Государственного музея.

Остановиться столь подробно на положениях цитированной программной статьи-передовицы необходимо было для того, чтобы читателю стало яснее, в какой удушающей обстановке, пришедшей на смену в целом все же более свободному и благоприятному для научного и иного творчества предыдущему десятилетию, пришлось трудиться Г. И. Карпову, возглавляя в этот период историческую науку Туркменистана.

О дальнейшем содержании рассматриваемого двойного номера журнала можно судить по созвучным своим характером передовице следующим за ней материалам: статье «За единство ленинских философских позиций» редактора журнала И. Усталого, вышедшей под рубрикой «В борьбе на два фронта» и посвященной критике, с одной стороны, группы философов во главе с Дебориным, которую обвинили в ревизионизме марксизма, а с другой – с «главной опасностью на данном этапе», а именно – механической ревизией марксизма, приписываемой Бухарину. В заключении автор ратует за то, что «эта борьба на два фронта... не может быть ограничена рамками научно-исследовательской работы», а «ею надо пропитать (выделено мной – С.Д.) программы всех учебных заведений и курсов» (Там же с 12).

За этой публикацией идет выдержанная в том же духе статья «Теоретическая база правого уклона (Усилить борьбу с механистической ревизией исторического материализма)», имеющая антибухаринскую направленность. Затем следует семь ма-

териалов, посвященных частным хозяйственно-экологическим вопросам.

Далее, в подборке «Боевые задачи краеведения», дается такая публикация как «Усилить партийное руководство (Директивное письмо культпропа ЦК КП/б/Т)», подписанная не рядовым автором, а зам. зав. культпропа ЦК КП/б/Т Вельтнером. В ней городским и районным комитетам партии, бюро парт. ячеек прямо предлагается обеспечить своим руководством краеведческие организации всех видов, т. е. краеведческая работа ставится под жесткий партийный контроль. А чтобы добиться этого, тем, кто осуществляет партийное руководство местным краеведением, необходимо придерживаться заботливо перечисленных девяти пунктов, из которых, думается, стоит привести два примера: «Всеми мерами бороться с академическим краеведением, для которого все интересно, если не для жизни, то для описательной «науки». Надо твердо держать курс на п р о и з в о д - с т в е н н о е (выделено мной – С.Д.) краеведение» (шестой пункт) и вытравлять всеми способами краеведческий аполитизм, не идущий дальше научного объяснения мира» (восьмой пункт) (Там же. С. 42).

Следующая публикация из этой подборки – «На социалистические рельсы (Новый этап в развитии краеведения)». Т. Козлова развертывает далее вышеизложенную директиву ЦК КП/б/Т о краеведении, предостерегает от аполитичности в нем, обращая внимание на три момента, которые необходимо учитывать: борьбу с «чистым» краеведением, великорусскими теориями и течениями буржуазной науки и национал-шовинистическим уклоном. (Эти случаи особенно часты при изучении истории туркменского народа. Этим уклоном в некоторой степени подвержены и отдельные туркменские поэты)» (Там же. С. 43–44). Автор всячески ратует за выдвижение в центр внимания краеведческой работы индустриализации, решительно заявляет, что в советском краеведении «академическому болоту, реакционным настроениям, аполитичности... нет места» (Там же. С. 44).

Третьим в подборке дан без подписи материал «Пятидневка краеведения (За новые кадры советских краеведов)», в ко-

тором повторяются мысли двух предыдущих публикаций и говорится о планируемой к проведению в марте пятидневке вовлечения масс в краеведческое дело. А поскольку пятидневка совпадает в Туркмении с посевной кампанией, задачи этой пятидневки должны быть увязаны «с задачами второй большевистской весны, направив краеведческую работу, главным образом, по руслу содействия выполнения плана посевной, в особенности контрольных заданий по хлопку» (Там же. С. 47). Все подобного рода публикации занимают больше половины журнала.

Среди остальных, с нашей точки зрения, достойны внимания статья Г. И. Карпова «Историческая справка (Формы хивинского и бухарского землевладения и налоговая система)» и две работы П. Арбекова: «Захват Мерва» (исследующая по архивным данным события 80-х гг. XIX в.) и «Рабат Куфен» (о средневековом укрепленном караван-сараяе, который автор идентифицирует с современными развалинами Чогундур на территории нынешнего Каахкинского района). С. Ершовым в публикации «От случая – к плану» дается обзор работ, проведенных по археологическому изучению Туркмении в период до создания секции археологии Туркменкульта. В статье В. Тихоновича «Пути, пройденные и предстоящие» делается попытка реконструкции туркменской национальной культуры.

И, наконец, вышедший под рубрикой «Научно-исследовательское дело», материал «Туркменкульт в третьем, решающем» отражает довольно подробный план работы института в 1931 г. по каждому из семи его подразделений. Материал не подписан, но, судя по всему, был подготовлен директором института. План этот, в противоположность напечатанному в этом же номере журнала и цитированной выше передовице и некоторым другим статьям с их вульгарно-партийным языком, изложен четко и ясно и свидетельствует о серьезных разносторонних разработках в институте различных вопросов и проблем, связанных с изучением прошлого и настоящего Туркменистана в аспекте истории, литературоведения, языкознания, этнографии, археологии, искусствоведения и практического краеведения.

Для иллюстрации можно упомянуть о планах секции истории и кабинета этнографии. В первом случае отмечается, что секция истории за непродолжительное время своего существования уже дала ряд ценных материалов по истории туркмен, причем «к числу работ, представляющих наибольшую ценность, в первую очередь должны быть отнесены опубликованные и готовящиеся к печати труды Г. Карпова, много поработавшего над изучением родословной туркмен» (Там же. С. 37). Признавая некоторые недочеты, имевшие место на начальном этапе своей работы, секция намечает их устранение, благодаря продуманному плану 1931 г. Подчеркивается, что не только в текущем, но и в ближайших годах работа секции, существующей всего три года, должна идти, главным образом, по линии накопления исторических материалов, для чего предусматриваются три канала: сбор печатных и рукописных первоисточников (труды арабских географов, персидских историков, фирманы и т.д.) для организации научной исторической библиотеки; сбор и систематизация исторических материалов (дела Туркестанского и Оренбургского генерал-губернаторов, главноначальствующего на Кавказе, Ставропольский и Астраханский архивы и т.д.), часть которых намечается опубликовать с соответствующими комментариями в «Трудах Туркменкульта» и «Туркменоведении»; учет данных археологических исследований на территории Туркмении и публикаций в периодической и непериодической научной литературе.

Секцией истории намечается установление более тесных и постоянных контактов как с другими подразделениями (прежде всего с секцией археологии) внутри института, так и вне его – ЦУАр-Делом ТССР, Комакадемией, РАНИОМ¹⁴ и т.д. Конкретно уже в текущем году секцией намечено: организовать подбор материалов о завоевании Туркмении царизмом, а также по национальному освободительному и революционному движению, истории ирри-

14 ЦУАрДел – Центральное Управление Архивным Делом; Комакадемия – Коммунистическая академия – высшее учебное заведение, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР; РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук – объединение научно-исследовательских институтов РСФСР (существовала в разной форме с 1924 по 1930 гг.).

гации и хлопководства, истории профдвижения; подготовить к печати сверенный по пяти рукописям текст «Родословной туркмен» Абуль-Гази, с переводом на русский язык и научными комментариями; сдать в печать большой историко-этнологический очерк туркмен. Для сбора исторических преданий и сказаний планом предусмотрены две поездки научных работников по районам республики. Практические задачи в области массовой работы связаны, прежде всего, с созданием кружков по изучению истории Туркмении и революционного движения, организацией лекционных циклов по истории региона для широкой аудитории и для актива.

По кабинету этнографии (Там же. С. 38–39) предполагается участие его научных работников в комплексной этнолого-лингвистической экспедиции Туркменкульта в Каракалинский и Кызылатрекский районы для изучения материальной культуры гокленов и иомудов. Отмечается, что в текущем году будет закончена и сдана в печать монография «Материальная культура туркменских племен – мервских теке, салыр и сарык». Совместно с Книжной палатой планировалась обработка библиографических материалов для подготовки издания «Итоги и задачи этнографического изучения Туркмении». Вместе с другими подразделениями института и краеведческой сетью должны были быть проработаны две темы, связанные с раскрепощением женщины: туркменка в колхозе и туркменка в органах управления. Общественно-массовая работа кабинета выразится в помощи Центральному бюро краеведения в руководстве краеведческим движением и в периодических докладах на массовых собраниях и краеведческих кружках.

Все вышесказанное свидетельствует, что работа ведущего в то время научного учреждения республики, Туркменкульта, при всех имевшихся недочетах шла нормально. Однако партийно-политическая установка о непременном обострении классовой борьбы по мере строительства социализма и беспрекословном подчинении всего сущего сиюминутным нуждам этого строительства не только продолжалась, но и ужесточалась и набирала темпы. В рассматриваемом нами аспекте это нашло отражение в фактическом закрытии журнала «Туркменоведение» с января

1932 г. И хотя новый ежемесячник «За социалистическую Туркмению» в первом номере провозгласил себя в качестве органа Института Туркменской Культуры, преемником «Туркменоведения», таковым он (по крайней мере, по сравнению с «Туркменоведением» 1927–1929 гг.) стать ни по своей направленности (отразившейся и в названии) ни по духу не мог. Впрочем, в последний период, после снятия Г.И. Карпова с поста редактора, метаморфозы, происходившие с «Туркменоведением», подвели журнал к закономерной трансформации в «За социалистическую Туркмению». Ведь даже в помещенной в шапку издания характеристике «Туркменоведения» последнего года акценты были представлены следующим образом: «Журнал политики, культуры, научно-исследовательского дела и краеведения», т.е. политика на первом месте, а наука – в конце.

Новый журнал, которому не смогли даже сразу найти редактора (первые номера поручили подписать временно исполняющему обязанности должности редактора поэту Г. Веселкову), в редакционной статье начал с резкого осуждения своего предшественника. Вслед за вынужденным признанием, что журнал «Туркменоведение» «безусловно, поднимал целый ряд вопросов принципиального и практического характера, имевших положительное значение в деле строительства Советского Туркменистана» (За социалистическую Туркмению, 1932. № 1–2. С. 2), в передовице говорится, что в то же время «особенно по вопросам истории на его страницах протаскивалась явно враждебная идеология, ничего общего не имеющая с марксизмом-ленинизмом... «Линия» журнала и его редакции... в значительной мере отражала «линию» всего Института туркменской культуры..., в работах которого и в коллективе работников находили «привет и ласку» не только «объективные носители» враждебной идеологии, но и непосредственно классовые враги, лишь слегка подгримировавшиеся...» (Там же). Далее в статье использован весь арсенал ярлыков: тут и великодержавники, и колонизаторы, и националисты, и пантюркисты. Упомянуты некоторые конкретные имена – Гулмухаммедов и Поцелуевский. Ставится вопрос о пересмотре в духе новых «веяний» накопленного Туркменкуль-

том материала по истории и культуре Туркмении. Вопросы истории этого региона теперь должны решаться в связи с постановкой вопросов классовой борьбы, развития и укрепления диктатуры пролетариата (Там же. С. 3).

«Разоблачительный» мотив является в журнале ведущим. Помимо передовой статьи здесь находим еще три больших публикации такого рода. Некто, спрятавшийся за подписью И. Л-й, в материале «За большевистскую подготовку кадров (Об одном учебнике туркменского языка и его авторе)» клеймит двух известных филологов, внесших большой вклад в развитие туркменского языкознания – М. Гельдыева за его «Дайханскую азбуку» и А. П. Поцелуевского за вышедший еще в 1929 г. учебник туркменского языка для не туркмен. С иезуитской виртуозностью, передергивая иллюстративные примеры текстов из этих книг, и давая им самую неожиданную интерпретацию (вплоть до обвинения А. П. Поцелуевского в прославлении Махтумкули и его эпохи), автор клеймит ученых-филологов как «гнилых либералов» «протаскивателей чуждых нашему обществу идей» (Там же. С. 45–50). Особенно достается А. П. Поцелуевскому, которого, оказывается, критически упомянул в своем выступлении на городской конференции сам секретарь ЦК КП/б/Т Попок, хотя автор и сожалеет, что за «недостатком места» лишен «возможности остановиться на работе А. П. Поцелуевского в качестве руководителя кабинета языковедения при Туркменкульте» (Там же. С. 48).

Националистические и пантюркистские «грехи» литераторов Вафаева, Гулмухаммедова, Гельдыева и Бекжданова осуждает в статье «Письмо тов. Сталина и борьба за пролетарскую литературу Туркмении» поэт и переводчик Г. Веселков (Там же. С. 25–26), который сам через несколько лет был репрессирован и потерял здоровье в сталинских лагерях.

В публикации «Об одной убогой “теории незыблемости” Кара-Кумов», под которой стоят фамилии сотрудников Института Туркменской Культуры, археологов П. Арбекова и С. Ершова, говорится, что «благодаря наличию гнилого либерализма и классовой слепоты ряда руководящих работников Туркменкульта... к экспедициям... огромные средства выброшены на ветер, а часть

из этих средств использована и явно враждебными элементами на протаскивание анти-марксистских и анти-ленинских теорий...» (Там же. С. 11). Правда, фамилии «руководящих работников» не называются, но трудно расценить такого рода заявление не как удар в спину Г. И. Карпову.

В качестве единственного «яркого» примера приводится комплексная экспедиция по изучению экологии пустыни в Центральных Каракумах, организованная еще весной 1927 г. В экспедицию входили ботаники, зоологи, биологи и почвоведы. Правда, непонятно, какое непосредственное отношение к Туркменкульту и по специализации ее участников, и по времени проведения, имела эта экспедиция. Двое из ее членов – Скворцов и проф. Кашкаров через Среднеазиатский Государственный университет издали в Ташкенте солидный том с результатами своего обследования. В нем авторы, детально ознакомившиеся с Каракумами, занятиями и образом жизни местного населения, исходя из закона равновесия в природе, приходят к обоснованному выводу о том, что думать о превращении Центральных Каракумов в оазис пока преждевременно; что все мероприятия по освоению пустыни должны быть построены так, чтобы не нарушить существующего равновесия, что вряд ли можно найти другую более рациональную форму эксплуатации человеком Каракумов, чем та, что существует в них сейчас. В то же время, естественно, эту эксплуатацию можно улучшить, соответственно улучшив и увеличив количество водоемов для водопоя скота, наладив и рационализировав сбыт получаемого здесь сырья, наладив снабжение скотоводов товарами, учредив медпункты и ветеринарную помощь, организовав борьбу с землероями, уничтожающими песчаную растительность.

Все, казалось бы, логично в выводах ученых. Тем не менее, их отрицательный ответ о «возможности каких-либо хозяйственных мелиоративных мероприятий на огромной площади Центральных Каракумов, составляющих значительную часть Туркмении»¹⁵

¹⁵ Это, кстати, подтвердилось в 1950-х годах отказом от идеи строительства Главного Туркменского канала через Центральные Каракумы. А призыв ученых к бережному отношению к пустыне находит свою иллюстрацию в том плачевном состоянии, в какое превратило ее ныне небрежное и непродуманное наступление человека.

приводит авторов данной статьи к выводу, что «Скворцов и Кашкаров, используя на все сто процентов гнилой либерализм как Туркменкульту, так в равной мере и Ср.Аз. Гос. Университета (очевидно, в связи с предоставлением возможности опубликовать свой труд – С.Д.), протаскивали совершенно ясные и откровенные формулировки, насквозь пропитанные буржуазными теориями» (За социалистическую Туркмению, 1932. № 1–2. С.13), что «протаскивание теории равновесия Скворцовым и Кашкаровым нужно квалифицировать как акт открытого вредительства, при помощи которого эти проводники буржуазных теорий пытались дезориентировать общественность, партийные и советские органы в вопросе социалистической реконструкции скотоводства в Каракумах» (Там же. С. 14).

Статья П. Арбекова и С. Ершова, даже если она была инспирирована, как и многие другие «обличающие» выступления (что это, скорее, так, говорит их типичность, сходство языка и стандартный набор ярлыков), оставляет особо тяжелое впечатление. Это наверно связано с тем, что ее авторы – непосредственно коллеги Г.И. Карпова, а П. Арбеков еще и соавтор его по нескольким публикациям в «Туркменоведении». Проявление такой «лояльности» новым «веяниям» не уберегло, однако, авторов от волны репрессий 1937–1938 гг. С. А. Ершов, правда, через некоторое время был выпущен на волю и продолжал работу, а П. Арбеков после ареста исчез, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Таким образом, круг вокруг Г.И. Карпова сжимался. От руководства любимым журналом пришлось отойти, да и журнала теперь как такового уже не было. В составе работников института происходила чехарда: некоторые, не выдержав, уходили совсем, другие (как, например, заведующий одним из подразделений его института, А.П. Поцелуевский, на секциях научных работников при Педагогическом комбинате, где он одновременно преподавал) вынуждены были устно и письменно каяться в «ошибках». А главное – новые всеобъемлющие «ориентиры» отрезали ученого от тех тем, которым он отдал столько времени и здоровья. Приспособившись, каяться в несуществующих «грехах»

(хотя недочеты и ошибки в работе, конечно, были, да и у кого их не было в начале научного пути!) Георгий Иванович не умел и не хотел. А тут еще произошла семейная трагедия: прожив всего год на белом свете, умерла его младшая дочь Майя. И Карпов принимает решение: надо уезжать.

По словам Лидии Георгиевны, у отца было намерение перебраться в Ленинград. Правда, почему именно туда, и как он собирался осуществить этот переезд, она не знает. Но можно предположить, что, помимо каких-то чисто практических моментов (знакомство с кем-то, приглашение и т.п.), Георгия Ивановича привлекала в Ленинграде фигура фактически руководившего тогда городом С.М. Кирова, вызывавшего симпатию у многих своей прямоотой, открытостью, демократизмом. К тому же, Ленинград – один из главных центров культуры.

Однако судьбе было угодно распорядиться совсем по-иному. Узнав о намерении Георгия Ивановича уехать из Туркмении, друзья, и прежде всего туркмены, уговорили его остаться. Тогда же, может быть, кем-то из них, как в далекой юности в Камышине, ему был предложен план на время уехать на периферию, подальше от глаз столичных недоброжелателей и завистников. И, таким образом, в сентябре 1932 г. Г.И. Карпов оказался вдали от Ашхабада, но в Туркмении – в маленьком зеленом районном городке Байрамали. Городок этот был известен, с одной стороны, тем, что прямо за его базарной площадью начинались многовековые руины древнего и средневекового Мерва, один из главных памятников которого в свое время Георгий Иванович спас от слишком ретивых и бесцеремонных местных хозяйственников (мавзоль Султана Санджара), а с другой – тем, что до революции тут было Государево имение, от которого осталась кирпичная резиденция великого князя Михаила. Здесь, в Байрамали, Г.И. Карпову предстояло выступить в совершенно новом для него амплуа – сначала доцента кафедры общественно-политических наук, а с 5 мая 1933 г. и директора размещенного там Туркменского агро-хлопкового института. Это было очередным, но, к сожалению, далеко не последним и не худшим испытанием в жизни ученого.

2

Если таково имеешь в косяке
то я очень прошу приобрести ее
и выслать мне. Стоимое пре-
везу.

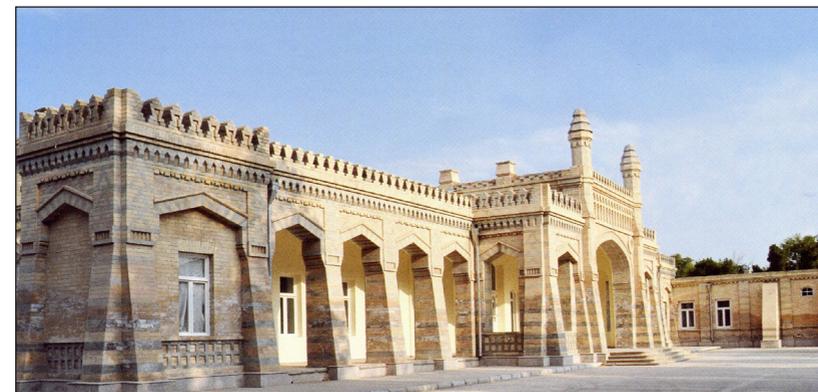
У т. Воробья М. А., проин-
женера на садовом участке
дом №3 кв. 30 имеешь, прина-
лежачий мне, почтай ком-
плекту турнаса "Туркменове-
дние". Если он тебе потребуется
в работе (для обработки умыш-
ленного выше мажарбана) то
ты попроси Михаила Агабекова
виза Воробья, он передаст тебе
мои книги, сохрани на найдо-
щей тебе. По поводу твоих,
я готовлю (пожалуйста) как поеду
с этими книжками.

Категорически все

С. Юсупович Карпов

Байрам-Али
Агро-химической Ученый Комбинат.

Фрагмент письма Г. И. Карпова.

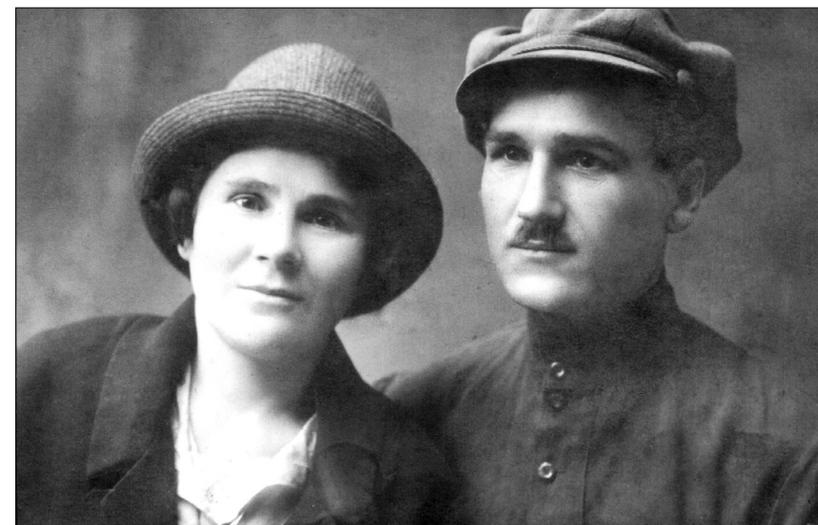
Туркменистан, г. Байрамали. Здание бывшего Государева имения (XIX в.). Ныне – административный корпус санатория.

Мургабское государево имение было образовано в 1884 г. указом царя Сенату, в котором предлагалось «все впусе лежащие земли по течению реки Мургаба... признать собственностью царствующего императора с наименованием Мургабским государевым имением» (История Туркменской ССР, 1957. С. 146). «Впусе» имелись ввиду не целинные земли, а те территории, что принадлежали местным дейханам Мервского и Иолотанского оазисов, но были заброшены после разрушения в 90-х годах XVIII в. Бухарским эмиром Султанбентской плотины на Мургабе. Цель была возродить их и создать в плодородном оазисе новый источник доходов дома Романовых. Общая площадь имения составляла 103908 десятин земли. По последнему слову инженерного искусства на Мургабе была восстановлена упомянутая Султанбентская (1889-1890) и построена Гиндукушская (1891-1895) плотины с сетью главных и второстепенных распределительных каналов, оборудованных мощными кирпичными регуляторами. Следовало создать образец оазиса для других местностей Средней Азии и России. Но цель была не достигнута, так как местное дейханство, лишенное в свое время собственности на землю, перешло в разряд арендаторов на кабальных условиях и не проявляло особого рвения в подъеме урожайности сельхозкультур, основной из которых в скором времени стал хлопок. Поэтому-то, очевидно, исследование Карпова и его коллег было призвано на примере подшефного колхоза, располагавшегося на части земель бывшего государева имения, показать преимущества труда собственников, объединенных в один дружный коллектив.

Партийное руководство институтом осуществляли работники местного политотдела – предшественника райкома партии. Следуя общим директивам сверху, политотдельцы, помимо идеологической работы, пытались грубо вмешиваться непосредственно в учебный процесс, в работу специалистов и, естественно, это вело не к улучшению общего положения дел в институте. Ознакомившись на месте с подобной практикой, Г.И. Карпов посоветовал политотдельцам не подменять агрономов, а по мере возможности помочь им в их нелегком труде педагогов-практиков. «На помощь политотдельцам, – пишет в своих воспоминаниях, составленных в 1966 г., бывший начальник Байрамалийской МТС Мамед Акперович Ризаев, – пришли руководители дислоцированного в Байрамали Туркменского хлопкового института товарищи Карпов Г.И. и Амброк, организовавшие для них цикл лекций, докладов и практических занятий» (Партархив ИОПИ, ф.51, оп.16, д. 669, л. 18).

В силу своих человеческих качеств и ответственности за порученное дело Георгий Иванович в период работы в Байрамали, насколько ему позволяли обстоятельства, стремился не только к подъему уровня профессионально-учебного процесса в введенном ему учебном заведении, но и к улучшению общего морально-психологического климата в коллективе преподавателей и студентов, сознательного пробуждения их творческих сил, что, конечно, самым непосредственным образом положительно отражалось, с одной стороны, на передаче, а с другой, на постижении тайн изучаемой науки.

Занимаясь делами института, чей профиль был так далек от гуманитарных интересов Карпова, он, тем не менее, продолжал, когда это удавалось, пополнять новыми сведениями свои историко-этнографические материалы о туркменах и, в частности, по их родоплеменной структуре, записывать разного рода фольклорный и фольклорно-этнографический материал. Правда, для любимого дела времени и возможностей было немного. Помимо занятости по официальной службе положение значительно усложнялось семейными обстоятельствами.

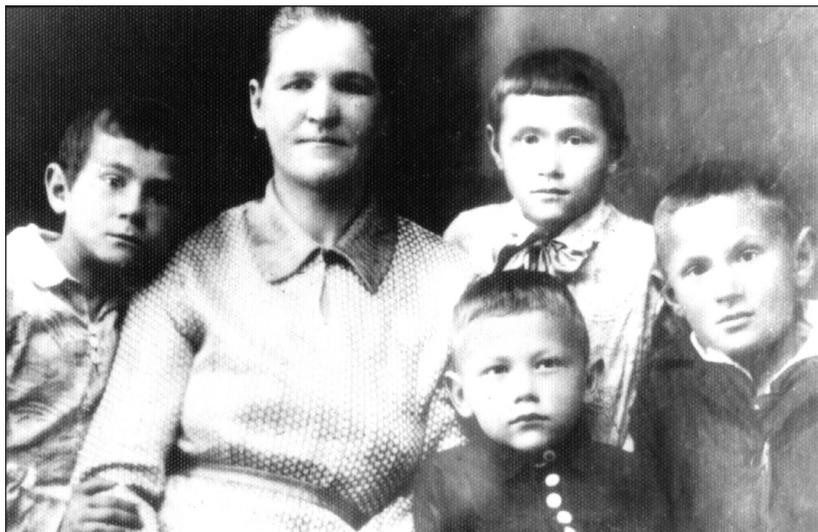

Георгий Иванович и Александра Константиновна Карповы. Ашхабад. Середина 1920-х гг.

Как отмечалось, у Георгия Ивановича и Александры Константиновны Карповых было восемь детей – четыре сына и четыре дочери: Виктор (1920 г.р; Караваинка), Борис (1922; Ташкент), Георгий (1924; Ашхабад), Лидия (1925; Ашхабад), Розалия (1927; Ашхабад), Владимир (1929; Ашхабад), Майя (1931; Ашхабад), Майя вторая (1933; Байрамали). Жене Георгия Ивановича из-за малых лет приходилось, естественно, тоже быть дома, довольствуясь ролью домохозяйки. И содержать, хоть и на директорскую зарплату, столь многочисленное, почти в десять душ, семейство было весьма непросто. К тому же, как гласит горькая русская пословица, «Беда одна не ходит»: семейные беды со смертью в 1932 г., незадолго до переезда из Ашхабада в Байрамали, годовалой младшей дочери Майи не прекратились. В следующем, 1933 г., после одной из больших, на всю семью, стирок разгоряченная Александра Константиновна имела неосторожность постоять на прохладном сквозняке. Последовало острое крупозное воспаление легких, и районная медицина оказалась бессильна: в сорок два года ушла из жизни супруга и мать семерых детей, старшему из которых исполнилось всего тринадцать лет, а млад-

шей, родившийся уже в Байрамали Майе второй (названной именем предшествовавшей ей умершей сестры), было лишь три месяца. «Отец, – вспоминает Лидия Георгиевна, – очень переживал, плакал по маме, хотя в отношении образования, кругозора, интеллекта между ними и была огромная разница. Но здесь образование и интеллект были, конечно, ни при чем».

Коллеги и добрые знакомые Георгия Ивановича – русские, туркмены, армяне – проявили большое сочувствие и участие в постигшем его горе. Старались оказать помощь всем, чем могли. Но как кардинально помочь в главном вопросе, который теперь встал перед ним со всей остротой – что делать с детьми – конечно, не знали. В этой ситуации благородный поступок, можно даже сказать жертву во имя благородной цели совершила младшая сестра Карпова Анна первая. Лишенная судьбой своих собственных детей (все они, семеро, умерли в младенчестве и малолетстве, причем последний сын был задавлен обвалом песка на берегу Волги), она, оставив в Поволжье и хозяйство, и мужа, т. е. фактически зачеркнув свою собственную семейную жизнь, приехала в далекий Байрамали, чтобы посвятить себя воспитанию племянников и племянниц.

Сестра Г. И. Карпова Анна Ивановна с племянниками и племянницами. Слева от нее Роза, справа сзади Лидия, впереди Владимир и Георгий. 1934–1935 гг.

Первоначально Анне Ивановне – тете Ане – пришлось заниматься четырьмя племянниками, так как еще до ее приезда в Байрамали, видя отчаянное положение Георгия Ивановича, малыша Майю решил взять к себе на какой-то период живший в то время недалеко, в Мары, дядя Петя – двоюродный брат Карпова по матери. Заодно они с женой забрали и Лиду, которой тогда шел всего восьмой год, чтобы было кому помогать присматривать за Майей. Лидия Георгиевна вспоминает, как ей было тяжело в таком возрасте все время возиться с подрастающей сестренкой, носить ее на руках. Однако она не жаловалась дяде Пете, который, возможно, и не знал, что почти вся забота о маленьком ребенке была переложена в семье на плечи другого ребенка. Однажды рабочие дровяного склада, где работал и возле которого жил дядя Петя, за поленницей дров обнаружили плачущую девочку с ребенком на руках и рассказали ему об этом. После чего вскоре в Мары приехал Виктор, самый старший брат Лидии Георгиевны, и увез ее домой. Майя же оставалась в семье дяди Пети еще несколько месяцев, начала уже ходить. Но, увы, видно имя, которое ей дали в память об ушедшей сестре, и впрямь оказалось роковым: в начале 1934 г. она тяжело заболела и умерла, прожив на свете, как и ее предшественница, всего примерно один год.

Несколько позднее, в том же 1934 г., благодаря стараниям некоторых ашхабадских друзей Г. И. Карпова, имевших авторитет и влияние на партийное руководство республики (в частности, тогдашнего председателя Союза писателей Туркменистана, поэта и активного общественного деятеля, члена ЦК КП/б/Т Ораза Тачназарова,¹⁶ а, вполне вероятно, и самого Кайгысыза Атабаева, о чем можно предположительно судить по некоторым, связанным с отношением к нему Георгия Ивановича, моментам, о которых речь ниже) ему удалось вернуться в столицу и снова заняться непосредственно любимым делом – изучением истории и этнографии туркмен, возглавив свой бывший институт.

¹⁶ Об этом автору говорила вдова О. Тачназарова Елизавета Ефимовна Веселкова (Тачназарова) (1915 г.р.), с 1931 г. жившая в Ашхабаде.

Фотокопия удостоверения, выданного Г. И. Карпову как секретарю ЦИК ТССР.

В 1936 г. произошло, как уже отмечалось, появление двух самостоятельных научно-исследовательских учреждений академического профиля – Института языка и литературы и Института истории. И первым директором Института истории стал Г. И. Карпов. Спустя еще некоторое время Георгий Иванович снова вошел в состав ЦИК ТССР, а с 9 августа 1937 г., судя по выданному удостоверению № 32/166, стал его секретарем.

Казалось бы, наладилась научно-общественная сторона жизни, стимулирую новый прилив творческой энергии, воплотившийся в целом ряде подготовленных работ, часть которых тогда или позднее была опубликована, а другая часть осталась в рукописи. Возникли перспективы стабилизации положения и в личной жизни. В 1936 г. Георгий Иванович женился вторым браком на Ольге Николаевне Золотухиной, работавшей у него в институте секретарем-делопроизводителем. Она была на 11 лет моложе мужа, имела за плечами полный курс средней школы. Была к тому же горожанкой – более раскованной, с более современными взглядами, интересами и привычками. В то же

время, выросшая в зажиточной семье, не прошедшая каких-либо серьезных житейских испытаний, Ольга Николаевна была, очевидно, женщиной довольно эгоистичной. Так, удивляясь, что в семье Георгия Ивановича столько детей, сама имела от первого брака лишь одну дочь (от брака с Г. И. Карповым совместных детей не было), но и та воспитывалась у имевших свой собственный дом деда и бабушки – ее родителей. Георгия Ивановича, умного и интересного собеседника, она, по всей видимости, все же любила,¹⁷ но в решении стать его женой, думается, немалую, а может быть, и решающую роль сыграло его общественное положение и будущие перспективы. Во всяком случае, теплого контакта мачехи с детьми ее нового мужа, который при большом и искреннем желании, наверное, можно было бы установить, у нее не произошло. И дети, хотя еще и с незрелыми понятиями и неустоявшейся психологией, тонко чувствуя это отношение, не приняли новой «мамы», продолжая конфликтовать с ней до самого конца совместной жизни Ольги Николаевны с Георгием Ивановичем.

С появлением в доме брата новой женщины, Анна Ивановна, которая последовала за ним в Ашхабад, продолжая отдавать все свои силы воспитанию племянников, пошла работать на правительственную дачу в Фирюзе¹⁸, куда ее пригласил, будучи в хороших отношениях с Карповым и, очевидно, хорошо зная его семейные дела, К. Атабаев. Его жена быстро научила

17 По словам Е. Е. Веселковой (Ташназаровой), несколько раз видевшей Г. И. Карпова в этот период, «он выглядел очень элегантно в своем хорошем костюме и с тросточкой в руках, прямо настоящий джентльмен».

18 Фирюза (современное название Арчабил) – поселок, находящийся ныне в городской черте Ашхабада. На языке фарси – бирюза. Расположен в Фирюзинском (Арчабильском) ущелье, в горах Копетдага, в 35 км к западу от центра города. Является крупнейшим климатическим курортом Туркмении. Любимое место отдыха жителей столицы страны. Имеет одну узкую центральную улицу, вытянутую между склонами гор и ущелья, вдоль реки Фирюзинки. Посёлок заканчивается пограничными воротами на территорию Ирана. До 1917 года в Фирюзе стояли дачи высшей колониальной администрации и начальника Закаспийской области. В советское время поселок был застроен частными домами, корпусами баз отдыха и пансионатов, 12-ю пионерскими лагерями и кафе. На территории бывшего военного санатория «Фирюза» расположен самый большой чинар (платан) в Средней Азии «Семь братьев» – Прим. ред.

Анну вкусно готовить и та стала поварихой на этой даче. После ареста Атабаева она уехала в родное Поволжье, где купила дом и снова вышла замуж, хотя детей так и не было. Под конец жизни, оставшись в преклонном возрасте одинокой, Анна Ивановна переехала на жительство к младшей сестре Нине в Быково Волгоградской области, где эта добрая женщина и умерла примерно в 1980 г.

Отсутствие теплых отношений между женой и детьми может быть больше всего и печалило Георгия Ивановича в этот короткий период его творческого и просто человеческого подъема после вынужденного байрамалийского «сидения» и обрушившихся на него тогда бед. Жили Карповы в самом центре города, в «наркомовском дворе» по проспекту Свободы, там, где в 1990-е гг. находилось здание Министерства здравоохранения. В этом дворе жил ряд руководящих работников. Квартира из семи небольших комнат с отдельным входом казалась детям чуть ли не дворцом, хотя нужно вспомнить, что в семье было восемь постоянно проживающих, да и часто кто-то оставался из многочисленных гостей. Жили в общем «дворце» дружно, без подчеркивания регалий и национальностей. Тут же, по соседству с секретарем ЦИК Карповым жила семья его шофера, бывшего красного латышского стрелка Юргенсона, женатого на русской, а с другой стороны – семья работника СНК, женатого на латышке. Было в «наркомовском дворе» немало туркмен и представителей других национальностей.

В прихожей перед рабочим кабинетом Георгия Ивановича стоял большой, во всю стену, стеллаж с книгами, которые он использовал в своей работе. Позже, после ареста, эта, собиравшаяся Карповым на протяжении многих лет библиотека исчезла. Часть книг была на туркменском и узбекском языках арабской и латинской графикой, а также на английском, на котором он тоже читал. Иногда в выходные дни, когда удавалось оторваться от дел, Георгий Иванович брал кого-либо из детей (чаще всего этого, как младшие, удостаивались две дочери – Лида и Роза) и отправлялся на закрепленный за ним как секретарем ЦИК черной «Эмке» куда-нибудь за город на почти еще нетронутую тогда, как в наши

дни, природу – в Фирюзу, Багир¹⁹ или к Янбашским родникам²⁰ – ловить раков. И Лида могла видеть, каким непосредственно-восторженным становилось в такие моменты лицо отца. Но, к сожалению, подобные вылазки случались нечасто. Гораздо чаще отец отдавал работе и свои выходные дни.

Тем более, что дней этих до следующего удара судьбы оставалось не так уж много и нужно было спешить. Шел завершающий период первого этапа (1924–1937) изучения разных аспектов истории Туркменистана и туркменского народа, связанный прежде всего с накоплением фактического материала (Туркменская ССР, 1984. С. 304). Одним из наиболее ярких примеров чего явилась подготовка изданного чуть позже (в 1938–1939 гг.) фундаментального двухтомника МИТТ – «Материалов по истории туркмен и Туркмении».

Диапазон интересов и тем по истории и культуре Туркменистана, над которыми работал после возвращения из Байрамали Г.И. Карпов, был довольно широк: это и общая история региона, и частные вопросы, связанные с дореволюционным и советским периодами, и этнографические аспекты, и туркменское народное творчество, и даже проба пера в художественной литературе. К сожалению, далеко не все удалось реализовать тогда или позднее. Однако и в этот короткий период Георгий Иванович сумел опубликовать ряд статей в периодической печати, издать в Ашхабаде монографию о предреволюционной ситуации в одном из регионов Туркменистана, в определенной степени характерную для всей территории тогдашней Закаспийской области (Карпов, 1935), а в Москве – книгу «Творчество народов Туркме-

19 Багир – село у подножия Центрального Копетдага в 18 км к северо-западу от Ашхабада. В настоящее время входит в Копетдагский этрап города. До 2018 г. относилось к ныне упраздненному Рухабатскому этрапу Ахалского веляята. На его территории находятся руины древнего и средневекового города Ниса, где находились вплоть до I века н.э. в том числе и родовые усыпальницы Аршакидов. Парфянские крепости Старая и Новая Ниса в Багире признаны объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО – *Прим. ред.*

20 Родники расположены в предгорьях Копетдага в 15 км к западу от Ашхабада. Они дают начало ручью, протекающему от горы Гиндивар до первой столицы Парфянского государства (247 г. до н.э. – 226 г.) – Старой Нисы. Сейчас эта местность включена в состав столицы Туркменистана – *Прим. ред.*

нистана» (1936); на основе переложения туркменских народных сказок написать в соавторстве с Н. В. Навроцкой и Д. В. Волжским сатирическую комедию «Кель» («Плешивый»), которая тогда же была поставлена на сцене Туркменского Государственного драматического театра (см. разделы «Советская литература» (сост. Дж. Аллаков, К. Джумаев, А. Улугбердыев, В. Н. Филюшина) и «Театр» (Дж. Сарыев) в: Туркменская ССР, 1984. С. 421, 454). Сотрудниками Института истории помимо проведения стационарной работы организовывались полевые выезды для сбора археологического и этнографического материала, поддерживались контакты с рядом известных ученых-востоковедов из других регионов нашей страны. Все, казалось бы, шло хорошо.

Однако быстро приближался 1937-й – год кровавого барса по старинному туркменскому календарю, год начала самой страшной волны сталинских политических репрессий, которые имели место практически все время, но никогда еще до этого не приобретали столь чудовищного, изуверского размаха. Летом 1937 г. было арестовано, а вскоре и расстреляно фактически все партийно-советское руководство республики, люди испытанные, как правило, революцией и гражданской войной, отдавшие себя целиком построению того строя, который их потом и уничтожил: председатель СНК ТССР К. С. Атабаев, председатель ЦИК республики Н. Айтаков, секретарь ЦК КП/б/Т Х. Сахатмурадов, секретарь ЦК ЛКСМТ Ч. Веллеков, бывший в 1925–1926 гг. секретарем ЦК КП/б/Т И. И. Межлаук и многие другие. Был репрессирован и умер через несколько лет в северных лагерях член ЦК КП/б/Т поэт Ораз Ташназаров.

Вслед за первой пошла вторая, переклестнувшая республику и в 1938 г., намного более широкая волна репрессий, в которой счет велся уже не на десятки, а на тысячи невинных жертв. Пусть не таких известных, как их предшественники, но от этого, может быть, еще более трагичных, так как имена многих из них канули в вечность²¹. В этот круг были втянуты все слои и прослойки

21 Отрадно, что примерно с 1989 г. в республике усилиями передовой общественности началась весьма трудная и кропотливая работа по восстановлению этих имен, о чем время от времени сообщает местная пресса.

общества, люди разных национальностей, самых разнообразных профессий и социального положения.

Не обошла эта волна и ученых, в том числе и из Института истории. Весной 1938 г. были арестованы археологи А. А. Марущенко и С. А. Ершов, историк и археолог П. Арбеков, архитектор-археолог Н. М. Бачинский, некоторые другие сотрудники. Не что подобное происходило и в соседних научных учреждениях. Г. И. Карпова в 1937 г. не тронули. Более того, как уже отмечалось, 9 августа он получил удостоверение, свидетельствующее, что предъявитель его является исполняющим обязанности секретаря ЦИК ТССР. На удостоверении стоит подпись председателя ЦИК, судя по всему, Б. Атаева, т. е. уже нового руководителя после ареста Н. Айтакова. За секретаря ЦИК подписал, если удалось правильно разобрать подпись, П. Егоров. Этот факт говорит о том, что на место секретаря ЦИК в этот момент подходящей кандидатуры в руководстве не было, и объясняет, почему вспомнили о Г. И. Карпове, который имел определенный опыт, проработав, и очевидно неплохо, секретарем ЦИК ТССР несколько лет в двадцатые годы.

Трудно, конечно, говорить о том, насколько Георгий Иванович понимал все хитросплетения культа личности; умения власти запугать, лишиться воли многих людей, вызвать у них взаимное подозрение друг к другу, руководствуясь принципом «Разделяй и властвуй», а непокорных и самостоятельных убрать. Но, как человек думающий, честный и прямой, он вряд ли, конечно, мог поверить в повальное «вредительство», «шпионаж» и прочие ярлыки, раздаваемые руководящими и судебными органами налево и направо.

Не верил Г. И. Карпов ни минуты и в виновность К. С. Атабаева, о чем при детях прямо говорил жене. После ареста Кайгысыза Сердаровича он не выкинул, не уничтожил большую фотографию, на которой был сфотографирован с ним и некоторыми другими, тоже попавшими в опалу товарищами. Лишь снял ее со стены и положил в более укромное место. Лидия Георгиевна вспоминает, что когда мачеха, роясь в вещах, снова обнаружила это фото, то настоятельно посоветовала мужу выкинуть его как опасную «улику». Но отец категорически отказался так поступить. Этот эпизод говорит о многом и, в частности, о добрых

товарищеских отношениях, которые были между Г. И. Карповым и К. С. Атабаевым. Отношения эти начались, вполне вероятно, еще в самом начале 1920-х годов, когда Георгий Иванович был направлен в Ташкент, а Кайгысыз Сердарович с 1920 по 1923 гг. находился там в качестве председателя правительства (СНК) Туркестанской АССР, в которую тогда входила территория всех будущих среднеазиатских республик. Вполне возможно, что и переезд Г. И. Карпова из Ташкента в Ашхабад явился следствием приглашения Атабаевым людей, в которых он ценил прежде всего ум, совесть и решительность. О приглашении и особой симпатии Атабаева к Карпову говорит также М. Косаев (1988).

Прошло всего несколько месяцев после ареста Атабаева и того момента, когда Карпов стал секретарем ЦИК ТССР. И вот новая волна репрессий захлестнула и его. В три часа ночи 22 марта 1938 г. в дверь их квартиры в «наркомовском дворе» постучали. Поскольку ближе всех ко входу была детская комната, первой стук услышала Лидия Георгиевна, которой в то время шел тринадцатый год. Подошла к двери, спросила, кто стучит. Услышала короткий ответ: «Гости!». А так как к отцу действительно довольно часто приезжали в самое неурочное время гости – ученые из Москвы, других городов, – то Лида, хотя и удивилась немного столь позднему визиту и столь короткому ответу, без особых колебаний открыла им. В переднюю вошли трое крепких молодых людей в одинаковых серых костюмах и даже, как показалось, с одинаковыми лицами. Спросили, дома ли отец. В этот момент из своей комнаты в прихожую вышел в наспех наброшенной одежде и сам Георгий Иванович. Он-то, очевидно, сразу понял, с какой целью прибыли «гости», и постарался избавить дочь, да и других детей, которые в это время мирно спали, от лишнего душевного потрясения. «Иди спать, дочка!» – отослал он Лиду в детскую. «Я ушла и быстро заснула. А утром узнала, что отца забрали, устроив в его кабинете и спальне обыск, больше похожий на погром, – вспоминает Лидия Георгиевна. – Заходили и к нам, в детскую, но ребят будить не стали и никто из нас до утра так и не проснулся. А когда мы начали расспрашивать мачеху о происшедшем, она сказала, что отец ни в чем не виноват, там разберутся и его отпустят.

Но, к сожалению, Георгий Иванович не вернулся ни в тот же день, ни на следующий, ни через неделю, ни через месяц.

Примерно тогда же, когда и Карпов, был арестован профессор Бачинский, ряд других ученых. Арестовали и шофера Георгия Ивановича – Юргенсона – очевидно, прежде всего, как красного латышского стрелка. Он так и погиб в сталинских лагерях, а след его жены и сына Августа, товарища по играм детей «наркомовского двора», вскоре затерялся, как и следы сотен тысяч других людей. Обвинения подобным арестованным предъявлялись, как правило, не только «липовые», но и нередко самые фантастические: например, намеренно взорвать мост через Амударью в Чарджоу (это инкриминировали Елизавете Ефимовне, беременной женщине, арестованной вскоре после мужа, Ораза Тачназарова) или прорыть подземный ход «к какому-нибудь важному секретному объекту, а то и за границу», служба иностранным разведкам, контрреволюционная деятельность, сознательное вредительство, национализм и т.д. и т.п. Детским лепетом звучало по сравнению с такими мотивами обвинение в разбазаривании государственных средств, что, в частности, инкриминировали археологам А. А. Марущенко и С. А. Ершову. Нечто подобное было предъявлено и Г. И. Карпову, хотя ему пытались приписать и службу иностранной разведке.

Главной целью следователей, которых не смущали никакие формулировки обвинений, предъявляемых ими арестованным, и несколько не волновала их дальнейшая судьба. Им надо было любой ценой добиться от своих жертв признания «вины», подписания такого рода протокола. Любой ценой – это, значит, и методом физического воздействия, т.е. пытками. Большинство, не выдержав этого «метода», подписывали и получали расстрел или различные сроки лагерей. Некоторые не подписывали, хотя судьба большинства и таких людей была печальна. Но все же, помимо морально-нравственной стороны, в подобных случаях оставался и какой-то, пусть небольшой, шанс на пересмотр дела, и более благополучный исход.

В числе таких немногих оказался и Г. И. Карпов. Значительно позже он рассказал дочери Лиде (причем доверив только ей – так как была общая атмосфера страха), как пытались из него выжать

признание «вины» следователи, как ставили на «конвейер», т. е. изматывали длительными, многочасовыми допросами, как избивали, а самое болезненное, пытали, ставя босыми ногами на какую-то металлическую плиту и время от времени подключая к ней электрический ток. Жутко было, ожидая удара, наблюдать, как описывал издевательские круги карандаш в руках сидевшего за столом напротив следователя, которым он при желании надавливал на находившуюся тут же соединительную клемму электропроводки.

Не думается, что квалификация ашхабадских следователей-палачей была намного ниже, скажем, московских. По крайней мере, методы они использовали, в основном, одни и те же. Но Георгий Иванович, человек физически, а, главное, духовно крепкий, сумел выдержать весь этот кошмар, не признав себя виновным в выдвинутых против него обвинениях.²² Сидевшие же с ним в одной камере другие невинные люди, очевидно, не смогли выдержать, и подписывали. Из тех сокамерников, кого называл отец, Лидия Георгиевна запомнила лишь Халмурадова, работника ЦК ЛКСМТ, который был приговорен к расстрелу. Уже после войны, когда она как-то шла вместе с отцом по улице, он указал ей на одного человека с самой заурядной, не привлекающей внимания внешностью: «Вот этот сейчас стал преподавателем физкультуры, а в тридцать восьмом избивал меня в тюрьме».

Лишь упорством Карпова можно объяснить тот факт, что под следствием он просидел в тюрьме целых девять месяцев – со дня весеннего равноденствия до дня зимнего солнцестояния – в то время как обычно «дело» передавали в суд уже через считанные недели, а порой и дни. Это упорство, умелая, аргументированная самозащита (в чем, возможно, как-то пригодился опыт, почерпнутый в период работы замнаркома внутренних дел) сыграли, несомненно, важную роль в том, что Георгий Иванович вышел на волю. Но это, думается, удачно сочеталось с тем временным «ослаблением» в репрессиях, которое последовало в конце

²² По словам проживающего в Краснодаре Михаила Сокола (1952 г.р.), внучатого племянника Г.И. Карпова, с которым автор познакомился в ноябре 2018 г., старшие родственники рассказывали, что Георгий Иванович был крупный широкоплечий мужчина примерно примерно его роста (190 см).

1938–1939 гг., когда даже верхи поняли, что произошел «перебор» и, продолжая, вообще можно остаться без толковых людей. Этот мотив, плюс хитрый сталинский маневр отвести от себя обвинение в массовом терроре против своего народа и самореклама «справедливого» вождя и «справедливого» нового наркома внутренних дел, которым стал Берия, привели к сваливанию всех бед на произвол его предшественника Ежова и освобождению из тюрем и лагерей нескольких тысяч (из многих сотен тысяч) человек. В ашхабадскую «разнарядку» попал, к счастью, и Г.И. Карпов.

Судьба снова улыбнулась ему, но это была своеобразная улыбка неправового государства, которое могло, как штормовая волна, бросить человека, при всех его заслугах и положительных данных, в самую пучину, затем неожиданно опять вознести вверх, не давая ему никакой уверенности, что в следующее мгновение не увлечет его снова вниз. Но, как бы там ни было, 28 декабря 1938 г. Георгий Иванович подал заявление наркому юстиции ТССР И. Караджаевой по поводу возврата ему бывшей квартиры (ЦГА ТССР, ф. Р-2, оп. 12, д. 314, л. 158–162). В нем он указывает, что был необоснованно репрессирован с 22 марта по 22 декабря текущего года.

Г.И. Карпов снова мог заниматься любимой наукой, возглавлять коллектив ученых. И, как бы чувствуя, что времени отпущено не так уж много и нет гарантии, что завтра все не может опять повториться, он активизирует свои исследования и публикации. Но, если на общественно-научном фронте дело стало налаживаться, на семейном опять обострилось. После ареста Георгия Ивановича встал вопрос, что делать с детьми. Двое старших уже выходили на самостоятельный путь: Виктор, которому исполнилось или должно было исполниться восемнадцать, собирался жениться (что вскоре и сделал) и поступать в танковое училище на Кавказе. Второй сын, шестнадцатилетний Борис, имея тягу к рисованию, поступил в Ашхабадское художественное училище. Остальные же четверо – Георгий, Лидия, Розалия и Владимир – старшему из которых не исполнилось еще и четырнадцати, а младшему было всего девять, должны были, естественно, оставаться на попечении взрослых.

Мачеха возиться с четырьмя приемными детьми при нера-

дужных перспективах в отношении мужа, не захотела. Хотя, как уже говорилось, у ее родителей был собственный дом. В городе из родственников в это время жила еще тетя Катя – самая младшая сестра Карпова, судьба которой тоже не была простой. В свое время, в начале двадцатых, молоденькой шестнадцатилетней девушкой Екатерина приехала к брату в Ашхабад, помогала ему дома по хозяйству. Здесь в нее влюбился один из сотрудников Карпова по наркомату внутренних дел. Однако Георгий Иванович, предполагая будущее развитие их отношений, не разрешил ей тогда выходить за него замуж: «Чтобы не было, как у меня, жена неграмотная». Увы, эта миловидная девушка была неграмотна. Потом, правда, научилась читать и писать. Обидевшись на брата, Екатерина вернулась в родную Караваинку, вышла скоро замуж за зажиточного крестьянина, которого позднее объявили «кулаком» и раскулачили. После чего она снова уехала в Ашхабад, где устроилась работать нянечкой в одном из детских садов, получая 80 руб. в месяц. И из этой мизерной суммы ухитрялась ежемесячно передавать Георгию Ивановичу в тюрьму по 50 руб., проотив брату свою давнюю обиду. Позднее Екатерина снова уехала на Волгу, жила у сестры в Быково, а потом переехала в Алма-Ату, где проживала с дочерью и внуками.

Взять к себе племянников тетя Катя, хотя, может быть, и хотела, но, к сожалению, не могла: не позволяли ни теснота жилья, ни скудность средств. Оставалось одно: сдать детей в детский дом. Мачеха фактически так и поступила. Сначала все четверо находились в течение трех месяцев в ашхабадском детприемнике, где никто не учился, зато, как вспоминает Лидия Георгиевна, на кухне были горы грязной посуды, которую ей надлежало мыть. Иногда за едой, что предназначалась детям, приходила толстая женщина, родственница начальника детприемника, и, если, отбирая лучшие куски, роняла на пол что-нибудь из посуды, то сваливала вину на девочку, которую некому было защитить, да вдобавок называла ее неуклюжей и растяпой. О том, что детям оставалось до конца учебного года всего менее двух месяцев, никто здесь не думал, не беспокоился. Из-за этого все они потеряли по одному учебному году; Лидии, например, снова пришлось идти в четвертый класс.

Летом, в самую жару детей с охранником повезли в детский дом под далеким Чимкентом в Южном Казахстане, хотя детские дома были и поблизости, в Туркмении. Тот же, куда, очевидно, специально привезли детей Карпова, был не простым заведением, а предназначенным для умственно отсталых и переболевших заразными болезнями. При представлении новеньких коллективу директор подчеркнул, что прибывшие – дети врага народа. И некоторые ребята восприняли это как своего рода призыв к действию, решив извести под корень маленьких «врагов». Лидии и Розе предложили поесть плодов белены, уверяя, что это очень вкусно. Полуголодный рацион, лишенный каких-либо разнообразий, подталкивал желание попробовать что-то иное, каких-нибудь незнакомых плодов и ягод. Роза почему-то не ела или они ей сразу не понравились, а Лидия поела этих коварных лепешечек, и ей стало плохо. Поднялся жар. Возникло непреодолимое желание прилечь прямо на холодный цементный пол под узкой железной кроватью, на которых без простынь и подушек, на жиденьком матрасе и под ветхим одеялом по двое спали дети. Подобное «охлаждение» окончилось воспалением легких. Но никакого лечения – уколов, таблеток и прочего – не было, кроме тряпки с уксусом на лоб. Выдержал организм.

После болезни, чтобы хоть немного поправить здоровье, Лидию на какой-то срок направили в детский санаторий, тоже под Чимкентом, и там после пионерского торжества ребятам стали раздавать подарки. «Не было подарка только мне, – вспоминает детское пережитое ею горькое чувство обиды Лидия Георгиевна, – да встреченной мною здесь дочери Хаджи Атабаева – директора правительственного Дома отдыха в Фирюзе, тоже репрессированного». Младшая сестра Роза, хотя и избежала отравления беленой и воспаления легких, видно, как более подверженная эмоциям, восприняла арест отца и все, что за этим последовало, особенно болезненно, что сказалось и до сих пор сказывается на ее психике, нервной системе. Не сладко было в детском доме и братьям, жившим в другом корпусе. Такова была действительность: отца мучили в тюрьме, а детей унижали в детском доме.

Когда Г. И. Карпов был освобожден, перед ним наиболее остро встал вопрос о жилье. Выше упоминавшееся заявление-просьба

на имя наркома юстиции ТССР о возврате ему его бывшей квартиры, судя по всему, удовлетворено не было. Поэтому Георгий Иванович вынужден был согласиться на то, чтобы перейти жить с Ольгой Николаевной в дом, который купили для своих детей – дочери и сына – ее родители. Конечно, условия жизни и работы здесь были далеко не те, что в квартире в «наркомовском дворе». Дом, расположенный на проспекте Свободы, 36, на тогдашней восточной окраине города, между современным проспектом Махтумкули и улицами Кемине и Торговой, состоял (вместо былых семи) из четырех комнат, расположенных в линию с дверьми, выходящими на общую веранду. Причем самую большую из них с пристройкой занимал старший брат Ольги Николаевны с женой и дочерью. Одна из трех оставшихся служила Георгию Ивановичу спальней, а две других, имевшие лишь один общий выход на веранду, отдали в дальнейшем, когда вернулись дети, под детскую. По соседству, за дувалом находился механический завод (недавно здесь был завод «Красный металлист») с постоянно ухающими и звякающими механизмами. Во дворе, куда приходилось ходить через территорию завода, а когда это с началом войны было запрещено, через соседний двор, находилось небольшое отдельное помещение – кухня и колодец с питьевой водой. Использовали, однако, обычно воду из под крана.

За детьми в детский дом под Чимкентом Георгий Иванович сумел приехать только в начале лета 1940 г., по окончании школьных занятий. Надежда и ожидание положительного решения вопроса о более или менее нормальном жилье, где можно было бы разместить все семейство и заниматься творческой работой; затем (когда надежды эти не оправдались) острый конфликт с Ольгой Николаевной, которую он очень упрекал за то, что позволила забрать детей в детский дом, и которая не хотела их возврата; состояние здоровья, основательно подорванного пребыванием в тюрьме (руководство вынуждено было даже, чтобы он мог подлечиться и немного прийти в себя, направить Карпова в санаторий в Кеши²³,

23 Кеши – сейчас жилой микрорайон в северо-западной части Ашхабада. До 2013 года являлся аулом в составе Рухабатского (Дервезинского) этрапа Ахалского велаята – *Прим. ред.*

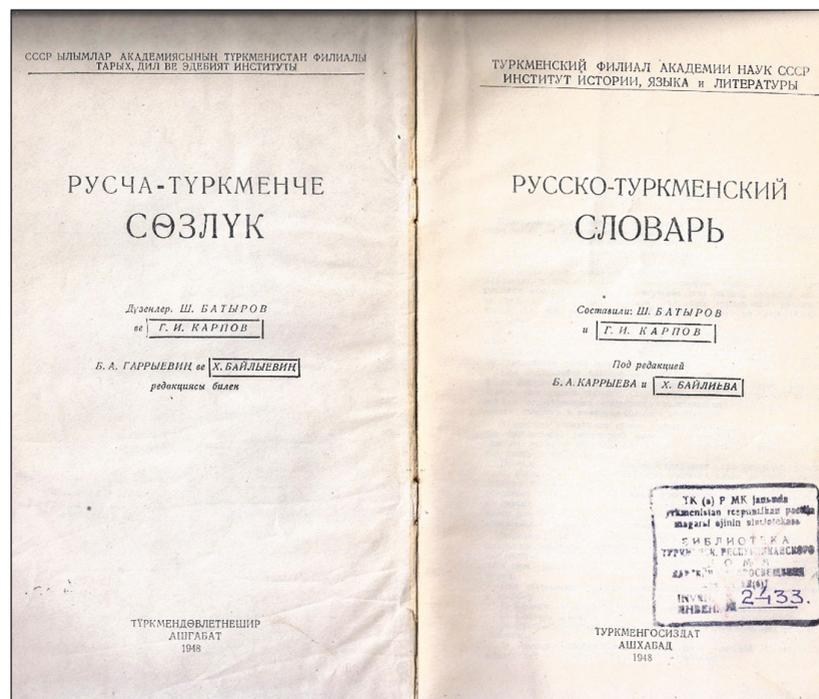
а затем в Сочи) не позволяли сделать этого раньше. Хотя, несомненно, Георгий Иванович не мог не переживать за детей.

Все эти коллизии, естественно, усложняли обстановку для плодотворной научно-исследовательской работы, отнимали понапрасну немало душевных и физических сил. Тем более приходится удивляться тому, как после всего, что ему довелось испытать, Карпов с присущей ему энергией и энтузиазмом продолжил руководство Институтом истории и разработку ряда важных научных тем.

Диапазон его исследований и публикаций этого, предвоенного, периода довольно широк, пополнившись еще одним направлением – языковедческим. Так, в 1938–1940 гг. совместно с Ш. Батыровым им был составлен «Русско-туркменский словарь», который, включая около 20 тыс. слов, явился самым крупным из изданий подобного рода. К сожалению, выпустить словарь удалось лишь в 1948 г., уже после того, как Г.И. Карпов ушел из жизни. Словарь, изданный 15-тысячным тиражом, был призван помочь изучающим туркменский язык овладеть современной живой туркменской речью, читать на этом языке современную художественную литературу и периодическую печать. Поэтому при отборе русских слов была проявлена особая тщательность, отброшены архаизмы, не используемые в современном русском языке, и, наоборот, включены по возможности шире новые термины, вошедшие в жизнь и быт в современный период. Привлекал к себе внимание Георгия Ивановича и образ классика туркменской литературы Махтумкули, о чем говорят собранные в 1940–1941 гг. материалы о великом поэте: «Махтум Кули²⁴ (К 160-летнему юбилею)» (РФ ЦНБ АНТ, Р-74²⁵, 163 л.), «Эпоха Махтум Кули Давлет Мамед (оглы) фраги» (Там же, Р-118, 88 л.; Р-131, 81 л.).

24 В тексте сохранено написание, которое дано в оригинале публикации. В настоящее время фамилию выдающегося туркменского классика принято писать слитно – Махтумкули – *Прим. ред.*

25 Ссылки на материалы, хранящиеся в РФ ЦНБ АНТ (Центральная научная библиотека Академии наук Туркменистана), см. в Приложении «Материалы Г.И. Карпова, хранящиеся в Редком фонде Центральной Научной библиотеки Академии наук Туркменистана».

Титульный лист Русско-туркменского словаря (1948)

Но главным в тематике Карпова по-прежнему оставались историко-этнографические исследования, в которых преобладали вопросы этнической истории туркмен. 1939-м годом помечено большинство материалов, собранных отдельно по ряду туркменских племен: сарык, али-эли, абдал, салыр, караул, мурчали, сунчали, меджеур, махтум, ших, гоклен, теке и др. (Там же, Р-7, Р-53, Р-15, Р-60, Р-12, Р-1 и т. д.). Впрочем, мы видим, что Георгий Иванович интересовался и некоторыми народами, живущими за пределами Туркменистана, о чем говорят, в частности, такие материалы как «Справка о тюрках «гагаузах», проживающих на Украине и Бессарабии» (РФ ЦНБ АНТ, Р-146.), «Население Ирана по данным...» (Там же, Р-125.).

Г. И. Карпов komponует различные «Материалы к истории Древнего Мерва (Маргианы)» (Там же, Р-38, Р-104), «Этногра-

фические этюды. Народные легенды о городе Массариане» (Там же, Р-128.), имеющие значение не только для историков, но и для археологов. В то же время он поддерживает тесные контакты с прессой: в октябре-ноябре 1939 г. в республиканской газете «Комсомолец Туркменистана» печатается серия очерков по истории региона и народа, его населяющего. Серия была посвящена 15-летию образования Туркменской ССР. В следующем, 1940 г. она легла в основу научно-популярной брошюры «Очерки по истории Туркмении и туркменского народа» (Карпов, 1940).

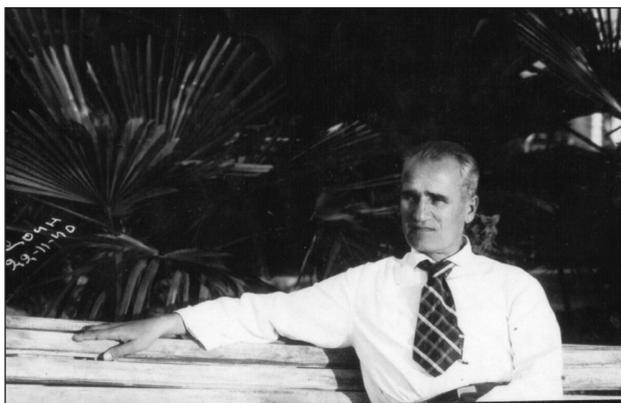
Но не забывал Карпов и историю Туркменистана советского периода. В связи с усилением внимания к истории партии, в 1940 г. были созданы республиканский и областные партархивы. Георгий Иванович также откликается на эти мероприятия. Готовит раздел «Компартия Туркменистана в период восстановления народного хозяйства (1921–1925)» для коллективного исследования, увидевшего свет значительно позже, в 1943 г. В 1939–1940 гг. он подготавливает «Материалы к истории Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Туркменистана» (РФ ЦНБ АНТ, Р-57, Р-63.), редактирует сборник «Воспоминания участников о гражданской войне в Туркмении (1918–1920)» (1940), сам издает снабженную картой и схемой брошюру «Гражданская война в Туркмении» (Карпов, 1940а).

За научными делами Георгий Иванович старался никогда не обособляться от коллектива своего института: будь то какие-либо торжественные моменты или субботники, на которых директор лопатой или другим инструментом работал так же, как и его молодые сотрудники. Так было и на одном из субботников по строительству ставшей законной гордостью горожан детской железной дороги на западной окраине Ашхабада, во время которого сделан предлагаемый любительский снимок. Дорога эта, правда, просуществовала недолго в связи с начавшейся вскоре Великой Отечественной войной.

Г.И. Карпов на субботнике по строительству детской железной дороги. Ашхабад, 1940 г.

В простой кепке и пиджаке, беззаботно сдвинув в угол рта папироску и с лукавинкой глядя в объектив, Георгий Иванович, окруженный открытыми оживленными лицами других участников субботника, кажется таким же неутомимым, как и двадцать лет назад, когда он тридцатилетним молодым человеком приехал на второе и окончательное свидание со Средней Азией. Увы, это не так. Напряженная многолетняя работа и многочисленные испытания, которым подвергла его за эти десятилетия судьба, не могли пройти бесследно. Об этом говорит другая фотография, сделанная спустя несколько месяцев в том же 1940 г., где Г.И. Карпов сидит один, наедине со своими думами и переживаниями.

Г.И. Карпов на отдыхе в г. Сочи. 22.XI.1940.

А задуматься было над чем в этот фактически последний такого рода отдых в конце последнего же предвоенного года: и не только о науке, о которой Георгий Иванович думал всегда, или о семье и судьбах подрастающих детей, но и о том, что принесет приближающийся новый, 1941-й год. Вряд ли, конечно, он предполагал, что всего через семь месяцев начнется новое, ни с чем не сравнимое испытание для всей страны, всего советского народа. Но вот то, что в научных учреждениях республики волею руководящих органов ожидаются очередные изменения и перемещения, Карпов наверняка догадывался.

Догадки эти вскоре подтвердились. 7 апреля 1941 г. по решению директивных органов состоялось официальное открытие Туркменского филиала АН СССР, который через десять лет, 29 июня 1951 г. был преобразован в самостоятельную АН ТССР. Конечно, это было логично и закономерно: республиканская наука должна разворачиваться, развиваться, выходить на свою собственную дорогу. С точки зрения логики, правда, не вполне понятно, почему был сделан шаг назад в отношении двух основных гуманитарных научно-исследовательских учреждений Туркменистана, успешно работавших уже пять лет самостоятельно под руководством Г.И. Карпова и Х. Байлиева, – Института истории и Института языка и литературы. Согласно решению тех же органов, оба эти института снова, как и до 1936 г., объединялись в один Институт истории, языка и литературы, директором которого пока оставался Георгий Иванович.

Пока, потому, что думается эта акция была предпринята, чтобы отстранить от непосредственного руководства неординарно мыслящего и самостоятельного, а, следовательно, и менее удобного ученого. Это подтверждает решение состоявшегося всего через три месяца, в начале июля 1941 г., заседания Бюро ЦК КП/б/Т, на котором рассматривался вопрос «О работе научно-исследовательского Института истории, языка и литературы» (это спустя всего три месяца после его образования!), на котором выступил в то время бывший первым секретарем ЦК КП/б/Т М.М. Фонин. Не найдя каких-либо действительно серьезных недочетов в работе проверяемого учреждения, Бюро

постановило «за проникновение в коллектив института псевдоученых (?! – С.Д.)» отстранить Г.И. Карпова от директорства (Партархив ИОПИ ЦК КПТ, ф.1, оп. 1/3, д. 37, л. 37–38).

Еще более любопытно решение того же Бюро ЦК КП/б/Т, принятое 19 июля 1941 г., т.е. через несколько дней после вышеприведенного. Оно называлось «О составе бюро Президиума ТФ АН СССР» и утверждало персональный состав этого бюро из четырех человек: Г. Карпова (как заместителя председателя Президиума ТФ АН СССР), П. Азимова как ученого секретаря этого бюро, а также И.П. Петрова, директора биологического института, и Х. Байлиева, бывшего директора Института языка и литературы (как его членов) (Партархив ИОПИ ЦК КПТ, ф. 1, оп. 1/3, д. 39, л. 9). Таким образом, теперь Георгий Иванович по своему рангу в академической иерархии становился вторым лицом (соответствующим в более позднее время вице-президенту АН ТССР), но непосредственно руководить развитием гуманитарных, и прежде всего, исторических наук Туркменистана возможности уже не имел.

Конечно, что касается личного участия Карпова в разработке этих наук, то, думается, новое его положение в определенной степени еще более стимулировало это. Во всяком случае, облегчило, например, осуществление давнего желания Георгия Ивановича побывать как ученому в столь близкой и одновременно столь недоступной для советских исследователей до начала 1940-х гг. стране как Иран, откуда он привез интереснейший историко-этнографический материал.

И, тем не менее, пережить второе вынужденное расставание с институтом, как со своим родным детищем, было непросто. Заканчивалась эпоха довоенного Института туркменской культуры (из недр которого вырос Институт истории), располагавшегося в уютном одноэтажном здании по улице Гоголя, где долгое время потом находился Жилсоцбанк. Очевидно, многих, кто бывал в этом здании, приятно поражали расположенные по обе стороны от входа две прекрасно выполненные и символично созвучные названию института скульптуры «Читающий туркмен» и «Читающая туркменка». Детали и атрибуты национальной одежды выполнены на них с этнографической точностью. Скульптуры,

пережившие землетрясение и потом стоявшие перед зданием Музея изобразительных искусств, были специально заказаны Г.И. Карповым.

Г. Ашхабад. Здание Института туркменской культуры. 1927 г. Фото из архива Государственного музея Туркменистана

Г. Ашхабад. Скульптуры работы Елизаветы Родионовны Трипольской «Читающий туркмен» (а) и «Читающая туркменка» (б) перед входом в художественное училище. Ранее находились перед входом в Институт туркменской культуры, потом перед зданием Музея изобразительных искусств. Фото А.О. Сопиева, 2021 г.

Внутри института не только директорский кабинет, но и все отделы были декорированы прекрасными туркменскими коврами, а окна от жарких солнечных лучей прикрывали тяжелые красивые шторы, которые легко раздвигались с помощью витых шнуров с кистями. Из здания института можно было выйти в небольшой, но очень уютный зеленый дворик, который у него был общим с расположенным рядом, на углу улиц Энгельса и Гоголя, Водопроводом²⁶.

И вот из обжитого уютного здания, с которым связано столько воспоминаний, предстояло перейти в трехэтажную «серую коробку» напротив Ленинского скверика (туда, где долго размещался потом партархив), выстроенную специально для ТФ АН СССР.

К раздумьям о делах академических добавлялась и отцовская тревога за сыновей, особенно за старшего. Ведь уже полыхала война, и Виктор, окончивший танковое училище на Кавказе, отправился или должен был вот-вот отправиться на фронт. Подходила очередь и второму сыну, Борису, который только что завершил учебу в Ашхабадском художественном училище. А там не за горами и третий – Георгий, которому уже идет семнадцатый год.

Парадоксально, но некоторые события, связанные с Великой Отечественной войной, при всей трагедийности фона, на котором они происходили, имели объективно положительные последствия. Так, вступление осенью 1941 г., согласно советско-иранскому договору, на территорию Северного Ирана частей Красной Армии дало возможность целому ряду советских ученых, в том числе и гуманитариев – востоковедов, историков, этнографов (достаточно вспомнить известного специалиста по Средней Азии, этнографа-ираниста Н. А. Кислякова) – провести в этой стране серьезные научные исследования. Среди этих ученых были и туркменские. Или, скажем, вынужденная эвакуация ряда веду-

щих вузов страны из Москвы, Киева и некоторых других крупных городов в восточные регионы способствовала здесь резкой активизации научной деятельности и подготовке местных и национальных кадров.

Такую же роль сыграла и эвакуация осенью 1941 г. в Ашхабад части факультетов Московского и Одесского университетов. Преподаватели этих университетов вели занятия в ашхабадских вузах и средних специальных учебных заведениях, выступали с лекциями и докладами перед широкой аудиторией, принимали участие в работе научных учреждений, помогали в проведении диссертационных исследований аспирантам и соискателям, организовывали защиту уже завершенных диссертаций.

В 1942 г. по подготовленному им фактически давно (первый вариант еще в 1928 г. – РФ ЦНБ АНТ, Р-73. 210 л., второй – в 1935 г. – РФ ЦНБ АНТ, Р-115), но «не оформленному официально» диссертационному исследованию состоялась защита и у Г. И. Карпова. Диссертация была посвящена родоплеменной структуре туркмен – теме, проходящей красной нитью через все его научное творчество. Удивляться тому, что защита состоялась в столь зрелом возрасте, не следует. Ибо в довоенном прошлом были нередки случаи, когда серьезные ученые, уже внесшие свой достойный вклад в копилку науки, продолжали работать десятилетиями, а то и всю жизнь без всяких степеней, считая, и не без основания, подготовку и возню с защитой и оформлением специальной диссертационной работы лишь лишней тратой драгоценного времени. Главным для них в жизни, если говорить без ложного пафоса, было служение науке.

Таким, например, был один из зачинателей туркменской археологии А. А. Марущенко, выпускник МГУ и аспирант РАНИОН, который, будучи приглашен Г. И. Карповым заведовать археологической секцией Туркменкульта, приехал в 1929 г. в Ашхабад. Посвятив все отпущенное ему судьбой время служению археологической науке, он ушел из жизни в 1976 г., так и не найдя нужным терять

26 Своими впечатлениями от того периода с автором этих строк поделилась ученый секретарь Института литературы АН ТССР Л. М. Синельникова. Подростком, в 1936–1937 гг. ей довелось не раз бывать в здании Туркменкульта у матери, которая работала в Институте истории. Особенно поразили ее старые интеллигенты – седобородые аксакалы в пенсне, которых она там встречала и которых, работая в системе АН ТССР уже более 35 лет, больше не видела.

это время на оформление диссертаций. Один из лучших этнографов-религиоведов, специалистов по Средней Азии, Г. П. Снесарев до шестидесяти с лишним лет успешно отбивался от многих предложений «оформиться». Примеры можно было бы продолжить. Бюрократизация же науки, имевшая своим следствием во многом перевернутую систему ценностей и иную психологию, предполагающие главным критерием «весомости» вклада в науку обязательное наличие кандидатского или докторского диплома, начала набирать обороты лишь с 1950-х годов,²⁷ развернувшись во всю мощь в последующие десятилетия.

Важность разработки главной в научных исследованиях Г. И. Карпова темы подчеркивает в своем, датированном 12 июля 1942 г., отзыве на его кандидатскую диссертацию доцент МГУ, кандидат исторических наук М. Воеводский. В нем он, в частности, отмечал: «Детальное описание родоплеменного состава большого по численности народа (имеются в виду туркмены – *С.Д.*) до сих пор никем не было произведено, и работа Г. И. Карпова несомненно будет использована в качестве конкретного примера процесса этногенеза... Г. И. Карпов в указанной работе проявил себя как очень квалифицированный и талантливый историк и ему, без всякого сомнения, может быть присуждена степень кандидата исторических наук». В семейном архиве Л. Г. Черновой (Карповой) сохранился, к сожалению, лишь второй, заключительный, лист заверенной печатью ТФ АН СССР копии этого отзыва, с которого и производится цитирование.

Помимо защиты диссертация в 1942 г. в жизни Георгия Ивановича произошло еще одно памятное событие – с экспедицией, созданной для комплексного изучения Ирана, он получил возможность в течение довольно длительного времени ознакомиться

²⁷ Еще в конце 1945 г. в системе ТФ АН СССР из общего числа сотрудников в 238 человек научных работников, имевших ученую степень, было 60 человек (см.: Базарова, 1984. С. 136), т. е. всего четверть. Не следует забывать, что определенную часть «остепененных» в то время составляли ученые, приехавшие в Ашхабад в эвакуацию и влившиеся на более или менее длительный срок в состав местных академических учреждений.

ся с некоторыми регионами этой древней страны, провести там историко-этнографические исследования и собрать большой полевой материал, которого, по словам самого Карпова, сказанным им позднее дочери Лидии, хватило бы на две хорошие докторские диссертации.

Правда, радостное для каждого ученого волнение от реальной возможности осуществить свое давнее желание омрачалось переживаниями, связанными с судьбой старших детей. Хотя в то же время Георгий Иванович не мог не гордиться ими за то, что они не посрамили отца, того духа любви к Родине, в котором они воспитывались.

Виктор, танкист, еще в предыдущем, 1941-м, в первые месяцы войны уже принес на ее алтарь свое здоровье: с тяжелым ранением ноги он был эвакуирован в тыл. Согласно направлению, он должен был долечиваться в одном из сибирских госпиталей. Но, благодаря счастливой случайности, санитарный поезд шел на восток через Баку и Ашхабад, где после его более чем настоятельных просьб Виктор и был оставлен. Сцену выгрузки носилок на перрон увидела проходившая именно в этот момент по мостику над железнодорожными путями сестра Роза, которая и сообщила об этом всем остальным. После долгого пребывания в ашхабадском госпитале Виктор с так и не зажившей как следует раной был снят с воинского учета и направлен работать госавтоинспектором в г. Ургенч в Узбекистане. Ранение, несомненно, подорвало силы организма и, скорее всего, способствовало его ранней (в двадцать семь лет) смерти от туберкулеза, произошедшей в начале 1948 г.

Борис тоже достойно выполнял свой воинский долг, служил пулеметчиком в частях Красной Армии, дислоцировавшихся на территории Ирана. Военных действий там, правда, официально не велось, но стычки и перестрелки все же бывали. И в любой момент его могли послать на западный фронт. Там же, в Иране, во время службы, он вынужден был пролежать в карауле всю ночь на холодных камнях. Это не прошло бесследно для его организма: он также заболел туберкулезом, а 4 октября 1947 г., т. е. всего через полгода после смерти отца, он скончался.

ся в возрасте двадцати пяти лет.

Третий сын, Георгий, был призван в ряды вооруженных сил в 1942 г. и направлен в охранные войска на Урал. После войны поступил там в военное училище, но не смог закончить его из-за болезни, которая и увела его из жизни тоже очень рано: в 1952 г., когда ему было двадцать восемь.

Дочь Лидия, «доверенное лицо» Георгия Ивановича, которой он рассказывал многое из того, чего не говорил никому из других родственников, хотя вообще был скуп на откровения о своих делах и переживаниях, окончив в июне 1942 г. восьмилетку, получила одобрение отца пойти по медицинской стезе. Поступив осенью в Ашхабадский мед. техникум, она уже через два месяца добровольно перешла в эвакуированное в Ашхабад Харьковское военно-медицинское училище. В июне 1944 г. окончила его фельдшерское отделение. В восемнадцать-девятнадцать лет хрупкой Лидии, как лейтенанту медицинской службы, довелось пройти и проехать сотни верст военными дорогами Белоруссии, Литвы и Латвии, не раз попадать под бомбежки врага, вытаскивать раненых из опрокинувшихся в болото санитарных машин, быть неоднократно награжденной, причем медалью «За боевые заслуги» еще на фронте.

Конечно, многого из того, что здесь сказано, Георгий Иванович, собираясь в Иран, знать еще не мог, а многого так и не узнал никогда. Но, воспроизводя образ того или иного человека, невозможно оторвать его от окружения, исторических условий и общества, в котором он жил, а тем более от близких ему людей. Ведь все это в значительной степени, хотя, конечно, и не абсолютно, обуславливает черты его характера, вкусы и привычки, представления и чувства, поступки и действия. Точно также применительно к людям, имевшим контакт с данным человеком, все это в той или иной степени воздействует и на них. Поэтому, естественно, и образ Г. И. Карпова невозможно передать без краткой характеристики его близких.

Лейтенант мед. службы А. Г. Карпова (справа) с подругой в действующей армии. Вайноды (Латвия). Весна 1945 г.

Чернова (Карпова) в гостях у автора, С.М. Демидова. Станица Батуриная Брюховецкого района, Кубань. Декабрь 2000 г. Фото Р. Палде.

Если бросить взгляд на список публикаций и рукописных материалов Г.И. Карпова, относящихся к 1941–1942 гг., то можно заметить, что он более скуден по сравнению, скажем, с предвоенным периодом, на котором мы уже останавливались, и тем более с «последним приливом» в научном творчестве ученого, который пришелся на 1944–1947 гг. Такого рода «затишье» обусловлено, вне сомнения, теми обстоятельствами работы Георгия Ивановича в ТФ АН, о которых говорилось чуть выше, а также резким сокращением выделяемых средств и полиграфических возможностей, связанном с началом военного периода. Но второй причиной этого являлась, думается, серьезная, как и все, что он делал, подготовка Карпова к поездке в Иран. Тем не менее, помимо некоторых рукописных материалов и публикаций в периодической печати, в 1942 г. Георгием Ивановичем в соавторстве с Л. Курбановым была подготовлена и издана книга «Прошлое и настоящее туркменского народа» (Курбанов, Карпов, 1942).

В редком фонде ЦНБ АНТ среди рукописных материалов наследия Г.И. Карпова с Ираном связано 14 папок, из которых практически все, кроме одной, имеют характерное для него четкое хронологическое обозначение. Материалы, объемом от 20 до 130 листов каждый, относятся соответственно: к 1941 г. – один; к 1942 (варианты: 1942–1943, 1942–1945) гг. – шесть и к 1943 г. – шесть. Подготовка недатированного материала тоже, судя по всему, относится к концу 1941–1942 гг. Все это красноречиво свидетельствует о той огромной работе, которую Г.И. Карпов провел в годы войны в плане изучения Ирана как стационарно, тщательно обрабатывая литературу, в основном отечественную и переводную (недатированный, объемом 24 листа материал, например, представляет собой постраничные выписки сведений о различных народах Ирана, разбросанные по всему огромному второму тому МИТТ (М.–Л., 1938), посвященному периоду XVI – XIX вв. (РФ ЦНБ АНТ, Р-125), так и в полевых условиях, собирая историко-этнографический и иной материал во время четырехмесячной экспедиции в три провинции Северного Ирана – Горган, Мазандеран и Хорасан, продолжавшейся с 15 октября 1942 г. по 15 февраля 1943 г.

Следует сказать, что непосредственным толчком, активизировавшим желание Георгия Ивановича всерьез заняться соседней страной, был заказ, сделанный ему со стороны руководства республики в лице председателя СНК ТССР Аитбая Худайбергенова подготовить в спешном порядке (так как руководство страны уже, видимо, планировало введение советских войск на иранскую территорию) «Краткий обзор Ирана». Это, как внеплановая работа, было сделано в рекордные сроки. Материал, насчитывающий 37 машинописных страниц, был подготовлен, судя по датам, всего за четыре дня: с 30 августа по 2 сентября 1941 г. (РФ ЦНБ АНТ, Р-124). И хотя Карпов в конце его оговаривается, что «Обзор» не является самостоятельной работой составителя, а составлен из выкопировок различных литературных источников (РФ ЦНБ АНТ, Р-124, л. 37), оперативность, конечно, удивительная, даже если предположить, что составителю помогали в сборе фактических данных.

«Краткий обзор Ирана» включал в себя 18 пунктов: краткий обзор страны; население; политическое положение; народное образование; политические рабочие партии; персидская пресса; рабочий класс и крестьянство; сельское хозяйство; железнодорожные и воздушные пути сообщения; грунтовые пути и шоссе; торговые пути сообщения; трагакант (продукт дикорастущего растения астрагана, из которого получают камедь – *С.Д.*); северные провинции Ирана; туркмены-омуды (здесь и далее разрядка наша – *С.Д.*) в Иране; туркмены-гоклёны в Иране; туркменские всадники на персидской службе; иранские меры; список использованной литературы. Когда данный «Обзор» был готов, его краткий вариант был передан Курбану Перманову²⁸.

Интересно, что до подготовки краткого обзора Ирана по поручению того же председателя СНК ТССР А. Худайбергено-

28 Курбан Перманов – советский хозяйственный, государственный и политический деятель. Занимал разные партийные посты, в том числе являлся секретарем ЦК КП (б) Туркменистана по пропаганде и агитации, 2-м секретарем ЦК КП (б) Туркменистана, председателем Верховного Совета Туркменской ССР – *Прим. ред.*

ва Г. И. Карпов, не отмечая на этот раз, в течении скольких дней готовил, 30 августа 1941 г. передал лично заказчику подготовленный им «Краткий обзор Афганистана» (РФ ЦНБ АНТ, Р-85). «Обзор» составлен на аналогичного рода источниковедческой базе и примерно в таком же аспекте, как и «Краткий обзор Ирана». В нем имеется десять основных и один дополнительный раздел. Среди них, в частности, такие как: страна, население, социальный состав афганского общества; государственный строй, армия, промышленность, сельское хозяйство, печать и др. разделы.

В следующем, 1942 г., уже зная, очевидно, о предстоящей экспедиции в Иран, Г. И. Карпов сосредотачивается на вопросе о народонаселении этой страны. Помимо подготовки ретроспективных данных об этом, извлеченных из вышеупомянутых МИГТ, относящихся к XVI – XIX вв., им в сентябре 1942 г. с грифом «Для служебного пользования» подготовлен «Список народностей Ирана (по литературным данным 1882–1939 гг.)» (РФ ЦНБ АНТ, Р-33) объемом 20 листов. К нему была приложена карта Ирана, выполненная Г. И. Карповым по работе Н. К. Корсун (1923).

Конечно, особо важным моментом в исследованиях Георгия Ивановича по Ирану явилось его активное живое участие в работе экспедиции 1942–1943 гг., начальным и конечным пунктом одиннадцати маршрутов которой на иранской территории стал город Горган. Результатом этой экспедиции Спецгео, преследовавшей основной целью составление спецкарт Северного Ирана, для Карпова явились пять пухлых тетрадей карандашных записей, которые он делал в пути. Записи эти порой сопровождались рисунками – простыми, но дающими зрительное изображение описываемого.

Карпову не были чужды никакие человеческие эмоции, ценил он и юмор, который, видимо, не раз помогал ему преодолевать житейские невзгоды. Поэтому помимо множества скрупулезно отмечаемых им историко-археологических, этнографических и экономическо-географических деталей и наблюдений в пятой тетради полевых записей, например,

мы можем встретить и шутивную реплику, брошенную его спутником, геологом и географом М. П. Петровым, об осле и человеке, и зарисовку сценки в традиционной персидской бане в селении Али-Абад, где, судя по подписи, искусный банщик-массажист обрабатывает Петрова, а на переднем плане такой же участии ждет Карпов.

Не могла оставить его равнодушным и красота окружающей природы в некоторых местах маршрутов, сочетающаяся с богатством памятников прошлого. Так, в январе 1943 г., проходя в сторону города Амоль узким живописным ущельем вдоль речки Хараз, он пишет в своем дневнике: «Надо отметить, что из всех маршрутов, пройденных нами, мы не встречали более интересных мест, чем те, что увидели на речке Хараз. Здесь объем для научных исследований весьма значителен и исключительно интересен во многих отношениях (историческом, археологическом, этнографическом, особенно экологическом и др.)» (РФ ЦНБ АНТ, Р-278. Северный Иран, V, л. 1).

Одно из главных качеств, необходимых этнографу, – умение общаться с людьми, которым вполне обладал Г. И. Карпов, как нельзя кстати пригодились ему во время иранской экспедиции. Ведь, судя по дневниковым записям, беседы завязывались в самых различных местах (в селениях, на постоянных дворах, в чайханах и т. д.), с людьми самых различных профессий и социального положения (крестьянами, чайханщиками, хозяевами караван-сарая, солдатами и др.). К этому следует добавить энергию Георгия Ивановича, усиливаемую тем душевным подъемом, который он испытал во время поездки. В качестве подтверждения этого можно привести лишь один пример: в самом начале экспедиции, изучая провинцию Горган, всего за девять дней, с 28 октября по 5 ноября 1942 г. он сумел побывать в 14 ее селениях – Бендер-Шах, Пехлеви-Дешт, Омчалы, Карги, Кюмиш-Тепе, Беш-Юсха, Салак, Ходжа-Нефес, Рахмет-Абад, Барафтан, Абас-Абад, Мамед-Абад, Гюли-Абад и Гарух.

Третий этап иранских исследований Г. И. Карпова относится к периоду после его возвращения из экспедиции в Ашхабад

20 февраля 1943 г. В течение менее трех месяцев по прибытии на родину он подготавливает не только подробный, обстоятельный отчет о результатах исследований, но и некоторые сводные труды, связанные с Ираном. Так, изложив на 97 страницах машинописи ход и результаты одиннадцати основных маршрутов экспедиции (РФ ЦНБ АНТ, Р-45, Л. 1–97), он тут же в качестве приложения дает «Краткое описание Горганского Астана²⁹» (Там же, л. 98–121), а также «Перечень названий крупнейших населенных пунктов» (л. 122–128) и «Сведения о породах крупного рогатого скота» (л. 129–130). Вся эта работа была закончена, судя по датированной подписи Карпова, сделанной им после каждой части, 19 мая 1943 г.

В то же время на базе материалов экспедиции 1942–1943 гг. и дополнительных сведений, почерпнутых из более чем 50-ти литературных источников, в основном XIX–XX вв., Георгием Ивановичем был подготовлен новый вариант его труда «Список народностей Ирана», который по сравнению с подготовленным им ранее, в три раза больше (РФ ЦНБ АНТ, Р-11, л. 1–60). К этому «Списку» в качестве приложения давался материал Д. В. Башкирова «Народности Ирана по данным Полной Географии Ирана» (РФ ЦНБ АНТ, Р-11, Л. 61–101), для чего последним был сделан перевод с персидского соответствующих мест этого издания, опубликованного в самом Иране. Как отмечает в кратком предисловии к своему «Списку» Карпов, материал Башкирова не использован в его работе, так как был представлен после ее завершения. Поэтому и возникло решение дать его в виде приложения, а в качестве авторов-составителей назвать обе фамилии. Официальной датой завершения своей работы составителями указано 1 июня 1943 г.

С позиций нашего времени хочется отметить одну деталь в предисловии Карпова к своей работе. Обосновывая важность изучения Ирана и отмечая, в частности, отсут-

²⁹ Астан (остан) – иранское название провинции. В основу этого «Описания» легли, прежде всего, полевые материалы, собранные Г. И. Карповым в этой провинции во время самого первого, не включенного официально в основную часть, маршрута.

ствие работ по демографии и этнографии этой сопредельной страны, он говорит о богатстве ее экономических ресурсов, которые, как подчеркивает Георгий Иванович, могут сделать «немалый вклад в развитие событий в пользу СССР и Ирана... при правильных взаимоотношениях (равноправности)» (РФ ЦНБ АНТ, Р-11, л. 3; разрядка моя – С.Д.) между нашими странами. В этом подчеркивании, сделанном еще в 1943 г., когда советские войска, по сути дела, занимали весь Северный Иран (как английские – Южный), еще раз проявляется натура Г.И. Карпова, его приверженность честности и справедливости.

К сожалению, материалы по Ирану, подготовленные Георгием Ивановичем в годы войны, имели, как правило, гриф «Для служебного пользования» (хотя и в то время не содержали практически никаких секретов) и, представляя немалый научный интерес, до сих пор ждут своей публикации. Только уже после окончания войны небольшая часть этих материалов стала достоянием научной общественности, будучи опубликована в «Известиях ТФ АН СССР» (Карпов, 1945а).

К 1944 г. после Тегеранской конференции интерес руководства страны к нашему южному соседу упал. Г.И. Карпов сделал все, что мог, особой необходимости в нем, как в 1941–1942 гг., уже не было. К тому же уже шла планомерная «коренизация» руководства наукой в республике. Поэтому в апреле 1944 г. происходит новая перестановка: заместителем председателя Президиума ТФ АН становится Х. Байлиев, а его место директора Института истории, языка и литературы занимает защитивший, как и Карпов, кандидатскую диссертацию в 1942 г. П. Азимов (Атанязов, 1984. С. 20). Георгий Иванович же продолжает работу в должности заведующего отделом истории этого института. Однако, как гласит народная мудрость, нет худа без добра: уйдя с высокого ответственного поста на непосредственную живую работу, Г.И. Карпов получил значительно большие возможности для непосредственной реализации своих научных планов.

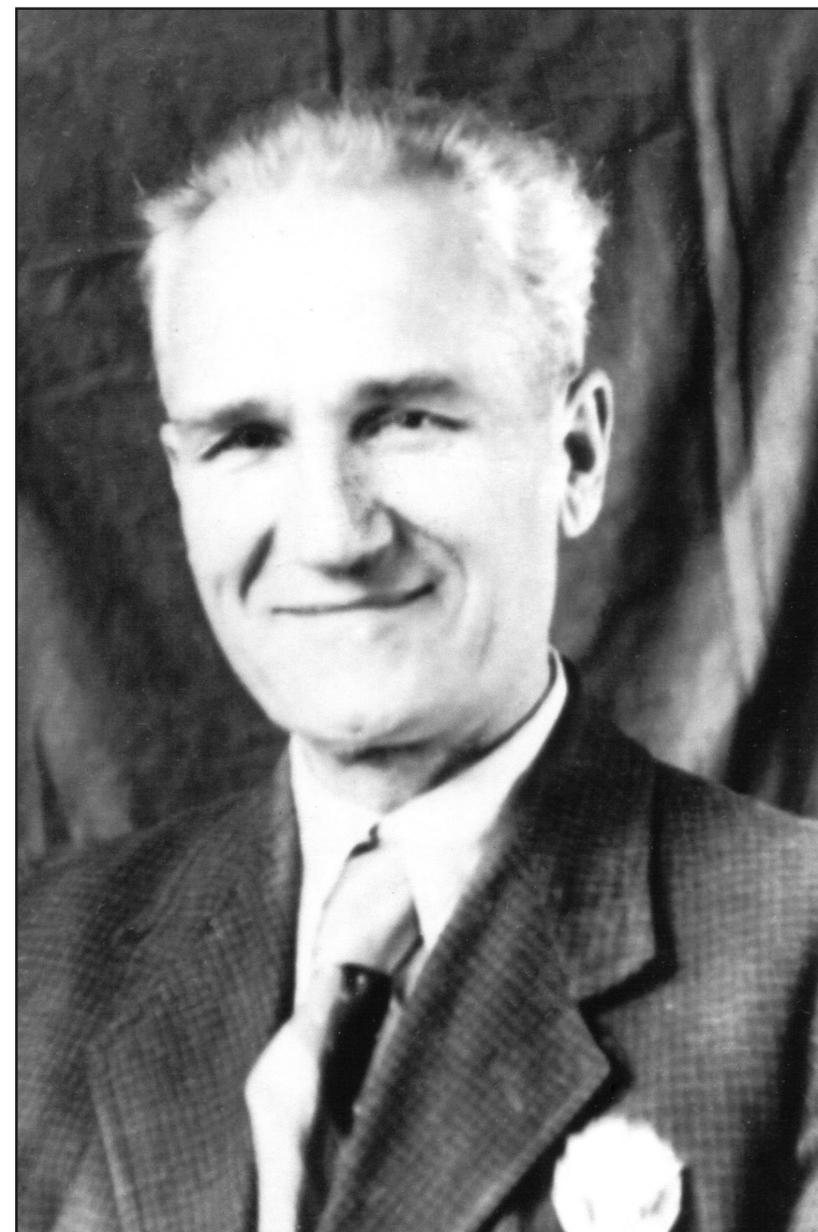

Фото 17. Г.И. Карпов. Середина 1940-х годов

Это хорошо видно хотя бы на примере публикаций. Если, например, в 1944 г. у него вышло две статьи в «Известиях ТФ АН СССР» (Карпов, 1944, 1944а), а также, как своего рода отклик на военные обстоятельства, был подготовлен один оригинальный материал (Карпов, РФ ЦНБ АНТ, Р-126), то уже в следующем, 1945-м, были изданы брошюра (Карпов, 1945а), монография (Карпов, Школьников, 1945) и четыре статьи (Карпов, 1945, 1945б; Карпов, Башкиров, 1945). Кроме того, были подготовлены три материала (РФ ЦНБ АНТ, Р-46; Р-189 и Р-14; Карпов, 1947). Помимо этого, Георгий Иванович выступил и в роли редактора фольклорно-литературного издания (Рассказы попугая, 1945). Правда, в 1946 г., в связи с заболеванием Карпова, подъем этот падает. Тем не менее, выходит под его редакцией весьма важное издание – первый том документов «Россия и Туркмения в XIX в.», статьи по этнической истории туркмен (Карпов, 1946) и анализу этнографической работы в Туркменистане в целом (Карпов, 1946а).

Работы Георгия Ивановича, опубликованные и подготовленные к публикации в последний период, значительно дополнили общий список его трудов. Время от времени он сам составлял подобного рода перечень, который неизменно рос. Так, если на 19 мая 1935 г. у него значилось «трудов, специальной и популярной литературы, изданной и подготовленной к печати» в период 1925–1935 гг., 62 названия, не считая двадцати докладов, с которыми он время от времени выступал (РФ ЦНБ АНТ, Р-39), то на 7 сентября 1942 г. (за семь лет), список этот вырос до числа 95: 58 публикаций и 37 работ, подготовленных к печати, включая и диссертационное исследование «Этнический состав туркмен» объемом 7 печатных листов (Там же, Р-208, Л. 103).

Таким размахом и широким диапазоном тем исследований редко кто мог похвастаться и среди высоко-титулованных ученых центральных научных учреждений. Впрочем Г.И. Карпов награжденный, помимо ордена Трудового Красного Знамени Туркменской Республики, орденом Знак Почета, а также медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой От-

ечественной войне», почетными грамотами Президиума Верховного Совета ТССР, уже удостоился за свои труды более высокого титула: в 1944 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Туркменской ССР. Заслуженного перед народом, перед исторической и этнографической наукой республики. А что касается всяких официальных моментов, то доктор исторических наук, известный советский этнограф Марк Осипович Косвен в своих телеграммах Г.И. Карпову, посланных 7 мая и 6 июня 1945 г. с просьбой ускорить высылку статьи для БСЭ, обращался к нему так: «Доктору института истории Георгию Ивановичу Карпову» (Там же, Р-224). Однако время безжалостно и неумолимо двигалось вперед, принося не только житейские и творческие радости и успехи, но и нечто им противоположное.

Многочисленные невзгоды и переживания на творческом и семейном пути Георгия Ивановича не могли, конечно, пройти бесследно – резко ухудшилось здоровье. Помимо всего иного, вскоре после возвращения Ольги Николаевны в конце 1945 г. из Киева в Ашхабад, не смиряясь с новым появлением мачехи рядом с отцом, шестнадцатилетний Владимир, поддавшись юношескому максимализму, ушел из дому, попал в не очень хорошую компанию сверстников, а потом и взрослых людей и провел почти половину из отпущенного ему жизнью срока (умер в Ейске в 1988 г.) в местах не столь отдаленных. Поиски отца и старших братьев результатов, к сожалению, не дали, потому что, как сам рассказал сестре, Лидии Георгиевне, впервые появившись из безвестия и приехав в Ашхабад повидаться с нею в конце 1960-х гг., он, чтобы его не смогли разыскать, даже назвался другой фамилией – Корешков. Этот удар еще более усугубил состояние Карпова.

Сначала ему ставили диагноз гипертония, что после всего пережитого могло быть вполне реально. Правда, Лидия Георгиевна говорит, что данный диагноз был неверен, так как отец практически никогда на повышение давления не жаловался. В 1946 г. врачи нашли у него более серьезный недуг – рак пищевода, причиной чего, судя по медицинской практике, также нередко бывают длительные потрясения нервной системы.

Но, несмотря на болезнь, Г. И. Карпов продолжал вести активную научную работу³⁰, о чем свидетельствует целый ряд опубликованных и сданных для публикации материалов. Лишь в последний период, в конце 1946 – начале 1947 гг. он трудился дома, куда к нему приходили его сотрудники и просто знакомые. Принимал их Георгий Иванович обычно в небольшой однокомнатной пристройке к той части дома, где с 1939 г. жили Карповы. Пристройку сделал ТФ АН, когда Георгий Иванович привез из детдома четверых своих детей и условия для хотя бы более или менее нормальной работы и отдыха резко ухудшились. Конечно, как директор института, а затем заместитель председателя Президиума ТФ АН, Карпов вполне мог бы рассчитывать на более просторный вариант жилища, но, как человек исключительно скромный, он удовлетворился и таким компромиссом. Уезжая в 1944 г. в Киев, Ольга Николаевна продала часть их жилья, и теперь пристройка служила Георгию Ивановичу и рабочим кабинетом, где у него стояли книги и лежали рукописные материалы, и нередко комнатой отдыха.

В конце марта 1947 г., когда случилось несчастье, рядом с ним не было никого из его детей. Виктор работал госавтоинспектором в Ургенче. Туда, к нему, в 1946 г. приехала демобилизовавшаяся в конце 1945 г. из армии и вернувшаяся в Ашхабад Лидия. Там же тогда она и вышла замуж за фронтового друга своего брата Евгения Чернова. Другой сын, Георгий, служил на Урале, Владимир был в бегах, а Борис и Розалия, будучи в конфликте с мачехой, перешли на жительство в общежитие. Поэтому свидетельницами последних минут жизни Георгия Ивановича были лишь племянница Ольги Николаевны, дочь ее брата, Нина и жена брата, мать Нины, Наталья. Они по-прежнему жили рядом и в этот вечер готовили что-то в кухоньке, стоявшей отдельно напротив пристройки-кабинета Карпова.

³⁰ Последним по времени из обнаруженных нами материалов, датированных самим Г. И. Карповым, является черновая рукопись его статьи «К вопросу об экзогамии и эндогамии у туркмен». Над ней он, судя по двум вставкам, работал еще в августе и сентябре 1945 г. и теперь, всего за два месяца до кончины, так как указана дата – 25.1.1947 г.

Об этих минутах Нина, тогда студентка мединститута, рассказала Лидии Георгиевне лишь через двадцать лет, перед своей кончиной в 1967 г. Вечером 31 марта на порог кабинета вышел Георгий Иванович, выглядевший внешне не хуже, чем в предыдущие дни, вполне нормально и, обменялся с нею несколькими фразами, причем в разговоре на здоровье не жаловался. Вдруг, как бы обращаясь к самому себе или к кому-то третьему, невидимому собеседнику, с горечью сказал: «Вот и жизнь прошла, а хорошего довелось видеть не много». В это время из пристройки послышался голос Ольги Николаевны, которая позвала его ужинать, так как пищу он ел, хотя и мягкую.

Через некоторое время мимо кухни куда-то торопливо прошла Ольга Николаевна. В кабинете у Карпова горел свет и женщины заглянули в освещенное окно. То, что они увидели, привело их в ужас: Георгий Иванович полз по ковру, стараясь пробраться к двери. Когда они его подняли, он лишь сказал: «Меня отравили. Нужно промыть желудок». Из рта шла пена. Вскоре он потерял сознание и когда Ольга Николаевна вернулась с подругой-врачом, за которой она, оказывается, и спешила, та констатировала смерть и дала справку об этом. Это произошло в восемь или девять часов вечера 31 марта 1947 г. Скорую помощь не вызывали, вскрытие не производили. И когда прилетевшие через день, 2 апреля, из Ургенча на похороны отца Виктор и Лидия спросили у мачехи об этом, та ответила: «Зачем? Вы же знаете, что у него был рак желудка».

Все эти моменты на фоне той конфронтации, которая все годы, начиная с детства, была между детьми Георгия Ивановича и мачехой, не пожелавшей, видимо, найти пути к установлению добрых отношений с ними, и породили у них версию об отравлении отца. Не думается, однако, что это могло иметь место в действительности. Вряд ли кто хотел скорейшего ухода Карпова из жизни. А если таковые и были (в данном случае высказывается подозрение относительно Ольги Николаевны), то они не могли не знать, что при подобной болезни печальный конец наступает довольно быстро, и нет особой необходимости его ускорять, прибегая к такому ужасному и строго наказуемому деянию как отравле-

ние. Вполне возможно, что усилившаяся душевная депрессия, о чем говорят его слова, слышанные Ниной, и какой-нибудь дискомфорт, связанный с пищей, которую съел Георгий Иванович за ужином, а к тому же и какая-либо неосторожная реплика Ольги Николаевны, особенно остро, как и у других тяжело больных, воспринятая им, спровоцировали стресс, резко ухудшилось состояние. Если бы квалифицированная медицинская помощь была оказана максимально быстро, может быть и удалось бы на некоторое время отсрочить печальный исход. Но этого, к сожалению, не произошло, да и трудно было бы в таких условиях первых послевоенных лет надеяться на такую оперативность.

В похоронах Георгия Ивановича из близких ему людей кроме Ольги Николаевны участвовали дети – Виктор, Лидия, Розалия, а также двоюродный брат по линии матери – Петр Тихонов. Георгий смог приехать с Урала уже после похорон отца и, не будучи принят мачехой, которая готовила к продаже оставшуюся часть дома и имущества, что вскоре и сделала, затем уехав опять на родину предков – в Киев, ютился у кого-то из знакомых. Второго апреля состоялось прощание с Г.И. Карповым, которое проходило в конференц-зале ТФ АН, где на постаменте был выставлен гроб с телом покойного.

Гроб с телом Г. И. Карпова на постаменте в конференц-зале ТФ АН СССР.

По горькой иронии судьбы над постаментом оказался висящий на стене большой ковровый портрет И. В. Сталина – того самого «отца народов», который сформировал систему, где людям, подобным Георгию Ивановичу, жить и творить было очень нелегко, а порой и невозможно.

Лидия Георгиевна успела к моменту, когда гроб уже снимали с постамента. Сопровождаемые двумя духовыми оркестрами до улицы Гоголя коллеги и товарищи несли его на руках, затем поставили на открытую машину, а люди шли сзади. Похороны состоялись на городском, ныне закрытом, кладбище за железной дорогой. У могилы был митинг. Но кто говорил и вообще присутствовал на похоронах, убитая горем Лидия Георгиевна не запомнила. Поминок не устраивали. Розалии, как самой младшей и неустроенной из детей Карпова, правительство республики выделило 3000 руб., что по ценам того времени были не бог весть какие деньги. Решено было также выделить средства и на памятник Георгию Ивановичу, но реализация этого решения надолго затянулась, а в следующем, 1948 г. произошло разрушительнейшее ашхабадское землетрясение и было уже не до памятников. Позднее об этом больше не вспоминали, как, практически, не вспоминали на официальном уровне о Г.И. Карпове вообще. Через полгода рядом с отцом лег и его второй сын – Борис. На совместной могиле отца и брата Георгий и Лидия сами сделали простую кирпично-цементную выкладку и поставили металлический стержень с пятиконечной звездой – скромный символ наших воинов.

Утром 2 апреля 1947 г. в республиканских газетах были напечатаны некрологи и соболезнования в связи с кончиной Г. И. Карпова. «Туркменская искра», в частности, дала фото Георгия Ивановича – улыбающегося, с зачесом назад, в пиджаке, широком галстуке и с неизменным орденом на левой стороне груди – характеризуя его как человека «отдавшего все свои силы на благо нашей Родины, на процветание Советского Туркменистана», как «крупнейшего специалиста в области истории, этнографии, фольклора», который «свою научную работу сочетал с работой по воспитанию и подготовке национальных научных кадров»

А. Г. Чернова (Карпова), сидящая у могилы отца. 1954 г.

(Туркменская искра. 1947. 2 апреля). Среди подписавших некролог первыми стоят фамилии М. М. Фонины и некоторых других членов Бюро ЦК КП/б/Т, которые отстраняли своим решением в июле 1941 г. Г. И. Карпова от руководства исторической наукой в республике. Затем следуют фамилии ученых, среди которых, в частности, академик Д. В. Наливкин, Т. Бердыев, М. П. Петров, Б. А. Каррыев и др. В том же номере «Туркменской искры» напечатаны соболезнования от руководства ТФ АН, Ашхабадского горкома КП/б/Т и Ашхабадского педагогического института.

Не зря считается, что человек до конца не умирает вместе со своей физической кончиной. Он жив, пока о нем помнят знавшие его люди, а если это личность выдающаяся, то пока живы его дела, научные труды, сочинения. У Г. И. Карпова, к сожалению, не осталось сыновей, нет и внуков (у Виктора, Лидии и Розалии лишь дочери; у Бориса, Владимира и Георгия наследников не было). И фамилия его по нисходящей прямой прекратилась. К сожалению, в июле 2006 г., Лидия Георгиевна тоже ушла из жизни. За тридцать лет, которые ждала выхода в свет эта книга, практически не осталось в живых тех, кто знал и помнил еще Георгия Ивановича. Но главное – живы его труды, к которым еще долго будут обращаться в своих исследованиях ученые и все те, кто всерьез интересуется историей, этнографией и культурой Туркменистана.

Причем некоторые из работ Г. И. Карпова, как это и бывает, когда смертный час приходит к человеку творческому, будучи подготовлены ранее, выходили и после ухода из жизни их автора. Так, в третьем, майско-июньском номере журнала «Советская этнография» за 1947 г. появилась статья Георгия Ивановича по истории туркменского племени алиэли (Карпов, 1947а). Еще через год вышел составленный им совместно с Ш. Батыровым максимально полный на тот момент «Русско-туркменский словарь» (1948), который упоминался выше. Фамилии Г. И. Карпова и Х. Байлиева были, к сожалению, уже в траурных рамках. И Лидии Георгиевне, спустя много лет, было весьма приятно вдруг услышать от соседа по лестничной площадке в Ашхабаде, заслуженного работника сельского хозяйства Темри Бабаджанова,

сказанные им слова: «Знаете, а я ведь в свое время ехал учиться в московский институт со словарем Вашего отца, который мне здорово помог при познании русского языка».

х х х

В беседе с автором этой монографии академик АН ТССР Пигам Азимович Азимов, которому в начале 40-х гг. более трех лет довелось работать вместе с Георгием Ивановичем в Президиуме ТФ АН ТССР, вспоминая те далекие годы, так охарактеризовал Г.И. Карпова: «Это был замечательный человек, воплотивший в себе все лучшие черты русского народа – интернационализм, доброту, стремление помочь людям, скромность, простоту, честность и добросовестность в работе»³¹.

В унисон с П.А. Азимовым звучат и слова одной из наиболее активных исследовательниц вопросов этнографии туркмен послевоенного периода доктора исторических наук Галины Петровны Васильевой, которой в 1945 г., когда она молодой аспиранткой впервые приехала в Ашхабад, Г.И. Карпов посоветовал выбрать объектом исследования малоизученное горное племя нохурли. Он дал ей несколько полезных советов – с чего начать знакомство с нохурлинцами, к кому лучше всего обратиться при сборе материала по их истории и легенд о происхождении, назвал несколько имен почетных аксакалов. «Мне были очень полезны его советы. В 1946 г. я опять виделась с Ашхабаде с Георгием Ивановичем, и он подробно расспрашивал меня как идут мои дела. Память о нем осталась очень светлая: он был очень душевным, благожелательным человеком!» (Из письма Г.П. Васильевой автору данной монографии от 11 мая 2001 г.).

Такими словами и хотелось бы завершить краткое исследование жизненного пути этого неординарного человека и ученого, научный облик которого в значительной степени характеризуют его исследования и труды.

³¹ Беседа состоялась в июне 1991 г. Пигам Азимович горячо поддержал идею создания книги о Г.И. Карпове и издания сборника его работ и материалов.

Глава II

Научное наследие Г.И. Карпова

Как мы уже видели в предыдущей главе, научное наследие Г.И. Карпова, отражающее широкий диапазон его интересов, весьма многогранно. Поэтому, чтобы, по возможности, четче представить эти грани, его публикации и материалы можно, на наш взгляд, свести к следующим направлениям и темам: работы общего плана, связанные с Туркменистаном; история Туркменистана дореволюционного периода; история Туркменистана советского периода (Октябрьская революция и гражданская война; басмачество; социалистическое строительство; Великая Отечественная война; история компартии и комсомола республики); этническая история туркмен и их родоплеменная структура; туркмены за пределами ТССР; различные вопросы этнографии туркмен; туркменский фольклор, литература и язык; народы за пределами Туркменистана (территория СССР; зарубежные страны) и прочее.

Конечно, такое разделение в известной степени условно, ибо в ряде работ так или иначе затрагиваются и вопросы некоторых других тем. Последовательность в перечислении вышеназванных направлений и тем относительно научного наследия Георгия Ивановича также условна, ибо исходит лишь из общей логики выстроенности, как мы ее понимаем. В то же время, скажем, такое направление как этническая история туркмен и их родоплеменная структура на протяжении всего периода пребывания Г.И. Карпова в Туркменистане являлось своего рода лейтмотивом его научного творчества. Но, если судить лишь по вышедшим публикациям, оно ни по общему объему, ни по охвату тематики направления не может претендовать на первое место, так как большинство работ этого плана остались неопубликованными. Такая же судьба, увы, постигла в силу ряда причин целиком

или в большей степени и некоторые иные темы в научном наследии Георгия Ивановича – например, темы Афганистана, Турции и, особенно, Ирана, которой он уделил много времени.

Делая маленькое вступление к данной главе, следует упомянуть еще о двух моментах: как подписывал свои публикации Г.И. Карпов, и с кем он сотрудничал в плане соавторства. Насколько нам известно, Георгий Иванович подписывал свои работы полной фамилией и одним или двумя инициалами, отвергая довольно распространенную в 1920-х – 1930-х гг. манеру прятать от читателя фамилию автора за ее начальной буквой или путем сокращения до начальной буквы и окончания.

Хотя следует упомянуть, что и у Карпова был литературный псевдоним, который он, правда, использовал довольно редко, – Хошгельды Бахтияров. Трудно точно сказать, с чем связано возникновение именно такого литературного псевдонима. Возможно, с тем зарядом здорового оптимизма, который заключен в этом имени и приездом самого Карпова на работу в Туркменистан: Хошгельды – досл., «Добро пожаловать!», а Бахтияр – досл., «счастливый». Насколько удалось нам установить, впервые этот псевдоним был применен Г.И. Карповым в публикации «Итоги борьбы с бандитизмом», вышедшей в «Туркменской искре» 17 января 1926 г. Думается, что использование псевдонима под материалом такого рода, где назывались конкретные данные и лица, было вполне оправдано. Ведь в это время Георгий Иванович работал зам. наркома внутренних дел ТССР, и опасность мести ему со стороны уголовных элементов могла значительно возрасти, тем более, если учесть, что ездил он по самым глухим районам часто практически без охраны (вспомним вышеописанный инцидент, произошедший в том же 1926 г. под Сакармом).

В ряде случаев (в публикациях и рукописях) хотя тоже довольно редко, мы видим сочетание фамилии Г.И. Карпова с иной фамилией. Это обычно бывало тогда, когда он затрагивал тему, где его соавтор по своей специализации и компетентности мог внести реальную лепту. Поэтому среди соавторов Георгия Ивановича встречаем географа Е. Школьникова,

экономистов Д. М. Батцера и Л. Карбанова, ираниста Д. В. Башкирова, фольклориста Н. Ф. Лебедева, историка В. Г. Мошкову, археолога и историка П. В. Арбекова, филолога А. Ахундова, историка Ш. Батырова.

Среди публикаций Г.И. Карпова 1920-х – 1940-х годов нет внешне солидных, пухлых фолиантов. Помимо значительного числа статей в научных и популярных периодических изданиях ряд его монографических работ представляет собой небольшие и неброские книги. Причиной этого, думается, являются не только скромные возможности полиграфии того времени, но прежде всего диктовавшаяся темпами самой жизни и перемен, происходивших в ней, а также отсутствием научной разработки многих важных вопросов оперативность, которая не позволяла, как в более поздний период, целыми пятилетиями заниматься одной и той же темой, делая ее сначала кандидатской, а затем докторской диссертацией и т. п.

С этим довольно тесно связана и такая важная сторона исследований как язык. Оперативность органически предполагает использование более простого, доступного языка. Язык работ Г.И. Карпова и является таким – простым и доступным широкому читателю. Причем ему в этом плане удалось счастливо избежать двух крайностей – туманности наукообразности, которая чаще всего свидетельствует или о недостаточной компетентности автора в данном вопросе, или о слепом подражательстве, а с другой стороны – партийно-аппаратной забюрократизированности языка. В этом, очевидно, сыграли свою положительную роль работы такого корифея отечественного востоковедения, создавшего в конце 1920-х гг. первый очерк истории Туркменистана, как В. В. Бартольд, контакты с известными востоковедами и историками А. А. Семеновым, А. Н. Самойловичем, А. Ю. Якубовским и др. Хотя, конечно, определенные недочеты и в языке, и в самостоятельной разработке источниковедческой базы, и в иных аспектах имели место у Георгия Ивановича на протяжении всего периода его научной деятельности.

Работы о Туркменистане общего плана.

Некоторые из работ Г.И. Карпова о Туркменистане носят общий характер, касаясь как дореволюционного, так и послеоктябрьского периодов. Поэтому нам представляется логичным выделить их в отдельный небольшой раздел, перейдя затем к работам и материалам Георгия Ивановича, имеющим в данном аспекте более или менее четкую хронологическую дифференциацию.

К работам общего плана можно отнести прежде всего три следующих монографии Г.И. Карпова: «Очерки по истории Туркмении и туркменского народа» (1940), «Прошлое и настоящее туркменского народа» (Курбанов, Карпов, 1942) и «Туркменская ССР» (Карпов, Школьников, 1945). Как видим, все они подготовлены в зрелый период научной деятельности Георгия Ивановича и являются своего рода плодом его исследований данного региона.

По своему характеру названные публикации предназначены не только для ученых, но и для самого широкого читателя, интересующегося историей Туркменистана и различными сторонами жизни народов, его населяющих. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что первая из работ (Карпов, 1940) была первоначально напечатана в нескольких номерах газеты «Комсомолец Туркменистана» за октябрь-ноябрь 1939 г. в связи с 15-летним юбилеем Туркменской ССР.

В книжке, изданной пятитысячным тиражом, кратко прослеживаются основные вехи древней и средневековой истории региона, начиная с конца V тыс. до н.э. Интересно, что, говоря о завоевании Туркменистана арабами в 7–8 вв. н.э., Г.И. Карпов дает ему дифференцированную оценку, отмечая как отрицательные, так и положительные стороны (Карпов, 1940. С. 7–8). Высказывает и свое мнение относительно появления знаменитых ахалтекинской и йомудской пород коней примерно в XVI–XVIII вв. как потомков известных ранее пород, принадлежавших проживавшему в районах Бонжнурда и Шапуна (Иран) туркменскому племени баят, остатки которого ныне расселяются в Бурдалыкском районе на Амударье (Там же. С. 15).

Подробнее останавливается автор на событиях середины XIX в., непосредственно предшествовавших завоеванию Туркмении царской Россией, самому завоеванию и так называемому колониальному периоду. Здесь, правда, правильно отмечая экономический фактор как главный в завоевании, он несколько односторонен, приводя в основном лишь отрицательные примеры и суждения. В этом, очевидно, сказались порочные стороны общей методологии отечественной исторической науки послеоктябрьского периода, когда в угоду руководству вся дореволюционная деятельность изображалась со знаком минус. В отношении Туркменистана того периода следует сказать, что присоединение его к Российской империи, помимо отрицательных, имело для него и целый ряд не только отдаленно-объективных, но и конкретно-субъективных важных положительных моментов: прекращение кровавых междоусобиц между туркменскими племенами, грабительских набегов правителей соседних феодальных государств, аламанства и связанного с ним рабства, кровной мести и т.д.

А некоторые моменты вызывают остающиеся без ответа вопросы. Так, например, не объяснено, почему на большом совете-маслахате незадолго до Геоктепинского сражения предложение таких людей из числа руководителей как Ханмамед-аталык и Оразмамед-хан относительно мирных переговоров с генералом Скобелевым было не только отвергнуто, но и чуть не привело к расправе над ними (Там же. С. 20). В то же время убедительно, с нашей точки зрения, анализируются тактические ошибки текинцев, оттолкнувшие их соседей – гоклен и йомудов – от активной совместной борьбы вместе с ними против экспансии царизма (Там же. С. 19).

Далее в монографии говорится о событиях, происходивших в Закаспии в период революции 1917 г. и последовавшей за нею гражданской войны, а также связанных с построением советской и национальной государственности в Туркменистане в 1920-х – 1930-х гг., с экономическим и культурным развитием Туркменской ССР в этот период.

В качестве приложения к работе дается список «Литература и материалы, использованные автором», в котором приводится

несколько десятков дореволюционных и советских изданий (Там же. С.55–57).

Вторая из вышеназванных монографий, подготовленная Георгием Ивановичем совместно с экономистом Л. Курбановым, самым своим названием как бы говорит о сопоставлении двух эпох – дореволюционной и послеоктябрьской (Курбанов, Карпов, 1942). Издание иллюстрировано девятью фотоснимками, связанными с различными реалиями жизни республики 1930-х – начала 1940-х гг. Изданное летом 1942 г. оно, естественно, несло на себе в определенной степени отблеск военных событий. Поэтому последний из десяти разделов книги так и называется – «Победа будет за нами!»

Первый раздел публикации знакомит читателя с образованием и административно-территориальным делением ТССР. Во втором, «Как жил туркменский народ до Великой Октябрьской социалистической революции», кратко рассказывается о социально-экономических условиях жизни туркменских племен в прошлом, их взаимоотношениях с правителями соседних феодальных государств, в зависимости от которых находилась большая часть туркмен, Хивой, Бухарой и Ираном. В нескольких фразах говорится о старых традициях обработки земли, лечении больных, а также, более подробно, тех социальных группах и социальном неравенстве, которые существовали в туркменском обществе до революции.

Следующие разделы посвящены соответственно: развитию социалистического земледелия ТССР; становлению социалистической промышленности Туркмении; народному просвещению, науке и искусству в ТССР; здравоохранению в Туркмении; росту материального благосостояния трудящихся республики; положению женщины в ТССР как полноправного члена советского общества; братству и дружбе между народами СССР.

Следует сказать, что данная публикация, с нашей точки зрения, имеет, с одной стороны, определенное преимущество по сравнению с предыдущей работой, ибо охватывает большой круг вопросов и сторон жизни туркменского общества (прежде всего, хозяйственно-экономических, в чем, очевидно, сказывается-

ся то, что один из соавторов – экономист). Однако, с другой стороны, она проигрывает в плане слишком упрощенного, особенно в некоторых разделах, сопоставления прошлого с современным.

Прошлое носит здесь однозначно отрицательную оценку. «Как туркменский народ жил под властью царя, ханов, эмиров и их чиновников? Очень плохо» – читаем мы во втором разделе (Курбанов, Карпов, 1942. С. 5). Далее идет разъяснение этого тезиса. Однако ничего не говорится о положительных традициях народа, имевших место во всех аспектах его жизни. Естественно, это сделано, чтобы показать еще резче контраст с достижениями в жизни туркменского общества советского периода, однако столь упрощенный метод вряд ли может удовлетворить более вдумчивого читателя.

Думается, что следование в работе подобному методу – вынужденная дань установкам того времени, что подтверждается довольно частым обращением к цитатам и указаниям «любимого вождя» тов. Сталина, в то время, как в предыдущей работе его имя вскользь было упомянуто всего два раза.

Кроме того, вызывают вопросы некоторые конкретные положения в публикации. Так, трудно согласиться с приведенной без указания источника цифрой, что «до революции во всей Туркмении было (лишь – С.Д.) 58 мектебов (школ) и кое-где одиночки-учителя, обучавшие на дому» (Там же. С. 17). Дело в том, что, например, еще в 1899 г. в Закаспийской области, составлявшей только часть Туркменистана, насчитывалось 132 муллы (Обзор Закаспийской области за 1899 г. С. 18), из которых почти каждый выступал и в роли учителя сельской школы-мектепа. В разделе «Растет материальное благосостояние трудящихся Туркмении» говорится лишь о его неуклонном подъеме, хотя длящаяся второй год ужасная разрушительная война не могла не снизить (и значительно!) этот уровень. Работа, судя по многим приведенным примерам, была написана в основном перед самой войной, и связанные с нею коррективы – трудности и страдания людей – удалось или было позволено внести далеко не везде.

Третьей из вышеназванных монографий является написанная также в соавторстве, с географом Е. Школьниковым, работа общего плана – «Туркменская ССР» (1945). Издание иллюстрировано

22 фотоснимками, отображающими различные реалии жизни республики 1930-х – 1940-х годов, а также административной картой ТССР. Оно выгодно отличается от предыдущего. После краткого введения излагается материал книги, разбитый на две примерно одинаковых по объему части, связанные с дореволюционным и советским периодами. К первой можно отнести такие разделы как «Историческое прошлое, территория и народонаселение Туркмении», «Хозяйство и культура Туркмении в дореволюционный период» и «Борьба туркменского народа в союзе с русским народом за свержение царизма и установление советской власти». Ко второй – «Развитие хозяйства и культуры Туркменской ССР за годы советской власти» с тремя подразделами и «Советская Туркмения в дни Великой Отечественной войны». В работе практически нет вообще славословий в честь «вождя народов», хотя сноски на его публикации, как и на работы Ленина, естественно имеются. Зато основной автор, которым был, несомненно, Г.И. Карпов, находит место для того, чтобы интересно поговорить о различных жанрах туркменского фольклора, ибо «Туркмения с древних времен славится богатством и разнообразием народного творчества» (Там же. С. 22). Помимо прочего, он упоминает как о письменных памятниках XIV – XV вв. о религиозных книгах «Муин аль-мурид» и «Ровнакуль-ислам» Там же. С. 23).

Как древнейший памятник туркменской литературы характеризует Г.И. Карпов эпос «Коркуд-Ата», который через семь лет решением ЦК КП/б/Т будет расценен как националистический и вредный в идеологическом отношении и целых 35 лет фактически пролежит в республике под запретом. «Этот богатый эпос состоит из двенадцати циклов сказаний, группирующихся вокруг легендарного старца Горкуда (Коркуда), – пишет Георгий Иванович – В сказаниях отражена борьба туркменского народа против вражеской орды изменников и иноземных захватчиков, по древней традиции мусульман именуемых общим термином – гяуры. В эпосе повествуется о героических подвигах туркменских богатырей, мужчин и женщин» (Там же. С. 23).

Переходя к туркменской классической поэзии, Г.И. Карпов особо характеризует творчество Махтумкули, которое «имеет

глубоко народные корни. Оно оформлялось на базе освоения всей предшествующей культуры туркменского народа, а также братских соседних народов» (Там же. С. 24). Поэтому «он справедливо считается отцом туркменских поэтов-классиков» (там же). Давая им характеристику, высоко оценивает также Г.И. Карпов туркменскую музыку и ковровые изделия, которые свидетельствуют «о высокой художественной одаренности туркменского народа» (Там же). В плане экономики отмечается довольно высокое развитие в дореволюционном Туркменистане торговли, что объясняется прежде всего высокой товарностью хлопководства и скотоводства.

В то же время и в этом издании, как практически и в любом ином, есть, на наш взгляд, отдельные недочеты. Так, сюда перекочевала из предыдущего издания цифра – 58 школ до революции (Там же. С. 47), на чем мы останавливались выше. Далее, соглашаясь со словами о том, что до Октября в Туркмении не было ни одного научно-исследовательского учреждения, вряд ли можно согласиться с высказанной в категорической форме второй частью этой фразы – о том, что здесь не велось никакой научной работы (Там же. С. 48). Ведь научные исследования могут проводиться и без специальных учреждений, что, вообще-то, и делалось (Закаспийский кружок любителей древности, индивидуальные авторы-исследователи, труды 1920-х годов о Туркмении таких известных ученых как В.В. Бартольд, А.Н. Самойлович и др.). Еще. Вряд ли первоначальную победу эсеров в Ашхабаде после Октябрьской революции можно рассматривать лишь как результат их возвращения из царской ссылки 1906–1907 гг., в то время, как осужденные большевики почти все были казнены царскими властями (Там же. С. 28). При желании в данной работе можно было бы обнаружить и иные шероховатости и недочеты. Но в целом, благодаря этому изданию, тиражом в 25 000 экз., широкий всесоюзный читатель получил возможность довольно подробно ознакомиться с прошлым и настоящим одной из наиболее отдаленных союзных республик.

Монографиям о Туркменистане общего плана предшествовали, помимо многих более узких конкретных разработок, и неко-

торые попытки обобщений на уровне статей. К ним, например, можно отнести довольно большую публикацию Г.И. Карпова «Туркмения и туркмены», вышедшую в журнале «Туркменоведение» еще в 1929 (Карпов, 1929).

Статья разбита на три части. В первой очень кратко излагается история Туркменистана в период от владения им ахеменидским царем Дарием (VI в. до н.э.) до присоединения региона царской Россией, а затем через Октябрьскую революцию до установления национальной государственности (1924). Дается развернутая, с таблицами, характеристика населения Туркменской ССР – по полу, плотности расселения в сопоставлении с другими республиками и зарубежными странами, национальному составу и распределению на сельское и городское. Приводятся данные о главных городах и поселках городского типа в республике и количестве их населения.

Больше половины раздела посвящено сложной истории упорядочения административной системы ТССР, объединившей в своих границах три части (Закаспийскую область, некоторые районы бывшего Хивинского ханства и Бухарского эмирата) с совершенно различными административно-территориальными системами. Приводятся сводные таблицы округов и районов, на которые после различных пертурбаций оказалась разделена республика. Подчеркивается, что в ТССР принята трехчленная система административного деления: округ, район, аульное общество (аулсовет, сельсовет). Она опирается на чисто экономические принципы развития хозяйственных и производительных сил и преследует своей целью постепенное изживание наследия прошлого – деления по родоплеменному принципу, что обычно вело к чересполосице, территориально-этническому обособлению и т.д. Однако, как вынужден признать автор, «экономический признак не всегда являлся решающим при проведении тех или иных административных границ»: поэтому «приходилось учитывать влияние племенных и родовых группировок» (Карпов, 1929. С. 37).

Во второй части статьи после очень краткого, в три абзаца, экскурса в историю туркменских родоплеменных образований

перечисляются семь основных по численности племен и ряд второстепенных, а также группируемые автором в три категории – на основе общности бытовых черт, по признакам родственной связи и «показаниям» знатоков из самих этих групп – «отуркменившиеся» народности. Это жившие до прихода основной массы туркмен в Прикопетдагской полосе и стоящие ближе к иранским народам али-или, нухур-али, сунча-али, мурча-али, мехин-али, анн-ули, емр-али (имрали); считающие себя потомками Магомета – махтум, ших, ходжа, ата, сеид, маджеур; частью причисляющие себя к туркменам, а частью к узбекам хидыр-али, нираземли, агар, чандыр, битык, сандукли, меркит, мугол, крач, иракли, ячли.

Далее на базе увязки данных районных и окружных исполкомов и центральных учреждений ТССР с материалами Всесоюзной переписи 1926 г. дается численность семи основных туркменских племен по округам и районам, а также общая численность некоторых из второстепенных племен (например, шести групп потомков Магомета – 30 000 чел.) (Там же. С. 40). Затем приводится сопоставительная таблица названий и состава туркменских племен с XI в. По 20-е гг. XX в., состоящая из пяти колонок: данные Махмуда Кашгарского (XI в.); Рашид-ад-дина (XIV в.); Абуль-Гази (XVII в.); названия, сохранившиеся до настоящего времени; перечень туркменских племен, ныне существующих в ТССР. Таблица сопровождается комментарием.

В третьей части статьи излагаются основные черты характеристики родоплеменной структуры туркмен: в проекции экономической (водопользование), юридической (совет аксакалов; адат и шариат), отношения к выборным лицам (ханам, серданами) и духовенству (ишанам). Отмечается слабое воздействие царской администрации на традиционную систему отношений у туркмен, начало и усиление «брожения умов» и общей нестабильности обстановки в период после революции 1905-го года и, особенно, с началом империалистической войны. Это продолжалось вплоть до 1924 г., до построения национального государственного образования, после чего «наступила полоса хозяйственного и культурного строительства» (Там же. С. 42).

История Туркменистана дореволюционного периода

Помимо общих работ по истории Туркменистана и туркмен, охватывающих и дореволюционный, и советский периоды, ряд публикаций Г.И. Карпова, а значительно больше материалов в его архиве посвящены различным вопросам истории этого региона и его коренного населения в дооктябрьский период – от древнейших времен до 1917 г.

Из публикаций можно отметить вышедшие в первой половине 1930-х годов два монографических исследования, связанных с началом XX в. – написанную в соавторстве с Д.М. Батцером работу о туркменах под властью последних хивинских ханов (Карпов, Батцер, 1930) и монографию об одном из наиболее ярких очагов восстания туркмен 1916 г. – Тедженском уезде (Карпов, 1935). Последней публикации предшествовала вышедшая за три года до этого в журнале «За социалистическую Туркмению» статья Георгия Ивановича, в которой выдвигались основные положения будущей монографии (Карпов, 1932).

Несомненно, крупным явлением в исторической науке республики стало и издание сразу же после войны плода коллективных усилий – сборника документов «Россия и Туркмения в XIX в.» (1946) под редакцией Г.И. Карпова. Сборник этот проложил путь к подготовке в будущем более специализированных в хронологическом отношении собраний документов. Весьма любопытна и подготовленная совместно с А.В. Башкировым статья «Вақф и силах-су (К вопросу об образовании церковных земель в Туркмении)» (Карпов, Башкиров, 1945). Она посвящена исследованию приобретенных этнографической экспедицией Института истории в 1927–1928 гг. в Чарджоуской области документов второй половины XIX – первой четверти XX в. о так называемых дарственных – вакуфных – землях мечетям и другим сакральным местам, а также конкретным представителям мусульманского культа. Исследование это проводится в сопоставлении с силах-су (правильнее – сылаг сув) – тоже формой дарственных паев воды и земли на юге Туркменистана.

В несколько раз больше по данному разделу имеется рукописных материалов из архива Георгия Ивановича. Так, например, лишь по теме статьи о вакфах и силах-су мы обнаружили целых восемь (!) папок с документами – переводами и их исследованиями, помеченных 1937 г., которые, судя по фамилиям на двух из них, предполагали соавторство Г.И. Карпова и А. Ахундова (РФ ЦНБ АНТ, Р-56 и Р-166).

Приведем лишь некоторые из архивных материалов данной рубрики, чтобы иметь какое-то представление о них: «Хозяйственная жизнь Туркмении в IX–XI вв.» (Р-147; 150 л.), «Краткие сведения о Мешхед-и-Мисариане» (Р-79; Р-18; Р-142, 1942 г.), «Материалы к истории древнего Мерва. Город и область» (Р-38; 29 л. – 1939 г.; Р-62; Р-104), «Сельджукское движение в Туркмении в XI в.» (Р-82; 40 л.), «Взаимоотношения царского правительства с туркменами в 1801–1803 гг. Копии документов» (Р-127; 32 л.), «Колониальный период» (Р-122; 33 л.), «О произволе и насилиях туркменских ханов и русской царской администрации» (Р-75; 133 л.), «Переселение хозяйств б.Асхабадского уезда Закаспийской области (с 1891 по 1930 гг.)» (Р-70; 112 л.), «На заре революции» (Р-222; 50 л.)¹, «Забастовка каспийских моряков в марте-апреле 1907 г.» (Р-107; 35 л.), «Документы о революционных событиях в Хиве (1915–1916)» (Р-91, 209 л.), «Материалы по истории хорезмских туркмен» (Р-8; 417 л.) и целый ряд других – всего не менее 35-40 папок. Как видим, тематический и хронологический диапазон интересов Г.И. Карпова в аспекте дореволюционной истории весьма широк.

История Туркменистана советского периода

Октябрьская революция и гражданская война

Тема революции и гражданской войны не могла не вызывать у Георгия Ивановича, активного их участника, особого волнения. Хотя ему самому не довелось непосредственно участвовать в этих событиях здесь, в Туркмении, он довольно хорошо пред-

¹ Материал посвящен началу революционного движения в Закаспии в 1905–1906 гг., прежде всего среди железнодорожных рабочих.

ставлял перипетии тех бурных лет. И не только в связи с тем, что располагал богатыми документами, относящимися к этому периоду, но и потому, что вокруг было еще немало живых свидетелей эпизодов того времени. Однако шли годы, люди уходили из жизни и у Г.И. Карпова все больше зрело стремление записать и обнародовать рассказы-воспоминания хотя бы части из них. Труд, вложенный в осуществление этого благородного намерения, не пропал даром: под его редакцией, хотя и с большой задержкой, но вышел включивший в себя тринадцать материалов сборник воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении (Воспоминания участников... , 1940).

Сам Георгий Иванович тоже вложил свою непосредственную лепту в разработку данной тематики. В том же 1940 г. он издает небольшую книжку под названием «Гражданская война в Туркмении» (Карпов, 1940а), в которой в простой, доходчивой форме рассказывает читателям, особенно родившемуся и выросшему после гражданской войны молодому поколению о тех далеких событиях. Ценным приложением к изданию является карта-схема фронтов гражданской войны в Средней Азии (практически, в Туркмении).

Несмотря на «волнительность» затронутой темы, частных, в виде статей, публикаций Георгия Ивановича мы не знаем, хотя в его архиве и хранится немало собранных им данных: «Документы ревпериода. 1917–1919 гг.» (Р-165; 157 л.), «Материалы к истории возникновения Закаспийского фронта» (Р-138; Ашхабад, 1933; 78 л.), «К истории революции в Бухарском ханстве 1917-1919-1920-1921. Хроника событий» (Р-83; 485 л.) и некоторые другие.

Басмачество

Открытая вооруженная борьба противоборствующих сторон периода революции и гражданской войны, когда более или менее были ясны классовые силы, стоявшие по разные стороны баррикад, отошла в прошлое. В 1920-х – начале 1930-х годов в Средней Азии, в том числе и в Туркменистане, она сменилась воору-

женной, но протекавшей более скрыто, а в классовом отношении гораздо менее четко выраженной борьбой новой власти и ее горячих сторонников с движением сопротивления представителей традиционной светско-духовной власти и поддерживавшей их части сельского населения. Это движение сопротивления, то почти затухавшее, то разгоравшееся с новой силой, получило в истории название басмачества.

В самое последнее время, как и к ряду других традиционных вопросов истории, некоторые наши исследователи начали подходить несколько по-иному, пытаясь глубже разобраться в этом явлении, которое длилось значительно дольше гражданской войны (вплоть до 1932–1933 гг.) и привело к уходу за рубеж десятков тысяч человек, целых родов. Начинают делаться робкие попытки проанализировать, почему все же за руководителями басмачества (родовыми старейшинами, баями, представителями духовенства) пошли сотни и тысячи человек, а на местах немало людей относилось к ним сочувственно и даже помогало.

Думается, что главной причиной всего этого было слишком резкое и зачастую неумелое вторжение (в частности, при проведении земельно-водной реформы 1925–1926 гг., а особенно насильственной коллективизации в 1930–1932 гг.) в вековые традиции хозяйственной, культурной и религиозной жизни местного населения. Это и помогало противникам новой власти привлекать на свою сторону значительное число таких людей, которые по своему общественному статусу никак не могли быть противниками ее основных лозунгов, а скорее наоборот. В то же время нельзя отрицать и факта, что в басмаческих отрядах было немало и таких, причем не только среди руководства, кто в этой форме получил возможность как бы возродить традиции аламанства, своего рода узаконенного грабежа и насилия, которые вот уже сорок лет, после включения Туркмении в состав Российской империи, как были прекращены.

Вся предыдущая отечественная историография, исходившая из указаний партийного руководства, на протяжении многих десятилетий характеризовала басмачество весьма упрощенно: лишь как борьбу против советской власти и политический бандитизм

прежней феодально-родовой и клерикальной верхушки, обманно втянувшей (в течение 10-12 лет!) в свою борьбу часть простых дайхан. Вооруженная борьба эта, к сожалению, как обычно и бывает, приносила лишь разорение, слезы, кровь всем, но особенно рядовым участникам этой, по сути дела новой, затяжной формы гражданской войны.

Но если позиции в отношении оценки басмачества как явления и сейчас еще в основном прежние, то наивно было бы искать в публикациях 1920-х – 1930-х гг., когда оно непосредственно имело место, какие-либо серьезные попытки разобраться в его причинах.

Позицию оценки басмачества лишь как политического бандитизма мы встречаем и у Г. И. Карпова в его публикациях и материалах 1926–1928 гг., когда оно в силу вышеуказанных причин разгорелось с особой силой. Об этом говорит и его газетная публикация-отчет «Итоги борьбы с бандитизмом» (1926), где, помимо прочего, приводятся цифровые данные о бандформированиях в Туркменской ССР за 1925 г., чего потом в открытой печати практически никогда не делалось, и размерах потерь дехканских хозяйств за этот период от басмачей примерно в пять миллионов рублей (Бахтиаров, 1926). И журнальная рецензия (1928) на книгу о получившем наибольшую известность в басмаческом движении в Туркменистане Джунаидхане (Карпов, 1928а). Об аналогичных позициях говорят и собранные в двух папках архива Георгия Ивановича материалы, связанные с рассматриваемым вопросом: «Борьба с басмачеством в Туркмении в период 1920–1924 гг.» (РФ ЦНБ АНТ. Р-26 (52 л.)) и «К истории туркменских национальных формирований РККА (Краткие справки)» (РФ ЦНБ АНТ. Р-126).

Однако нельзя не обратить внимание на следующий весьма характерный момент: другие публикации и материалы Г. И. Карпова о басмачестве нам неизвестны. А приведенное выше связано с периодом, когда Георгий Иванович был назначен заместителем наркома внутренних дел республики и по своему официальному положению не мог не выступать (и должен был бы делать это значительно чаще) по данному вопросу. Как только он перешел

целиком на научную работу (май 1929 г.), всякого рода спецматериалы, напоминающие о басмачестве, в сфере его интересов не появляются.

Социалистическое строительство в Туркменистане

При всей занятости по линии официальной работы и всевозможных ответственных правительственных поручений Г. И. Карпов успевал не только следить за основными событиями этапов строительства новой жизни, о чем свидетельствуют его архивные материалы, но и, как их активный участник, откликаться на многие из них в публикациях. Практически каждая из тем архивных материалов представляет собой большой интерес и ценность в плане исследования жизни республики в период 1920-х – середины 1930-х годов: Карпов Г. И. Туркмения в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1924) (РФ ЦНБ АНТ, Р-3 (30 л.; То же. Р-10 – рукопись статьи. 26 л.); Карпов Г. И., Мошкова В. Г. Туркменская ССР в период борьбы за восстановление народного хозяйства (1921–1924). Туркмения в период социалистической реконструкции (1925–1929) (РФ ЦНБ АНТ, Р-190. 161 л.; То же. Р-43. 183 л.); Карпов Г. И. Материалы по восстановительному периоду (РФ ЦНБ АНТ, Р-52. 98 с.); Карпов Г. И. Национально-государственное размежевание Средней Азии и образование ТССР (РФ ЦНБ АНТ, Р-81. 36 л.); Капов Г. И. Образование ТССР (РФ ЦНБ АНТ, Р-80. 12 л.; Ашхабад, 1939. Р-31. 18 л.); Карпов Г. И. Полтора года советского строительства в ТССР (ноябрь 1924 – август 1926). Полторацк-Ашхабад, 1926 (РФ ЦНБ АНТ, Р-113. 120 л.); Карпов Г. И. Полторацкий (Асхабадский) район Туркменской ССР. Историко-экономическая характеристика. Материал по обследованию кишлака и аула. Полторацк-Ашхабад, 1926 (РФ ЦНБ АНТ, Р-121. 225 л.; То же, Р-36); Карпов Г. И. Туркмения и туркмены (1930–1934) (РФ ЦНБ АНТ, Р-108. 40 л.); и др. Для примера рассмотрим кратко рукопись коллективной работы со звучным романтическим названием

«Там, где было царское имение», имеющей, правда, и более четкий, прозаический подзаголовок – «К истории колхоза «Большевик» Байрамалийского района Туркменской ССР», редактором и одним из авторов-составителей которой был Г. И. Карпов (РФ ЦНБ АНТ, Р-281).

Данная работа, носящая гриф «Туркменский научно-исследовательский институт истории. Сектор этнографии», написана под общей редакцией Георгия Ивановича, выступающего, очевидно, и инициатором самого ее создания, коллективом из шести авторов – самого Г. И. Карпова, Н. И. Камендровского, Н. В. Куклина, А. А. Чечелева, А. Л. Пусева и Л. Веревкиной. Все они, очевидно, были преподавателями Агрехлопкового института в Байрамали, где с сентября 1932 г. по 1934 г., когда была подготовлена эта монография, работал Георгий Иванович. Вышеупомянутый же гриф, думается, был предложен Карповым, как этнографом и историком, с целью сделать появление исследования более солидным и облегчить ему самому дорогу в свет (хотя, насколько мы знаем, оно так и не было напечатано).

Монографическая работа «Там, где было царское имение» – первая в Туркмении и одна из первых такого рода в стране – явилась своеобразным образцом историко-этнографических исследований, которые в комплексе рассматривали историю, экономику и культуру того или иного селения, избранного в качестве объекта. В 1950-е – 1960-е годы это начинание получило свое довольно широкое развитие в виде создания целой серии публикаций по истории и современному положению ряда колхозов и совхозов.

Задачей создателей исследования было, обрисовав дореволюционное, а затем доколхозное прошлое данного коллективного хозяйства, показать преимущества колхозного строя. Колхоз же «Большевик» был выбран потому, что, во-первых, над ним шефствовал Байрамалийский институт, и, во-вторых, территориально он граничил с опытным участком института (РФ ЦНБ АНТ, Р-281. С. 96).

Работа состоит из трех разделов. В первом – «Историческое прошлое района» – рассказывается о появлении на землях совре-

менного колхоза «Большевик» Государева имения и его формах эксплуатации окружающего дайханства; дается, с приведением таблицы, характеристика национального состава района и динамика его изменений до революции и в первый период после Октября; прослеживаются изменения административно-территориального деления района после 1917 г.; и, наконец, территория района рассматривается в плане характеристики его почв. Во втором разделе – «Коллективизация района» – характеризуются местные условия жизни и быта, пережитки прошлого, а также излагается история колхозного строительства в Туркмении и в данном районе. Третий, основной по объему раздел – «Причины побед колхоза «Большевик» – в своих пунктах и подпунктах детально знакомит читателя с созданием колхоза, всеми этапами сельскохозяйственных работ по выращиванию хлопка, с доходами колхозников, подъемом их жизненного уровня и благоустройства сельхозартели.

Судя по всему, первый и второй разделы целиком или в основном готовил Георгий Иванович, имевший уже определенный опыт в плане политико-экономического обследования ряда туркменских селений, проведенного выборочно в связи с подготовкой к земельно-водной реформе. Такое обследование, результаты которого под рубрикой «Лицо нашего аула» появились в печати, было проведено, в частности, в Тедженском районе (Карпов, 1925а), а также в четырех селениях из окрестностей Ашхабада – Багире, Кипчаке, Аннау и Янги-Кале (Туркменская искра. 1925. № № 157, 158, 159, 160, 164, 166, 168, 175, 176, 177 и др.). Упомянутому исследованию о колхозе «Большевик» в данном издании посвящен отдельный очерк.

В той же республиканской газете «Туркменская искра» или научно-популярном журнале «Туркменоведение» откликнулся Г. И. Карпов и на вопрос о роли Советов – этой главной (по крайней мере, теоретически) форме участия трудящихся в управлении своей страной (Карпов, 1929а, б), анализировал логический ход исторического развития региона, приведший его к созданию самостоятельной республики (Карпов, 1928б).

Великая Отечественная война

Первые три года Великой Отечественной войны Г.И. Карпов был загружен в основном большими исследованиями, связанными с Ираном и общей историей туркменского народа. Тем не менее, он не мог рано или поздно не откликнуться на события, принесшие такие страшные испытания советскому народу в целом и всем народам, его составляющим, в частности. Подтверждением этой мысли явилась его статья «Туркменский народ в дни Великой Отечественной войны», опубликованная в «Известиях ТФ АН СССР» в 1944 г.

Как историк и этнограф, много лет изучавший туркмен, Георгий Иванович имел все основания начать статью с характерного абзаца, являющегося лейтмотивом всей публикации: «С тех пор, как на исторической арене появился народ под названием «туркмены», а это произошло в IX веке нашей эры, многие историки и летописцы отмечали у туркменских племен два особенных качества: любовь к родине, к своему народу и беззаветную храбрость, воинскую доблесть. Эти два качества сохраняются свято туркменским народом и в наши дни» (Карпов, 1944. С.37).

Далее Карпов подробно, с цифровыми выкладками останавливается на героических делах, проявляемых как на фронте воинами-туркменистанцами, так и тружениками тыла, простыми туркменскими колхозниками. Так, только за первые три года войны колхозное крестьянство Туркмении сдало в фонд обороны 249 миллионов рублей, а в целом трудящиеся республики дали займы или безвозмездно государству более трех четвертей миллиарда рублей. Говорит Георгий Иванович и о постройке за счет добровольных пожертвований жителей республики эскадрилий самолетов и танковых колонн, поездках в разное время на фронт шести делегаций общественности Туркмении в сопровождении эшелонов с подарками и необходимыми материалами, о колхозниках-туркменах, призванных в грозные дни конца 1942 г. на помощь рабочим Красноводского порта, оставшегося в это время единственной связующей нитью между Закавказьем и другими регионами нашей страны, о туркменах и представителях других

национальностей, проживающих в республике, которые удостоились высокого звания Герой Советского Союза и других правительственных наград.

Останавливается автор и на активизации деятельности молодежных организаций. Любопытным фактом здесь, в частности, является то, что в 1943 г. по рекомендации ТФ АН СССР комсомольцы и пионеры республики собрали и высушили свыше 400 тонн (!) диких растений, необходимых химической промышленности для лечебных целей, получения дубителей, красителей и т.д., а также засеяли семена кормовой тыквы вдоль 2930 км оросительных каналов, арыков, водосборов (Карпов, 1944. С. 40).

Особенно понятно волнение автора как этнографа, когда он, отмечая небывало активное участие в оказании помощи фронту женщин-туркменок, останавливается на добровольной сдаче ими украшений в фонд обороны: «Женские украшения для туркменки составляют весьма большую ценность. Туркменка-мать хранила свои украшения для подрастающей дочери, пополняла их новыми, и они переходили во многих случаях из поколения в поколение, как неотъемлемая собственность женщин, не подлежащая продаже ни при каких обстоятельствах» (Карпов, 1944. С. 38). И вот теперь за короткий срок туркменские девушки и женщины сдали на приемные пункты фонда обороны 430 пудов золотых и серебряных украшений (Там же). Ненавязчивый пафос и использование отрывков из связанных с войной стихотворений туркменских поэтов Кара Сеитлиева и Ата Салиха вполне увязываются с темой статьи.

Помимо специальной работы – рассмотренной здесь большой статьи в «Известиях ТФ АН СССР» – Г.И. Карпов касался героической и трагической темы Великой Отечественной войны и, как мы видели выше, в двух посвященных Туркменистану монографиях общего плана.

В первой из них – «Прошлое и настоящее туркменского народа», 1942 – военной теме посвящен последний раздел «Победа будет за нами!». Раздел этот очень небольшой и рассказывает фак-

тически вкратце лишь о самоотверженном труде далекого тыла, помощи (трудо­вой, денежной, веще­вой) тружеников Турк­мени­стана героическим воинам, сражающимся на фронте. О самих же воинах говорится в общих словах и называется единственное конкретное имя – Героя Советского Союза Курбана Дурды (он, кстати, запечатлен на одном из двух иллюстрирующих раздел фотоснимков в роли обучающего одноаульцев военному делу (Курбанов, Карпов, 1942. С. 37).

В послевоенной монографии «Турк­менская ССР» раздел «Советская Турк­ме­ния в дни Великой Оте­чественной войны» (Карпов, Школьников, 1945. С. 53–70) почти в четыре раза превышает соответствующий раздел предыдущей монографии (18 и менее пяти страниц). В нем довольно подробно и конкретно говорится о ратных подвигах воинов-турк­ме­нистанцев, даются фотографии семи Героев Советского Союза из их числа. А затем, также сопровождаемый четырьмя характерными фото, идет рассказ о героизме тружеников Турк­ме­ни­стана в тылу. Интересно, что в начале раздела как образцы военного мужества для молодых гызыл эсгеров, т.е. красноармейцев-турк­ме­н, отправляющихся на битву с гитлеровскими захватчиками, приводятся такие имена героев прошлого, боровшихся за свободу и независимость своего народа и родины, как Гёр-оглы, Салор-Казан, Довлетяр, Кеймир-кёр, Каушут-хан (Карпов, Школьников, 1945. С. 54).

В связи с Великой Оте­чественной войной можно было бы упомянуть еще о двух публикациях Г.И. Карпова, хотя они и не являются статьями или еще какими-либо формами отражения исследований, а относятся скорее просто к видам эпистолярного творчества. Это патриотический отклик Георгия Ивановича в связи с вероломным нападением фашистской Германии на нашу страну, положившим начало Великой Оте­чественной войне. Знаменательно, что этот отклик, а точнее, отклики были напечатаны уже на второй и третий день войны.

Так, 23 июня 1941 г. в газете «Турк­менская искра» Г.И. Карпов опубликовал обращение к командованию Красной Армии с просьбой считать его, несмотря на пятидесятилетний возраст, с этого дня в своем распоряжении (Карпов, 1941). Подписыва-

ясь «бывший красногвардеец»², Георгий Иванович напоминает о своем боевом опыте. Вспоминает, что уже сражался против германских войск в годы первой мировой войны, когда ему в 1914 г. в составе 7-го Туркестанского стрелкового полка пришлось выступить на фронт, что в 1918–1919 гг. был руководителем отряда Красной Гвардии в родном селе Караваинка под Царицыном, а в 1922 г. возглавлял добровольческие отряды по разгрому пяти банд в Закаспии.

Говоря о своей семье, Карпов пишет, что гордится тем, что старший его сын – Виктор уже находится в рядах Красной Армии, а второй и третий сыновья, Борис и Георгий, вольются в ее ряды завтра, и что он, как патриот своей Родины, тоже не отстанет от них и выполнит любое поручение, которое на него будет возложено. Автор этого, наиболее яркого, отклика, помещенного сразу же под текстом выступления В.М. Молотова о нападении Германии и Указа Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации в ряде регионов страны, выражает полную уверенность в конечном разгроме врага.

На следующий день, 24 июня, в той же республиканской газете была напечатана телеграмма Г.И. Карпова своему старшему сыну Виктору, танкисту, который отправлялся в это время на фронт (Карпов, 1941а). Обращаясь к нему, отец сообщает о сделанном накануне заявлении, что он сам с младшими братьями Виктора – Борисом и Георгием отдадут себя в распоряжение военного командования. Говоря, что захватчиков били и прадеды, и отцы, а теперь пришла пора испытания и для сыновей, Георгий Иванович пишет: «Надеюсь, мой дорогой сын, что ты будешь достойным сыном своей родины, будешь примером дисциплинированности, храбрости и героизма в разгроме немецких фашистов и не опозоришь моей отцовской красногвардейской чести». Публикация после слов «твой отец» подписана так же, как и предыдущая – «бывший красногвардеец Георгий Карпов».

Характерно, что в этих откликах, являющихся, особенно на фоне многих других, своего рода образцами сочетания нака-

² В 1920-е годы Георгий Иванович был утвержден в звании красногвардейца пожизненно.

ла патриотических чувств и художественной формы их выражения, Георгию Ивановичу почти удалось избежать упоминания имени «вождя народов», которое встречалось тогда на страницах прессы чуть ли не в каждом абзаце. В первой публикации этого имени нет совсем, а в конце второй оно вынужденно появляется, но в интересном контексте: «С любимым именем Сталина з а р о д и н у, з а н а ш е п р а в о е д е л о . . .» (разрядка наша – С.Д.).

История компартии и комсомола республики

Было бы, конечно, странно, если бы Г.И. Карпов среди своих историко-научных исследований не нашел бы места и для исследований, связанных с историей коммунистической партии республики, – тогда она сокращенно называлась КП/б/Т. Старый партиец (с 1920 г.), активный борец за Советскую власть и в России, и в Средней Азии, Георгий Иванович, думается, до конца искренне верил в партию, как верили в нее тысячи честных и искренних ее членов даже в самые жестокие годы репрессий. И, как историк, он не мог оставаться в стороне. Поэтому, когда в годы Великой Отечественной войны возникла идея создать историю республиканской партийной организации, Г.И. Карпов горячо поддержал ее.

Впрочем, свою лепту в партстроительство, партийную жизнь республики он внес еще в 1927 г., когда подготовил мини-брошюрку «Памятка секретарю аульной партиячейки», которая была переведена на туркменский язык и разослана во все уголки республики (Карпов, 1927). Для работы по истории партии Георгий Иванович выбрал раздел «Компартия Туркмении в период восстановления народного хозяйства (1921–1925)». Этот период, когда он, приехав в Туркменистан, энергично работал, стремясь восстановить то, что было разрушено за годы гражданской войны, видимо, был ему особо дорог. По этому разделу им были подготовлены соответствующие материалы (РФ ЦНБ АНТ, Р-259). В октябре 1940 г. он написал статью «Партия (КП/б/Т)» для подборки «ТССР», предназначенной для БСЭ. Своего рода очерк подготовил Г.И. Карпов и по истории ЛКСМТ (РФ ЦНБ АНТ. Р-63; Там же. Р-57).

Исследования этнографического характера

Проследивая диапазон научных интересов Г.И. Карпова, в глаза бросается преобладание все же тематики, носящей этнографический характер. Это неудивительно. Ибо общительность, присущая Георгию Ивановичу, о чем говорят и воспоминания знавших его людей, и сохранившиеся, в частности, иранские, дневниковые записи самого ученого, отражающие его непосредственные живые впечатления, не позволяла ему ограничиваться в своих исследованиях лишь литературным и архивным материалом.

Г.И. Карпов никогда не был кабинетным деятелем и руководителем: и в должности председателя и заместителя председателя облисполкома Туркменской области, и на посту заместителя наркома внутренних дел ТССР, и возглавляя научно-исследовательские институты. Многочисленные поездки по республике вплоть до ее наиболее отдаленных районов, откровенные беседы со множеством самых различных людей, чему в немалой степени помогало владение Георгием Ивановичем туркменским языком, тот яркий национальный колорит и непривычный уклад жизни, которые особенно захватывают людей неравнодушных и увлекающихся, – все это способствовало усилению у него интереса к исследованию целого спектра вопросов, связанных с этнографическим изучением туркмен. Их быт, традиционные обряды, обычаи и верования, внутренняя структура и взаимоотношения туркменских племен, деление на которые сохранялось здесь и в канун Октябрьской революции – все это входило в данный спектр. Родоплеменная система туркмен, лежавшая в основе их социально-экономических и историко-культурных традиций, привлекла особое внимание Г.И. Карпова.

Этническая история туркмен и их родоплеменная структура

Обращению к данной проблеме, ставшей ведущей как в этнографических исследованиях Георгия Ивановича, так и в его научном наследии в целом, помимо всего прочего способствовали,

очевидно, в той или иной степени и некоторые из многочисленных, непростых и ответственных поручений, которые возлагались на него по линии советско-партийного руководства в 1920-е годы. Так, например, в 1922 г., еще в Ташкенте, Г.И. Карпов как ее член принимал участие в работе Комиссии по районированию Туркестанской республики. В 1923 г. он уже возглавил в качестве председателя Комиссию по районированию Туркменской области (будущей республики). В том же 1923 г. он был назначен председателем Республиканской комиссии по ликвидации казахско-иомудской вражды (продолжавшейся в течении долгого времени и доходившей порой до кровавых стычек и взаимных грабежей соседствующих на северо-западе Туркменистана туркмен-иомудов и казахов). В 1925–1926 годах Г.И. Карпов являлся председателем Комиссии по делам реэмиграции туркмен из Афганистана. А в 1926–1929 гг. работал как их член в составе сразу двух комиссий – Комиссии по коренизации³ при ЦИКе ТССР и Комиссии при ЦК КП/б/Т по работе в кишлаке и ауле. Характер ряда таких комиссий, как видим, предполагает для более успешной работы знание родоплеменных структур населения тех или иных местностей и районов.

Практически первой своего рода сводной работой Г.И. Карпова о традиционной этнической, родоплеменной и отчасти социальной структуре туркменского общества явилась его брошюра «Племенной и родовой состав туркмен», изданная им уже в 1925 г., т.е. через непродолжительное время после своего назначения на пост заместителя наркома Комиссариата внутренних дел ТССР (Карпов, 1925). Поэтому на титульном листе под таким чисто этнографическим названием работы можно увидеть несколько необычное указание, что ее «Составил зам. Наркомвнудел», а сама публикация – «Издание Народного Комиссариата Внутренних Дел ТССР». Это свидетельствует о том, что Георгий Иванович, которого с самого начала его пребывания в Туркмени-

³ Т.е., с одной стороны, увеличению удельного веса представителей коренного населения в различных звеньях советско-партийного и административно-хозяйственного аппарата, а, с другой, овладению представителями некоренного населения в руководстве туркменским языком и минимумом сведений о национальной истории и культуре.

стане властно привлекла к себе данная тема, спешил использовать первую представившуюся возможность.

Об этом он сам говорит в предисловии к публикации. Оговаривая сразу, что предполагаемый материал, безусловно, нельзя считать удовлетворительным в полной мере, и что в дальнейшем, при дополнительных исследованиях на местах (особенно при проведении предполагаемой Центральным Статистическим управлением в 1926 г. демографической переписи, при которой должен выявляться и племенной состав туркмен) в него будут, очевидно, внесены серьезные коррективы, автор пишет: «Однако, считаясь с неотложными потребностями государственных, общественных учреждений и организаций иметь сведения о племенном составе населения – туркменах, как необходимые в их практической работе, мы делаем по ч и н (разрядка наша – *С.Д.*) к удовлетворению этих требований – вначале... хотя бы в виде простого перечня племен, с подразделением на роды и указанием их местонахождения» (Карпов, 1925. С. III).

Отмечая, что хотя им и были использованы данные, приводимые в трудах некоторых дореволюционных авторов (Ф. Михайлова, Федорова, Кияшко), Г.И. Карпов подчеркивает, что «большинство помещаемых сведений добыты путем личных обследований, опроса населения, последующей проверки и увязки» с данными вышеназванных исследователей (Там же). Таким образом, он сразу же заявляет о том, что опирается прежде всего на оригинальные полевые этнографические материалы. Этого принципы Георгий Иванович, как чаще всего и бывает в практике этнографа, придерживался и в дальнейшем.

Естественно, за столь короткое время Карпову одному было бы не под силу собрать сведения из всех основных регионов Туркменистана. Поэтому уже в связи с данной работой проявляется другая черта Георгия Ивановича, которая должна быть присуща в той или иной степени каждому этнографу, – умение организовать информационную службу, связь с информаторами на местах. Георгий Иванович с чувством глубокой признательности сразу же говорит о том, что «при изучении на местах племенного деления мне оказали огромную помощь следующие товарищи: по Ташаузскому округу – Сеидмурад Аvezбаев; по Керкинскому округу – Акму-

хаммед Ходжи, Мулла-Артык-Ша, Разакул Аксакал, Абдурахман Палван, Расул-Куль-Бай и Мамед-Бай Аулов; по Чарджоускому округу – Хуйдакули Бердыев, Имамкули Аманбердыев, Дурды Рахманов и Махаммед Марадрахманов.⁴ По Серахскому району (о салорах) пополнил ценными сведениями имевшиеся материалы – т. Рясной; по Тахта-Базарскому и Иолотанскому районам (о сарыках) сведения пополнены по специальному запросу – исполнителями комитетами советов» (Карпов, 1925. С. III–IV).

Небольшая по объему работа Г.И. Карпова дает читателю, впервые знакомящемуся с жизнью и бытом туркмен, довольно систематизированное представление по затронутому вопросу на базе значительного фактического материала, который разбит на четыре раздела.

Первый из разделов называется «Состав главнейших туркменских племен» и кратко освещает расселение и родоплеменную структуру шести наиболее крупных туркменских племен – теке, эрсари, иомудов, салоров, сарыков, гокленов (в оригинале не совсем точно «гоклан» – *С.Д.*). Тот же порядок соблюден и во втором разделе – «Племена и рода менее значительные», который охватывает такие родоплеменные образования как каркын, чаудор, карадашлы, емрели, агар, хатаб, мыкры, кеикчи, ходжа-или, хыдыр-или, алили, сакар, баят, чандыр, битык, сандукли, гаи, меркит, мугол, арвачи, крач, ираким, ячли. Автор оговаривается, что не включил в свою работу ряд тюркоязычных племен, «возможно одного корня с главнейшими туркменскими племенами», а именно огурджали, нохур, мурча, аннаули, мехинли и ряд других (Карпов, 1925. С. III). В третьем разделе – «Отуркменившиеся племена» – речь идет о так называемых овлядских племенах – ходжа, ата, махтум и ших. Здесь автор не дает схемы родоплеменных делений овляд, упомянув лишь о трех главных ответвлениях ата и количестве более мелких подразделений (без их наименований) в первых двух из этих ответвлений.

В отношении овляд Г.И. Карпов высказывает распространенную, особенно в прошлом, но ничем серьезно не аргументи-

рованную версию об их арабском происхождении. Иной версии он, естественно, знать не мог, ибо специальное исследование, посвященное происхождению туркменских овляд, было проведено лишь полвека спустя (Демидов, 1976). Поэтому и высказывает мысль, что овляды – «потомки пророка», причисляемые к духовному сословию, – среди туркмен, как и среди прочих народов, исповедующих ислам, явились первой по времени группой для распространения учения Мухаммеда (Карпов, 1925. С. 6). Правда, конкретные исследования среди туркмен не подтверждают этой версии. Но в то же время автором уже тогда высказана правильная позиция в отношении овляд, которых он, выделив из обычных племен, отнес к одной из общественно-политических группировок туркменского общества (автор этих строк определяет их как «социально-религиозные группы»). Дает он и правильную характеристику привилегированного положения овляд в туркменском обществе, их отношений с основной массой туркменского населения и роли в поддержании религиозности в данном регионе.

Последний, четвертый раздел называется «Общественно-политические группировки». Здесь помимо упомянутых овляд автор рассматривает такие диаметрально противоположные им по своему положению в обществе группы, как «гул» (дословно, «раб»: потомки захваченных в плен и обращенных в рабство персов, курдов и афганцев) и «ярым» (досл., «половина»: полукровок от смешанных браков «чистых» туркмен с «гулами»), а также «иг» – собственно «чистых» туркмен.

В качестве приложения к работе даются 6 подробных таблиц родоплеменных делений вышеперечисленных основных туркменских племен (к разделу первому) и одна сводная таблица туркменских племен и родов, менее значительных в количественном отношении (к разделу второму). Все таблицы составлены Г.И. Карповым.

В целом эта первая опубликованная научная работа Г.И. Карпова, как отмечали двадцать два года спустя в некрологе о Георгии Ивановиче известные советские этнографы и историки М.О. Косвен и С.П. Толстов, «сразу завоевала ему известность среди специалистов и до сих пор остается наиболее полной свод-

4 Транскрипция некоторых имен требует уточнения.

кой сведений по этому вопросу» (Косвен, Толстов, 1947. С. 162). К сказанному следует лишь добавить, что слова эти соответствуют положению дел и ныне.

Теме происхождения и истории туркменских племен и их родоплеменной структуры, как уже отмечалось, Г.И. Карпов был верен всю жизнь, начиная с только что подробно рассмотренной работы 1925 г. и вплоть до последней своей публикации о туркменах-алили (1947 г.), на которой мы также подробно остановимся ниже. Естественно, в разные периоды в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств Георгий Иванович уделял названной теме то больше, то несколько меньше внимания. Но огонек исследовательского интереса, как и священный огонь в родовом очаге наших далеких предков, у него никогда не затухал. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации и подборки архивных материалов Г.И. Карпова, относящиеся ко второй половине двадцатых – сороковых годам.

Приведем названия лишь некоторых из такого рода публикаций: «Родословная туркмен» (Карпов, 1928а, 1929в), «Салыры» (Карпов, Арбеков, 1930), «Осколки аланов» (Бахтияров, 1930), «Йомуды» (Карпов, 1931), «Туркмены-огузы» (Карпов, 1945), «К истории туркмен-сарыков» (Карпов, 1945г), «О туркменах эсенхановского юрта» (Карпов, 1946) и др. Еще шире диапазон родоплеменных структур, по которым мы можем обнаружить архивные материалы в научном наследии Георгия Ивановича, хранящиеся в РФ ЦНБ АНТ. Вот грифы отдельных, часто весьма увесистых папок: «Алфавитный список туркменских родоплеменных групп» (50 л.)⁵, «Краткие справки о туркменских родоплеменных объединениях, их численном составе и расселении» (88 л.; 1941), «История Огуза и его сыновей» (72 л.), «Список огузских племен с выяснением их представителей среди современных туркмен» (7 л.; 1936), «Туркменское племя Теке» (Рабочая тетрадь) (45 л.), «Рассказы текинцев об истории своего племени» (59 л.; 1939), «Туркменское племя абдал» (16 л.; 1939), «Туркменское племя Сакар» (27 л.), «Туркменское племя Ших» (7 л.; 1939)

5 В скобках приведен объем папки в листах, а также год, если он указан.

и т.д., и т.п. Не считая подготовленной по данной теме диссертационной работы Г.И. Карпова «Этнический состав туркмен» (1942) в объеме более 7 авт. л.⁶

Среди названных и аналогичных им других публикаций и материалов мы видим двоякий подход к исследуемой проблеме: изучение племен-предков туркмен, исследование сразу широким фронтом и наиболее часто используемый – рассмотрение отдельно взятого племени. Если первая, получившая известность и рассмотренная выше работа Г.И. Карпова – своего рода пример исследования широким фронтом, то публикация о туркменах-алили, к которой мы сейчас переходим, – образец «индивидуального» исследования.

Последней напечатанной работой Г.И. Карпова как по данной теме, так и вообще, если не считать изданного через год после его кончины «Русско-туркменского словаря», была большая статья «К истории туркмен али-эли (ала-эль)» в журнале «Советская этнография» (Карпов, 1947а). К сожалению, Георгий Иванович не увидел и этой своей публикации, так как журнал издавался тогда четыре раза в год и третий номер вышел в конце августа.

Исследование об алили (этот вариант данного этнонима принят в современной этнографической науке) по сравнению с предыдущими работами аналогичного характера выделяется особой четкостью изложения материала и его интерпретации. В этом, естественно, прежде всего сказался большой опыт, накопленный автором исследования за много лет разработки данной тематики, а также, может быть, и более тщательная редакция публикуемого в центральном издании.

В напоминающем своим стилем поэтический зачин мини-вступления к статье, которую Г.И. Карпов скромно называет заметкой, автор сразу вводит читателя в суть описываемого: «В Каахкинском районе Туркменской ССР, в девяти аулах проживают потомки одного из древних туркменских племен, носившего

6 К сожалению, машинописную рукопись этой неизданной работы, много лет хранящуюся в единственном экземпляре в научной библиотеке МГУ, так и не удалось микрофильмировать или ксерокопировать ни Республиканская библиотека Туркменистана, ни ЦНБ АН республики, что в свое время уже отмечалось в научной периодике (Долгов, Дурдыев, 1976. С. 95).

название али-эли. Публикуемые в настоящей заметке сведения по истории и этнографии али-эли могут послужить материалом для исследования этногенеза как этого племени, так и всего туркменского народа» (Карпов, 1947а. С. 145).

Сама статья состоит из трех разделов. Первый – «Устные народные предания о происхождении али-эли». Как показывает его название, он посвящен изложению сохранившихся в устной народной традиции относящихся к далеким, задолго до прихода монголов, временам легендарных сведений о происхождении этого племени и его названия, а также данных, связанных с реалиями исторической судьбы алиинцев и перипетиями их переселений между Атеком, Хорезмом и Северным Ираном в XIX в.

Интересно, что автор использует сведения, разделенные большим временным интервалом: свои записи от алиинцев – знатоков преданий и традиций, сделанные в 1923 и 1931 гг., согласно которым происхождение и этноним этого племени так или иначе связываются с легендарным святым Кары-Алов-пиром, и запись другого варианта предания, которую сделал от одного из старейшин аспирант Нурли Дурдымурадов в 1946 г. Согласно этому варианту, легендарным предком алиинцев выступает Юлдуз-хан, сын Огуз-хана. Далее Г. И. Карпов упоминает и о третьей сильно мусульманизированной версии, подводящей начало алиинцев к дяде пророка Мухаммеда – Ашир-Хамзе.

Изложение легендарных версий и реальных событий прошлого века сопровождается авторскими примечаниями-сносками, конкретизирующими их в историко-этнографическо-географическом плане. Наряду с передачей основной канвы преданий сообщаются некоторые весьма интересные, дающие, в частности, пищу для размышлений этнографу-религиоведу моменты: например, о том, как тройным ограблением достигается переход имущества, считающегося «харам», т.е. приобретенным, с точки зрения религиозно-бытовой морали, нечистым путем, в разряд «халал» – «чистого», из которого можно даже устраивать жертвенное угощение «худайёлы» (Карпов, 1947а. С.146); прорубанием новой двери, имитирующей ритуальное переселение через каждые семь лет (Там же); или, скажем, старая информаторша

Карпова Кыз-Биби в роли хранительницы «святых вещей» Кары-Алов-пира, чтобы приложиться к которым до 1930-х годов по праздникам совершали паломничество многие люди. Когда же, с подъемом культуры и изменением бытовой обстановки, паломничество захирело, Кыз-Биби перебралась в Иран. Но здесь ей из-за отсутствия у нее родословного древа-седжере, говорящего о принадлежности святых вещей (к сожалению, автор не сообщает, каких конкретно – С.Д.), именно Кары-Алов-пиру, собирать людей для поклонения не разрешили (Там же. С. 147).

Следующий раздел – «письменные источники об алаэлинцах». Здесь приводится, как наиболее раннее, упоминание об этом племени у Абуль-Гази (середина XVII в.), а также сопоставительные данные из работ В.В. Бартольда, С.П. Толстова, А. Вамбери, П.И. Иванова и др. авторов. Как в первом, так и во втором разделах много говорится о различных связях – «родственных», соседских и прочих али-эли с другими племенами, в частности карадашлы (языр).

Третий раздел исчерпывающе называется «О родовом делении ала-эль, их численном составе и расселении». Здесь приведена схема (Там же. С. 148) деления алили на роды (2), колена (8), количество хозяйств в каждом колене (по данным 1930 г.), ряд более мелких подразделений. Прослеживаются этнонимы, идентичные алилинским, как названия отдельных родоплеменных подразделений у некоторых других туркменских племен.

В конце публикации делаются четыре основных вывода: о возникновении рассматриваемого племени в огузско-туркменский период (VI–X вв.), как части этого союза племен; о генетической близости алили ряду туркмено-огузских племен (языр, каркын, алка-эвли) и кыпчакам; территориальном обособлении в XVII–XIX вв. от этого племени некоторых близких ему в прошлом родовых групп (хызыр-или, могульчик, мехинли и др.) и пополнении его иными этническими элементами, главным образом иранскими. Затем следуют подробное поаульное изложение современного расселения алиинцев и их соседей – теке в Каахкинском районе, а также краткие данные об алили, проживающих в Ильялинском районе на севере Туркмении и в Афганистане.

Завершая этот раздел, посвященный главной теме научного творчества Г.И. Карпова, следует подчеркнуть, что помимо значительного числа публикаций в данном аспекте у него осталось еще больше материалов, подготовленных к изданию, но, к сожалению, не напечатанных. Ибо, как писал в своем отзыве на диссертацию Карпова от 2 июня 1942 г. другой его официальный оппонент, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР А.В. Башкиров, Георгий Иванович «поставил своей задачей дать историю каждого племени, проследить его развитие с самого начала до современного его состояния», чтобы «обобщить историю всех племен и сделать заключение о длительном формировании современного туркменского народа» (Башкиров, РФ ЦНБ АНТ, Р-146. Л. 88–89).

Р-146 Отзыв о диссертации = Г.И. Карпов, инст. в Узб. АН СССР, ст. н. с. Ин-та востоковедения АН СССР 2. VI. 1942

Отзыв о работе Г.И. Карпова в "Этног. сообщ. туркмен" (с. 82-89)

Заключительный раздел VII. Карпова.

"Спрашивается, ввел ли автор что-либо нового в историю туркменского народа в сравнении с тем, что было сделано ранее? Ответ должен быть дан положительный. В области этнографии автор поставил своей задачей дать историю каждого племени, проследить его развитие с самого начала до современности (с. 88) (с. 89) и с самого начала до современности его соседней, объединив историю всех племен и сделав заключение о длительном формировании современного туркменского народа. Для своей цели автор использовал почти все научные материалы тех и других и дополнил его новыми данными. И как бы это ни казалось незначительным, работа Г.И. Карпова не только своей ценностью как научного труда, но и тем, что в нее внесено в работу, поистине увеличило значимость труда".

раб. к-ва
из введ.
6 гл и 8
всего 8 гл.

Фрагмент рукописного отзыва А.В. Башкирова на диссертацию Г.И. Карпова.

Поэтому своей публикации ждут еще «два десятка аналогичных (публикациям по племенам туркмен – С.Д.) маленьких монографий по отдельным племенам», которые «представляют ценнейший вклад в детальную разработку вопросов истории и этнографии туркмен» (Косвен, Тостов, 1947. С. 163). Таких «маленьких монографий», как называли небольшие книжки-брошюры или развернутые статьи Г.И. Карпова М.О. Косвен и С.П. Толстов, в числе подготовленных к печати, но не опубликованных сорока его работ было больше половины – 21. Вот список племен, которым они были посвящены, приведенный этими же авторами: салыр, карадашлы (языр), арабачи, кизыл-баши, караили, абдал (эртел), меджеур, ших (шейх), махтум (мохзум), сунчали, мурчали, караул, эрсари, гоклен (гоклан), сакар, мехинли, анаули, баят, сарык, игдыр, джелаир.

Конечно, столь широкий спектр родоплеменных образований туркмен, которые выбрал для своих исследований Г.И. Карпов⁷, объективно не давал ему возможности изучить каждое из затронутых родоплеменных образований более всесторонне и широко. Но Георгий Иванович проложил тропинки – одни шире, другие уже – для всех тех исследователей, кто позже, взяв лишь одно из родоплеменных образований туркмен или один из регионов Туркменистана в качестве объекта исследования, в течение нескольких лет (чего, естественно, не мог иметь Г.И. Карпов) смогли изучить его более основательно и разносторонне.

Туркмены за пределами Туркменистана

Касаясь данной темы, следует сказать, что опубликовать по ней Г.И. Карпов успел немного. В то же время неопубликованных материалов этого плана, ждущих своего издания, в его наследии осталось значительно больше, что свидетельствует о серьезном интересе, который проявлял Георгий Иванович к землякам, живущим в других регионах.

Первая публикация такого рода – это, пожалуй, небольшая статья Г.И. Карпова, выступившего под инициалом «К», написанная

⁷ Этот спектр едва охватил своими исследованиями в совокупности целый ряд московских и туркменистанских этнографов в своих исследованиях 1950-х – 1980-х годов.

в соавторстве с неким М-овым (Мамедов, Мередов, Мухаммедов?), которая явилась своего рода краткой справкой-характеристикой той части туркмен, что, оторвавшись от основной массы, живет на Северном Кавказе, в Астраханской области и в соседней Таджикской республике (К., М-ов, 1929). Соответственно названным трем регионам материал публикации разделен на три части.

В разделе «Туркмены Северо-Кавказского края» кратко излагается история переселения в эти края части туркменских племен чаудор, игдыр и соин-аджи или бозачи⁸, в значительной степени опирающаяся на устные предания, сохранившиеся среди них, а также письменные данные, приводимые в некоторых предшествующих публикациях. Согласно традиции, туркмены пришли сюда через астраханские степи с полуострова Мангышлак совместно с калмыками в количестве 18 тыс. кибиток в 1653 г. Главной причиной этого, помимо прочего, явились усилившиеся притеснения со стороны хивинских ханов. По официальным же источникам, отмечают авторы публикации, туркмены появились здесь несколько позднее – в 1667–1670 гг. с калмыцким ханом Пунцук-Мочаком, отцом знаменитого Аюки. Затем кочевали и с самим Аюком (1670–1724), будучи поручены его особому призору. Согласно одному из сохранившихся преданий, Аюке препоручил здешних туркмен сам Петр I. В публикации отмечается, что предание последнего рода недалеко от истины, т. к. и хивинские ханы, и Петр I стремились использовать находящихся между российскими и хивинскими владениями туркмен в своих конкурирующих интересах. В этом противостоянии руководство Российской империи действовало через калмыцких ханов, которые еще в 1654 г. приняли российское подданство.

Далее в публикации даются статистические данные о количестве – общем и по племенам – туркмен на Северном Кавказе в 1809, 1906, 1912 и 1920 гг., которые свидетельствуют сначала о росте их численности, а с 1912 г. – об ее уменьшении. Приводят-

⁸ В другом месте это название передано как сеюн-аджи (К., М-ов., 1929. С. 27). По нашим записям, сделанным во время сбора материала среди ставропольских или северокавказских туркмен – союзджаджи. Под этим названием здесь известны представители племени бозаджи.

ся названия основных родоплеменных подразделений местных чаудоров (6), игдыров (6) и союн-аджи или бозачи (5).

Во втором разделе – «Астраханские туркмены» еще более кратко, чем в отношении северо-кавказских (ставропольских) туркмен, излагается история переселения в этот край представителей туркменских племен чаудор, игдыр и абдал. В 1811 г. от них в Астрахань была послана делегация с просьбой разрешить переселиться сюда 2300 семьям. Разрешение получено не было. И лишь позднее, в 1880 г., по данным отдела нацмен Астраханского губисполкома, на сообщение которого от 26 апреля 1927 г. ссылаются авторы публикации, около полутора тысяч человек из трех названных туркменских племен «самовольно» переселились в район Астрахани. Кроме этих сведений лишь упоминаются названия селений Астраханской области, где живут туркмены. Это – Атал, Фунтово, Запарево и Соколовское (К., М-ов, 1929. С. 27). К сказанному следует добавить, что исторические и географические рамки переселения и расселения астраханских туркмен значительно шире (см.: Демидов, 1987. С. 84-85).

Третий раздел – «Туркмены в Таджикистане» – хотя тоже довольно миниатюрен, но выгодно отличается от первых двух большим этнографизмом. Этим он, очевидно, в значительной степени обязан непосредственным сведениям одного из авторов, о чем в разделе «Источники и литература» сказано кратко – «наблюдения (по Таджикистану) тов. М-ва» (К., М-ов, 1929 С. 28).

Прежде всего здесь говорится об ареале расселения этой группы туркмен на территории Курган-Тюбинского вилайета (ныне – области): по левому берегу Вахша, от Узуна узкой, в 12–15 км шириной, полосой на юг до озера Джиликуль (К., М-ов, 1929 С. 27–28)⁹. Излагается кратко история их переселения в этот регион: вначале появление здесь туркмен из под Келифа и Керки как сезонников на отхожих промыслах, в том числе и на промывке золотоносного песка. В результате вражды с афганскими племенами в район Джиликуля в 70-х гг. XIX в. перекочевывает до 35 тыс. туркмен. Правда, в середине 20-х гг.

⁹ По названию озера данная группа туркмен получила в отечественной этнографической литературе другое название – джиликульских туркмен – С.Д.

XX в. в вилайете туркмен проживало значительно меньше – 1200 хозяйств, насчитывающих 6500 человек. Местные племена катаган и таз вначале встретили туркмен-переселенцев недружно, что еще более сплотило их и способствовало сохранению у них многих черт родового быта.

Далее дается родоплеменная характеристика данной группы, состоящей целиком из представителей племени эрсари, подразделяющихся на четыре рода: кара-туркмен, гуняш, улук-тепе, бекауль (этот род в 1920 г. ушел в Афганистан). Перечисляются колена, на которые распадаются четыре названных эрсаринских рода – соответственно четыре, восемь, восемнадцать и пять (К., М-ов, 1929. С. 28).

В конце раздела дается краткая этнографическо-бытовая характеристика туркмен Курган-Тюбинского вилайета (Там же. С. 28): живут родовыми общинами; демократичны в своих правах и обычаях: органом управления в родоплеменных образованиях является маслахат – собрание старейшин, наблюдающее за правильным исполнением адатов, положений Корана и вообще руководящих всей общественной жизнью туркмен. Сами туркмены этого вилайета среднего роста, сухощавы, крепкого телосложения, все – хорошие наездники, привыкшие к лошади с детства. Занимаются они здесь скотоводством, земледелием, садоводством, мелкими кустарными ремеслами и работой на отхожих промыслах.

К статье прилагается небольшой список использованных источников и литературы.

Через семь лет, в 1936 г. Г.И. Карпову пришлось вернуться к теме ставропольских туркмен, когда он, выполняя заказ Северо-Кавказского крайкома ВКП/б/, подготовил очерк «Ставропольские туркмены». Очерк по объему (1 печ. л.) получился в несколько раз больше, чем было отведено места этой группе туркмен в вышерассмотренной публикации. К сожалению, мы не знаем, был ли он когда-либо напечатан типографским способом, хотя бы и ограниченным тиражом. Скорее всего, нет, так как судя по списку, составленному самим Георгием Ивановичем в сентябре 1942 г., т. е. через шесть лет после выполнения данно-

го заказа, очерк все еще фигурирует среди работ, подготовленных к печати, но не изданных (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. Л. 105)¹⁰. Обычно такого рода заказные работы, как мы это увидим ниже, на примере исследований Г.И. Карпова по Ирану и Афганистану, не публиковались, оставаясь благодаря грифу «Для служебного пользования» в монопольном владении заказчиков. Поэтому судить об этом очерке мы можем только по сохранившемуся в архиве ученого рукописному материалу, озаглавленному «Туркмены Северо-Кавказского края Чаудор, Игдыр, Союнджаджи и их история» (1936), который и является, очевидно, основой текста брошюры (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 1–24).¹¹

О том, что это не окончательный, предназначенный для печати, текст брошюры, говорит не только то, что рукопись – рабочий вариант с внесенными в него позднее текстовыми и стилистическими исправлениями, но и некоторые его структуральные неясности. При условной пагинации страниц 1–24 на 9-й странице текста рукой самого Георгия Ивановича сделана пометка о продолжении на стр. 15. Таким образом, непонятно почему пропущено пять страниц, хотя логика изложения в принципе не нарушена. Более существенный вопрос вызывает то, что третья, наиболее важная глава – «Из истории ухода туркмен с Мангышлакского полуострова в Астраханские степи и на Северный Кавказ», отмеченная в оглавлении в начале брошюры, практически отсутствует. Сохранился ли полный отредактированный текст брошюры, где и у кого он находится, в настоящее время сказать невозможно. Может быть, дальнейшие архивные и иные поиски помогут ответить на этот вопрос.

В обнаруженном же рукописном материале автор капитально подходит к рассмотрению затронутой темы. Первый раздел – «Обзор литературы о туркменах Северо-Кавказского края» – посвящен краткой характеристике соответствующих архивных

10 В списке работ Г.И. Карпова, приложенном к некрологу о нем в журнале «Советская этнография», названный очерк также отнесен к 40 работам, подготовленным Георгием Ивановичем к печати, но не изданным (СЭ. 1947. № 3. С. 165).

11 Объем данного материала – 24 условных стр. рукописи – также более или менее соответствует указанному в списке объему в 1 печ. л.

материалов Оренбургской и Астраханской губерний и Кавказа, а также специальных исследований дореволюционных авторов Щеглова и Карутца, советского антрополога Ярхо с критикой концепции последнего о «вымирании» ставропольских туркмен. Далее автор останавливается на серии статей в газете «Туркменистан» (Ашхабад) за 1925, 1929 и 1930 гг. таких авторов как Джума Ниязнепесов, Тулеек Назаров, Курбан Кулиев, Кульмухаммедов и Тумаилов, в которых они затрагивают вопросы истории и языка северокавказских и астраханских туркмен, предлагают в порядке шефства оказать им разного рода материальную помощь.

Г.И. Карпов остро критикует позицию Тумаилова (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 5–6) в его публикациях о ставропольских туркменах относительно одинаковости семейного (домашнего) быта у всех социальных слоев этой группы, в частности его утверждения, что поскольку ставропольские туркмены являются скотоводами, то, скажем, различий в одежде бая и бедняка у них нет. У Кульмухаммедова же (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 6–7) Георгий Иванович критикует отрицание последним влияние на туркмен Хивы, а с другой стороны, отрицание значения туркмен в истории Средней Азии, его бездоказательное и путанное выступление против публикации одного из вышеназванных авторов – Курбана Кулиева, упрощенное объяснение ухода туркмен с Мангышлака в астраханские степи лишь природными богатствами юга России, забывая о притеснении их, особенно в XVII–XVIII вв., со стороны хивинских, казахских и калмыцких ханов.

Далее говорится о некоторых опубликованных и подготовленных к публикации сборниках документальных материалов по истории Узбекистана, Таджикистана и Туркмении в XVI–XVII вв., где имеются данные и о туркменах Мангышлака, откуда вышли переселенцы на территорию России. В связи с этим упоминается о подготовке по договору с Институтом истории ТССР, который тогда возглавлял Г.И. Карпов, подборки переводов из иранских хроник коллективом научных сотрудников Института Востоковедения АН СССР под руководством академика А.Н. Самойловича.

Вторая глава брошюры называется «Прошлое туркменских племен». Здесь Георгию Ивановичу захотелось прежде, чем перейти непосредственно к исследуемой группе, ее контактам и взаимовлияниям с рядом соседних народов, дать более широкую картину историко-этнических связей туркмен. «Исторические судьбы туркменского народа, – пишет он, – с самых ранних времен были в той или иной степени связаны с историей тех народов (государств), с которыми туркменам приходилось сталкиваться во всех своих бесчисленных передвижениях» (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 15). Эти контакты он кратко прослеживает с VI в., с тюрок-огузов, приходя к выводу о том, что к началу XIX в. собственно туркмены в известной степени утратили свои прошлые бытовые и иные особенности, подвергнувшись сильному влиянию в своем историческом, культурном и хозяйственном развитии со стороны других народов – прежде всего ираноязычных, хорезмийцев и хорасанцев, а затем арабов и монгол. В свою очередь, туркмены тоже сыграли большую роль в истории соседей, в правящих Сельджукидской, Тимуридской и других династиях (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 16).

Далее приводится справка о том, где в настоящее время на территории нашей страны и за рубежом живут отдельные туркменские племена и роды, которые в свое время все расселились на территории Туркменистана, а затем по разным причинам оказались в иных регионах (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 17–18). В СССР это – Хорезмский и Бухарский районы¹² Узбекистана, Джилкикульский район Таджикистана, Туркменский район (в середине 1950-х годов расформирован – С.Д.) Северного Кавказа, Мангышлакский округ Казахстана, вблизи Астрахани (3 поселка), в районах Ферганы, Азербайджана (без уточнения); за рубежом – Мазарिशерифская провинция Афганистана (Шибарган, Андхой, Меймене), Астрабад-Шахрудский район и провинция Фарсисан в Иране, районы Смирны и Антитавра в Турции.

Затем, переходя к астраханским и северокавказским туркменам, автор отмечает, что в прошлом их предки довольно сво-

¹² Здесь слово «район» использовано в значении «область, регион».

бодно кочевали на просторах между реками Урал и Амударья, но главным образом на Мангышлаке. С появлением же калмыков и движением на юг казахов-адаевцев, представители туркменских племен човдур, игдыр и союзджаджи ушли с территории последнего в Российские владения (РФ ЦНБ АНТ, Р-149. Л. 18). Говорится, что о причинах ухода туркмен с Мангышлака будет показано (очевидно, подробно – *С.Д.*) в следующей, третьей (к сожалению отсутствующей – *С.Д.*) главе.

Следует добавить, что материал брошюры сопровождается выполненной в черновом варианте «Сводной таблицей племен, входивших в состав Есенхановского / Эсенхановского улуса». Здесь в схематичном исполнении дан ряд северо-западных туркменских племен (в том числе и племена переселенцев в Россию) – бурунджик, игдыр, чаудор, абдал, дюеджи, соинаджи и бозачи. У большинства из них указаны и более мелкие родовые подразделения. А такие этнонимы как соинаджи и бозачи тщательно проработаны в плане вариантности: по первому из них приведено семь вариантов, а по второму – четыре.

х х х

Касаясь туркмен, проживающих за пределами не только Туркменистана, но и нашей страны, Г.И. Карпову удалось опубликовать тоже весьма немного – практически лишь некоторые данные в упомянутой статье «Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану», вышедшей в «Известиях ТФ АН СССР» в 1945 г. (Карпов, 1945а). В то же время в рукописном наследии ученого имеется немало материалов и готовых работ, прежде всего по Ирану, в которых значительное место занимают данные о туркменах.

Что относится к вышеназванной статье, то следует сказать, что она состоит из двух разделов. В первом – «Туркмены племени Баят» – автор пишет, что делает лишь попытку «свести воедино разрозненные сведения о баятах по доступным для нас литературным источникам и сведениям, собранным на месте, в ТССР. Сведения эти представляют, как мне кажется, некоторый

научный интерес, но ограниченность последних не позволяет пока раскрыть исторические судьбы этого интересного племени, сыгравшего организующую роль в прошлой истории Северного Ирана и в Малой Азии» (Карпов, 1945а. С. 57). К сведениям, собранным на месте, относятся, в частности, полевые материалы внештатного сотрудника Туркменкульта Егена Мурадова, командированного Карповым в 1931 г. в Дейнауский, Старочарджоуский и Бурдалыкский районы Чарджоуской области, и данные, полученные Георгием Ивановичем из Бурдалыка в 1934 г.

Несмотря на небольшой объем данной публикации, читатель может ознакомиться подробно с поаульным расселением баятов в одиннадцати селениях трех названных районов, их численностью, родоплеменными подразделениями бурдалыкских и старочарджоуских баятов, некоторыми бытовыми особенностями представителей этого племени (в частности, что касается женской одежды), преданием об исторических связях баятов с племенами каи и салыр, вхождении мелких баятских родов в состав салыров, эски, чаудоров и игдыров. Отмечается, что несмотря на более чем двухсотлетнее влияние соседних узбеков, баятские роды и аулы сохранили постоянную тесную бытовую (а в прошлом и военную) связь между собой.

Далее автор кратко останавливается на представителях племени баят, расселяющихся за пределами современного Туркменистана. В нашей стране это баяты Каракульского района Бухарской области Узбекистана (в 1927 г. – 1080 чел.), живущие здесь по-соседству с выходцами из других туркменских родоплеменных образований – чандыр (чаудор), амир-али (гемрели), караколь, уа, салыр, саят (Карпов, 1945а. С. 56). За рубежом в настоящее время баяты расселяются в Иране (до 7000 семейств) – в районах Нишапура, иранского Азербайджана, в Тегеране и среди кашкайцев Фарсисстана, где они известны как баят, бай-эт и беят. В Турции также 16 селений в разных вилайетах носят название Баят. Часть баятов в XI в., во времена сельджукских походов, проникла даже в Сирию.

В конце раздела Г.И. Карпов делает выводы-предположения о том, что: племя баят в прошлом примыкало к огузско-туркменскому племенному союзу (XI в.); в XIII–XIV вв. баяты локали-

зовались в основном на средней Амударье и в северо-восточных районах Ирана – Боджнурде, Себзеваре и Нишапуре, но в конце XVI – начале XVII вв. часть их в связи с поселением в пограничной с Туркменистаном зоне курдов была оттеснена на юго-восток Ирана; в судьбах северо-востока Ирана при Сефевидах и Надир-шахе баяты представляли серьезную военную силу, а некоторые из них при Надире занимали высокое положение в управлении Хорасанской провинцией и городом Мервом (Карпов, 1945а. С. 57).

Второй раздел публикации называется «Кызылбашские племена Ирана». В нем, как и в первом, широко используя различные литературные источники и особенно «Подробную географию Ирана» Масуда Гихана (Тегеран, 1932), автор делает исторический экскурс в период средневековья в связи с проникновением и расселением на территории Ирана тюркоязычных племен. Часть из них, помимо живущих там йомутов, гокленов, алили, аннаули и сарыков, родственных соответствующим племенам Туркменистана, в недавнем прошлом также относилась к туркменской группе. Это, в частности, и емрели (эмирлу, амир, эмир) с халаджаками, проживающие в провинции Фарсиستان среди кочевников-кашкайцев, и тильки, баверды (из Абиверда Каахкинского района), кеи (каи) и салоры, живущие там же среди луров, и другие родоплеменные подразделения.

Однако главное внимание здесь Г.И. Карпов уделит выяснению состава лишь одной тюрко-туркменской группы – Кызылбашского племенного союза, состоявшего в XIII–XVI вв. из семи крупных основных и восьми мелких племен. Часть этих племен по происхождению он считает туркменскими. Автор приходит к выводу, что «организующая роль в создании кызылбашского союза несомненно принадлежит туркменам – авшарам, бахарлу и баяндур» (Карпов, 1945а. С. 59). В качестве одного из аргументов своего ретроспективного анализа Георгий Иванович приводит целый ряд примеров, когда этнонимы встречающихся в Иране тюркоязычных племен сельджукского круга, которые ныне не считаются туркменами, обнаруживаются в составе структуры ряда туркменских племен на территории Туркменистана.

К публикации приложен список работ западных, русских и восточных (в том числе иранских и турецких) авторов.

Краткое упоминание об афганских туркменах, помимо уже имевших место при рассмотрении некоторых работ Г.И. Карпова выше, встречаем и в подготовленном им на основе опубликованной литературы в августе 1941 г. по поручению председателя Совнаркома ТССР Худайбергенова «Кратком обзоре Афганистана».

Здесь, в разделе втором, посвященном населению страны, касаясь группы «Тюрки», автор отмечает, что это – в большинстве туркмены, принадлежащие к племени эрсари, в прошлом¹³ родственные нашим туркменам-эрсаринцам, проживающим в районах Чарджоуской области. Расселены туркмены главным образом в пределах Афганского Туркестана – в окрестностях Меймене, Андохя и Шибаргана Мазар-и-Шерифской провинции. Часть их проживает также в провинции Бадахшан, прежде всего близ границы с Советским Союзом. В этих же, вышеперечисленных районах расселяются и узбеки, которых особенно много в Меймене. Общее количество туркмен и узбеков в пределах Афганистана достигает от 700.000 до 1.000.000 человек (РФ ЦНБ АНТ, Р-85. Л. 7–8).

Говоря об Афганистане, остается лишь пожалеть, что Георгию Ивановичу как исследователю не довелось там побывать. Иначе, имея в виду его любознательность и энергичность, мы наверняка приобрели бы богатый и интересный историко-этнографический материал о жизни и быте тамошних туркмен. На эту мысль невольно наталкивают результаты поездки Карпова в другую сопредельную с Туркменией страну – Иран.

Во время экспедиции 1942–1943 гг. в Иран поставленная перед Г.И. Карповым конкретная задача вовсе не была связана именно с исследованиями среди туркмен. И тем не менее он, несмотря на целый ряд сложностей разного характера, сумел за короткое время, отпущенное для изучения тех районов, где проживали и туркмены, сделать интересные полевые наблюдения, результаты которых, как практически почти весь иранский материал Георгия Ивановича, ждут своего опубликования. Будучи, в частности, в таких провин-

¹³ Неясно, почему «в прошлом». Возможно, какую-то роль в таком определении сыграли политические мотивы – разделение границей на две разобщенных части.

циях как Горган и Хорасан, он неоднократно встречался с туркменами, бывал в их аулах, собирал о них самые различные данные.

Еще до отъезда в экспедицию в составленном на базе литературных источников в конце августа – начале сентября 1942 г. по поручению председателя Совнаркома ТССР Худайбергенова и секретаря ЦК КП/б/Т Перманова «Кратком обзоре Ирана» Г.И. Карпов посвятил непосредственно туркменам три из восемнадцати небольших разделов. Они так и называются – «Туркмены-иомуды в Иране», «Туркмены-гоклены в Иране» и «Туркменские всадники на персидской службе» (РФ ЦНБ АНТ, Р-124. Л. 26–31). В этих разделах излагаются сведения о представителях двух основных туркменских племен, расселяющихся в Северо-восточном Иране, и об использовании иранскими правителями туркмен как военной силы. Упоминаются туркмены и в некоторых других разделах «Обзора» – посвященных общей характеристике населения страны и северным провинциям Ирана.

Сводные сведения о туркменах из отечественной и иностранной литературы фигурировали, естественно, и в «Списке народностей Ирана», составленном Г.И. Карповым в сентябре 1942 г., до поездки в Иран, тоже под грифом «Для служебного пользования» (РФ ЦНБ АНТ, Р-33). Однако более развернуто данные о туркменах нашли отражение в аналогичном «Списке», но подготовленном Георгием Ивановичем в мае 1943 г., уже по возвращении из Иранской экспедиции. Выделенный в качестве самостоятельного раздел «Туркмены», где приводятся статистические данные о них, занимает в шестидесятистраничной работе целых три страницы (РФ ЦНБ АНТ, Р-3. Л. 57-59; см. также Р-32).

В оперативно, как и новый вариант «Списка», подготовленном Г.И. Карповым отчете-описании одиннадцати маршрутов экспедиции мы также находим сведения об иранских туркменах. Еще больше их в прилагаемом к этому отчету «Кратком описании Горганского остана», т.е. провинции Ирана, где проживает основная масса иранских туркмен (Карпов Г.И. Материалы по Ирану. 1942-1943. РФ ЦНБ АНТ, Р-45. Л. 98–121). Так, на 1 октября 1942 г. в упомянутой провинции из 242 тыс. человек всего населения на долю туркмен-иомудов приходилось 127 тыс., а всего в Север-

ном Иране туркмен насчитывалось 175 тыс. В северо-восточной провинции, Хорасане, в ее Кочанском, Дерегезском, Келятском и Серахском районах имеется еще 7 тысяч представителей разных туркменских племен: салыров, сарыков, алили, теке, емрели, анаули и др. (Карпов Г.И. Иран. 1942-1945. РФ ЦНБ АНТ, Р-5. Л. 2).

То, что интерес Г.И. Карпова прежде всего как этнографа к туркменам Ирана не ослабел и спустя значительное время после его возвращения из экспедиции в эту страну, говорит не только анализированная выше статья «Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану», поступившая в редакцию журнала в апреле 1945 г., но и намерение его написать серьезную работу специально по основному региону сосредоточения иранских туркмен – Туркменской степи. В одной из папок рукописей мы обнаруживаем относящийся тоже к 1945 г. небольшой черновой набросок-эскиз под таким же названием с подзаголовком «Краткий обзор и материалы», но, увы, с действовавшим в то время грифом «Не подлежит оглашению». Отдельные заметки и наблюдения, связанные с туркменами, но не вошедшие в официальный отчет, встречаются в самых неожиданных местах ряда «иранских» папок Георгия Ивановича (об отливке учащихся из правительственных школ в открывшиеся в туркменских аулах в последнее время местные, конфессиональные школы; о настроениях обособленности туркмен от иранцев и надежды на нашу страну; о святилище Имам-заде Ибрагим близ аула Сефедчи у Горгана; о начале курения терьяка и питье водки среди иомудов и гоклен в последнее время при Реза-шахе, и т.д., и т.п.). Еще больше должно быть бытовых моментов в записных книжках Г.И. Карпова с непосредственными записями полевых материалов¹⁴.

Различные вопросы этнографии туркмен

В своих этнографических исследованиях помимо ведущей темы, на которой мы останавливались выше, Г.И. Карпов широко интересовался самыми разными сторонами жизни и быта туркменского общества в прошлом и настоящем, его традици-

¹⁴ К сожалению, из пяти таких книжек нам удалось пока обнаружить только две, маршруты которых не связаны с районами расселения туркмен.

ями и элементами нового. Среди них национальная структура этого общества и хозяйственные отношения в нем, семейный быт и религиозные представления, ряд иных вопросов. Поэтому, по возможности, следует кратко остановиться на разных аспектах этнографии туркмен, нашедших свое большее или меньшее отражение в публикациях и материалах Георгия Ивановича.

Прежде всего нужно сказать, что, отдавая столько внимания разработке темы родоплеменной структуры туркмен, Г.И. Карпов не мог не коснуться такого, хотя и частного, но тесно связанного с нею вопроса как родоплеменные знаки – т а г м а (в русскоязычной литературе используется другой, более привычный вариант названия – *тамга*). О том, что Георгий Иванович проявлял серьезный интерес к изучению туркменских тамг, свидетельствует хотя бы то, что им он посвятил два научных эссе: в 1929 г. в журнале «Туркменоведение» напечатал статью «Тагма» (Родовые знаки у туркмен)» (Карпов, 1929г), а через шестнадцать лет снова вернулся к этому вопросу в публикации «Родовые тамги у туркмен» в «Известиях ТФ АН СССР» (Карпов, 1945д).

Сопоставляя эти, написанные на одну и ту же тему работы, можно увидеть рост автора как ученого. Об этом говорит не только более богатый и разносторонний основной и сопоставительный фактический материал, но и значительно более четкие выстроенность и анализ этого материала.

В первой публикации Г.И. Карпов, касаясь объекта исследования, подходит к вопросу широко: «Клейма – как знаки собственности – встречаются у всех народов на низших ступенях их общественного и культурного развития и находятся в тесной связи с их общественно-экономическим строем... Почти у всех кочевников Средней Азии существуют родовые знаки, представляющие из себя, в большинстве, изображения того, что окружает кочевника» (Карпов, 1929 г. С. 29).

Далее отмечается, что тамги (тавра, клейма) бывают родовые, общинные или дворовые, личные, хотя последние возникают не только при распаде родовой общины (клана), но и при существовании внутри ее мелких родовых групп. Автор перечисляет основные объекты клеймения или таврения. Это крупные до-

машние животные, предметы домашнего обихода, снаряжение, оружие; в прошлом клеймили порой и людей.

Затем делается интересный экскурс в период развитого средневековья в тюрко-монгольской истории – во времена Чингисхана, в армии которого была установлена в качестве одной из высших должностей *бекоула* или по-тюркски хана-тамгалыка, в обязанности которого, помимо прочего, входило наложить тамгу на захваченную добычу. У монголов, кроме отдельных тамг, роль различителя играла и традиция подбирать боевых коней в каждом отряде по особой масти – белых, вороных, рыжих и пегих. Обмундирование и снаряжение отрядов также были различны по цвету, что облегчало управление ими во время боя. Эту традицию автор проецирует и на отдельные туркменские племена, считая, что у них в той или иной степени сохраняются остатки отличий времен монгольских походов.

Так, например, туркмены-теке предпочитают красный цвет одежды, сарыки и салыры – желтый, иомуды – зеленый. К этому следует добавить, что во времена туркменчилика, т.е. до занятия степей русскими в отрядах теке знамена были красного цвета, а у иомудов – зеленого. Теке предпочитают лошадей гнедой, а иомуды вороной масти (Карпов, 1929 г. С. 29). Сохранению архаики, по мнению автора статьи, способствовало то, что теке и иомуды позднее других туркменских племен начали переходить к оседлому образу жизни. Это, особенно в быту текинцев, можно проследить и в таких элементах их культуры и быта как музыка, пение, пища и т.д. Правда, в отношении тамг Г.И. Карпов оговаривается, что заняться их сбором и изучением среди теке у него пока не было возможности. Поэтому тамги, послужившие конкретным материалом для данного исследования, собраны, главным образом, у прикаспийских иомудов, сарыков и салыров (в таблице, приведенной в статье, мы видим также тамги нохурли и ходжа – С.Д). Затем говорится о клеймении разных видов крупного домашнего скота, об используемом для клеймения инструменте, чей рисунок дается в статье.

В работе проводится мысль, что в настоящее время у туркмен тамги существуют родовые и личные, причем родовые –

у кочевников-скотоводов, а личные – у земледельческой части и у скотоводов по отдельным хозяйствам (Карпов, 1929 г. С. 30). Далее на двух страницах автор приводит таблицу тамг из труда Абуль-Гази¹⁵ и сообщает результаты запросов на места о том, сохранились ли изображения подобных тамг в современном туркменском быту. Отмечает преемственность с вариантами тамг по Абуль-Гази у четырех туркменских родоплеменных подразделений (Там же. С. 34).

Следующие две страницы занимает сводная таблица туркменских тамг, собранных автором, включающая в себя 20 их видов (Там же. С. 32–33). Георгий Иванович выделяет среди них повторяющиеся четыре типа основных изображений: элип (алиф – первая буква арабского алфавита в виде вертикальной черты); алыклы берче (пастушеская палка с загнутым концом), Ян (досл. «прижигание») и гоч гуйрук (бараний хвост)¹⁶ (Карпов, 1929 г. С. 30); халка (круг, кольцо). Хотя, как справедливо замечает автор, общий рисунок еще не означает родства, так как сюжеты рисунков могут, повторяясь, возникать в разных местах независимо друг от друга.

Далее приводится небольшая сопоставительная таблица шести туркменских тамг времен Абуль-Гази с тамгами Золотой Орды и современных туркмен. При этом допускается возможность заимствования некоторых тамг из числа золотоордынских. В конце статьи высказывается правильная, с нашей точки зрения, мысль о том, что тамги в ходе этнической истории то вливались в имевшееся собрание клейм, а то и исчезали с вхождением одного рода в другой, более сильный (Там же. С. 34). Также делается попытка свести называвшихся выше три варианта туркменских тамг к трем исходным сюжетным изображениям: предметы домашнего обихода; пастушеские; взятые из арабского алфавита – «элип» (Там же. С. 35). Даны в статье и таблица из пяти рисунков, изображающих пять видов клеймения мелкого рогатого скота

путем соответствующего надреза уха (Там же. С. 33), а также некоторые иные сведения.

Во второй статье нет общих положений и экскурсов в сторону, а автор, как говорится, сразу берет быка за рога, приступая к анализу туркменской действительности: «Одним из указателей этнической принадлежности туркменских племен могут служить существующие у туркмен родовые тамги (тагма) – знаки родовой и частной собственности» (Карпов, 1945д. С. 43).

Конкретизируется, где можно встретить изображения тамг помимо скота: в ковровых рисунках, на посуде, в надписях на надгробных камнях, на постройках и различных иных предметах собственности. Отмечается, что до последнего времени значение родовых тамг у туркмен признавалось более важным, чем тамг частных. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в первом случае пропажа скота с родовой тамгой и наказание воров определялись советом старейшин (аксакалов) данного рода; во втором же – этот совет рекомендовал потерпевшему самому разобраться с похитителем. При дроблении рода на подроды и колена основное начертание родовой тамги сохранялось, но приобретало некоторые отличия.

Все это автор показывает на изображенной на трех страницах таблице 1, которая составлена на основе данных по тамгам текинцев, помимо упоминавшихся уже в первой статье салыров, сарыков, нохурли, гоклен и иомутов (приведен также материал по ходжам и махтумам). В четырех колонках таблицы даются в следующей последовательности: племя; род, колено; начертание тамги; ее название. Вместо 20 видов тамг, приводившихся в первой статье, здесь фигурируют уже 44. Причем, как отмечает автор, по другим племенам и родам регистрация тамг продолжается.

Приведенные тамги по их начертаниям автор сводит к четырем группам: кольцо (халка), крест (атанак), рога быка и прямая вертикальная черта (элип; таяк эрновли и т.д.) (Карпов, 1945д. С. 43)¹⁷. Эти четыре сюжета явились основой, занявшей далее

15 Имеется в виду книга: Абуль-Гази-Бохадур-Хан, 1897. См. Также: Кононов, 1958 – Примеч. ред.

16 Здесь, очевидно, ошибка: не гоч гуйрук, а гоч буйруз – «бараньи рога» – С.Д.

17 Здесь, правда, говоря о «рогах быка», автор почему-то упускает из виду «рога барана», хотя сам же приводит тамги по салырам, носящие это название. Какой-либо попытки интерпретации семантики выделенных сюжетов также, к сожалению, не предпринято.

четыре страницы таблицы 2, где на 50-ти примерах проведено сравнение сходства туркменских тамг по начертанию с тамгами других народов. В качестве сравнительных данных использован материал по древним и современным тюркоязычным племенам огузов, казахов, ногайцев, киргизов, башкир, а также алжирская тамга, рисунки на сасанидских ковры и монетах (IV в.), с городища Ниса (последние века до н.э. – первые века н.э.) под Ашхабадом, крепостей Гяур-Кала (I в. до н.э.) и Кизылча-Кала (XII в. н.э.) в Ташаузской области.

Результаты этого сопоставления подводят автора к следующим выводам: часть огузских тамг перешла к туркменам и, как правило, сохранилась у них в неизменном виде до наших дней; имеется сходство основных тамг туркменских племен теке, салыр, иомуд и сарык с основными казахскими тамгами у племен агрын, Кирей, канглы, кипчак, а также с ногайскими; имеется сходство некоторых существующих у туркмен тамг с тамгами древних иранцев (Сасанидов) и хорезмийцев; и, наконец «туркменские тамги, даже в том их незначительном количестве, которое ... удалось собрать, представляют ценный сравнительный материал ... исследования этногенеза туркмен» (Карпов, 1945д. С. 49).

Работа Г.И. Карпова сопровождается списком источников и литературы, насчитывающим тринадцать единиц. Причем три из них составляют рукописные материалы с записями тамг, сделанными соответственно: М. Аташевым у текинцев-скотоводов Ашхабадской области, Н. Козелковым в 1938 г. в ауле Меана Каахкинского района Ашхабадской области и Гаибом Непесовым у туркмен Ташаузской области.

Кроме тамг Г.И. Карпов проявил интерес у целому ряду иных вопросов и черт, связанных с бытом туркмен. Некоторые из них нашли отражение в его публикациях, другие остались в виде архивных материалов. Не имея здесь возможности остановиться на них так же подробно, как и на вопросе о тамгах, перечислим лишь часть из них. Это и традиционный выкуп за невесту – калым, тесно связанный у земледельцев с правом землепользования (Карпов, 1930). И уходящие в седую древность родового строя экзогамия и эндогамия (РФ ЦНБ АНТ, Р-131) – вопрос, над которым

Георгий Иванович продолжал трудиться и в конце января 1947 г., т.е. за два месяца до кончины, стремясь, очевидно, принять участие в предполагавшейся дискуссии по этой проблеме в Институте этнографии АН ТССР. Дискуссия, организованная вновь возрожденной группой общей этнографии, состоялась в Институте 8 апреля 1947 г., когда Г.И. Карпова уже не было в живых. Это и такое характерное для общественно-социальных отношений туркмен до включения Туркменистана в состав Российской империи явление как аламаны – регулярные походы на сопредельные земли с целью грабежа и захвата пленных рабов (Карпов, 1931а). И символ женского затворничества – яшмак (РФ ЦНБ АНТ, Р-71), и обряды, связанные с огнем (Бахтияров, 1928), и родовые аксакалы (РФ ЦНБ АНТ, Р-6), и народные развлечения (РФ ЦНБ АНТ, Р-208), и многое-многое другое.

Туркменский фольклор, литература и язык

Подлинная этнография не может не быть в тесном контакте с устным народным творчеством. Не мог остаться в стороне от богатств туркменской народной мудрости и Г.И. Карпов. Бывая в разных уголках республики, он прислушивался, записывал, собирал образцы туркменского фольклора, пригодившиеся ему, в частности, в 1934 г., когда Георгий Иванович создавал свою фольклорно-литературную комедию «Кель». Памятью о сборе фольклора остались его рукописные материалы (Фольклор – РФ ЦНБ АНТ, Р-54; Фольклорный материал. 1935. РФ ЦНБ АНТ, Р-67; РФ ЦНБ АНТ, Р-158¹⁸) и некоторые публикации (Курбанов, Карпов, 1931. С. 86-88; Карпов, Поцелуевский, 1934). Конечно, наиболее ярким и впечатляющим изданием в этом плане стала выпущенная в 1936 г. в г. Москве книга «Творчество народов Туркменистана», которую Г.И. Карпов подготовил вместе с Н.Ф. Лебедевым (о ней речь впереди). Впрочем это издание явилось на тот период своего рода показательным не только в плане знакомства с образцами туркменского устного

¹⁸ Работа А.П. Поцелуевского была издана значительно позже (1960). Текст Г.И. Карпова в публикацию не вошел – *Прим. ред.*

народного творчества, но и с лучшими образцами классической и современной поэзии.

Поэтическое творчество туркменских поэтов-классиков и, в меньшей степени, мастеров слова – современников также вполне закономерно, согласно вечной триаде (фольклор-классика-язык), притягивало к себе сердце исследователя, хотя основные материалы (Туркменские поэты-классики Сейди и Зелени, РФ ЦНБ АНТ, Р-198; Роман Магруппи «Юсуп и Ахмед». РФ ЦНБ АНТ, Р-84; Карпов, Лебедев. О двух Юсуфах. РФ ЦНБ АНТ, Р-64) и публикации (Карпов, 1932а, б; Магруппи, 1944) в этом плане пришлось на период несколько более поздний – конец 1930-х – начало 1940-х гг.

Особое место здесь заняла по праву фигура Махтумкули. В 1942 г. общественность республики готовилась отметить 160-летие со дня смерти поэта и Г.И. Карпов как руководитель Института истории, а затем объединенного Института истории, языка и литературы еще в предвоенный период, в 1940 – первой половине 1941 гг., проводил энергичную подготовку к знаменательной дате любимого поэта, о чем свидетельствуют архивные материалы (Махтум-Кули, 1940. РФ ЦНБ АНТ, Р-74). Свою личную лепту в знак уважения к великому классику Георгий Иванович выразил в создании уже в 1941 г. монографии «эпоха Махтум-Кули», объемом в 4 печ. листа, где он сумел реализовать себя как историка и этнографа (Эпоха Махтум-Кули, 1941. РФ ЦНБ АНТ, Р-37; Р-118). О монографии подробно информировал читателей в своем сообщении Туркмен ТАГ в газете «Туркменская искра» за 19 июня 1941 г. К сожалению, в связи, очевидно, со сложностями военного времени или другими причинами монография так и не была издана, и широкий читатель мог в какой-то степени судить о ней лишь по напечатанному газетой «Туркменская искра» отрывку, в котором рассматриваются два взаимосвязанных вопроса – отношение Махтум-Кули к суфизму и его поступление в престижное медресе Хивы, а также система мусульманского образования (Карпов, 1941б).

В 1936 г. в Москве в Государственном издательстве художественной литературы вышел преследующий своей целью впер-

вые столь широко познакомить всесоюзного читателя с творчеством народов одной из союзных республик сборник «Творчество народов Туркменистана». Его составление, перевод вошедших в него образцов поэзии поэтов-классиков и произведений фольклора, а также подготовка примечаний к ним были осуществлены Г.И. Карповым и Н.Ф. Лебедевым (Творчество..., 1936).

В сборник, который открывает стихотворение «Салам» («Привет»), посвященное участникам конного пробега Ашхабад – Москва в 1935 году, включено 71 произведение. Четверть книги составляют стихотворения туркменских поэтов-классиков XVIII–XIX вв. Махтумкули, Зелили, Сеиди, Кемине, отрывки из поэм «Гариб и Шахсенем», «Саят и Хемра», эпического романа «Кёр-оглы», образцы народных поэтов предреволюционного и революционного периодов – Кара-шахыра, Курбан-шахыра, Ходжакули. Основная часть сборника – разделы «Туркменские народные песни», как дооктябрьского, так и послеоктябрьского периодов, и «Туркменские сказки и бытовые рассказы».

Однако данное издание в соответствии со своим названием не ограничивается лишь образцами творчества туркмен. Интерес к нему усиливается включенным в него, в отличие от более поздних публикаций аналогичного характера (см., напр.: Антология..., 1949; Туркмен поэзиясынын..., 1958), разделом «Песни других народностей Туркменистана», в который вошли белуджские, берберийские, сеистанийские, афганские, иранские, ногайские песни. Особняком стоят песни анатолийских турок, записанные от военнопленных турок в Байрамали, где они находились в период первой мировой войны и некоторое время после ее окончания.

Часть включенных в данную книгу материалов была взята из сборников, изданных ранее. Туркменские же народные песни дореволюционного и революционного периодов записали Г.И. Карпов и Н.Ф. Лебедев в разных районах Туркменистана в 1922–1936 годах. Г.И. Карповым также были осуществлены записи народных поэтов, кроме поэмы Кара-шахыра «Мерв – владыка мира». Им же в 1926 г. в Ашхабадском районе от одного из седобородых яшули было записано включенное в сборник за-

мечательное восьмистрофное стихотворение Зелили «Прощай», которое поэт написал, будучи угнан Мухаммедрахим-ханом как пленник с родины в далекую Хиву. Ни оригинала, ни копии этого стихотворения, отмечает М. Косаев, не сохранилось в Рукописном Фонде Института литературы АН ТССР и было бы большим вкладом в творчество Зелили, если бы кто-либо из поэтов перевел его на туркменский язык (Косаев, 1988). Впервые русскоязычный читатель мог прочитать здесь и стихи Кемине, переведенные с оригиналов, собранных Туркменским государственным научно-исследовательским институтом.

В коротком предисловии, которое составители предпослали своему сборнику, они пишут: «В переводах мы старались возможно точнее передать содержание и форму подлинника» (Творчество..., 1936. С. 6). Это, правда, удалось далеко не везде. Сейчас трудно сказать, кто делал стихотворный, рифмованный перевод. Очевидно это с подстрочников, сделанных составителями, было осуществлено профессиональными поэтами, не знавшими или недостаточно знавшими русский язык оригинала. О чем, в частности, говорит то, что некоторые выражения оставлены в дословном переводе. Например, во включенной в сборник туркменской народной песне «Поражение теке (Песня про взятие Геок-Тепе)», по записи профессора А. А. Семенова, дважды выделено странно звучащее для русскоязычного читателя выражение «Баран-Боец» (Творчество..., 1936. С. 60–61), что в оригинале, очевидно, звучало как «гоч йигит», т. е. «молодец, удалец, смельчак».

Сборник завершает подготовленный его составителями пояснительный словарь, который насчитывает 106 собственных имен и местных терминов. Их толкование облегчает читателю постижение содержания произведений, включенных в книгу. Даваемые в словаре объяснения в основном вполне удовлетворительны, хотя отдельные формулировки следовало бы уточнить (Творчество..., 1936. С. 147–148). Так, герой туркменского эпоса Гёр-оглы определен как «тюрко-татарский народный герой XVII века»; бек – феодальный правитель более низкой ступени – считается как «князь, член царствующего дома по мужской линии»; мюрид – духовный последователь того или иного

суфийского деятеля – шейха, пира или ишана – объяснен как «странствующий монах, поклонник какого-либо ишана», хотя основная масса мюридов никогда не была странствующими монахами-дервишами. В целом же, издание подобного сборника, о котором литературовед Мяти Косаев в цитированной публикации сказал, что «взяв в руки, его нелегко положить на место», имело большое значение, внося свою лепту в процесс взаимного знакомства и сближения культур разных народов нашей страны.

Будучи по основному направлению своих научных интересов историком и этнографом, Г. И. Карпов, тем не менее, горячо интересуясь туркменским языком, внес определенную лепту и в туркменское языкознание. Имеется в виду составление им в 1938–1940 гг. совместно с Ш. Батыровым наиболее крупного для того времени «Русско-туркменского словаря», впервые подготовленного на базе кириллицы, на которую туркменская письменность перешла в 1940 г. К сожалению, начавшаяся Великая Отечественная война, а затем ашхабадское землетрясение 1947 г. отодвинули издание этого словаря до 1948 г., когда не было уже в живых одного из составителей – Г. И. Карпова и одного из редакторов – Х. Байлиева.

Выпущенный Институтом истории, языка и литературы ТФ АН СССР 15-тысячным тиражом, словарь этот сыграл значительную роль в изучении туркменами русского языка, а нетуркменами – туркменского (составители подчеркивают прежде всего второй аспект) (Русско-туркменский словарь, 1948). В предисловии не указывается, как это бывает чаще всего, количество включенных в словарь слов, однако примерный подсчет говорит о более чем 20 тыс. лексических единиц. Такого объема русско-туркменских словарей в республике не издавалось вплоть до выхода в 1986 г. двухтомника, охватившего 77 тыс. слов.

Значение выхода словаря, в составлении которого принимал участие Г. И. Карпов, усиливалось еще и тем, что со времени издания предыдущего русско-туркменского словаря, если не считать маленького карманного словарика, выпущенного Туркменским институтом языка и литературы в 1939 г., прошло целых двадцать лет (1929) и опирался он на латинскую графику, давно уже

не используемую туркменской письменностью. В словаре, о котором ведется речь, на долю Г.И. Карпова, как составителя, выпала, очевидно, подготовка его русской части. Для туркменской же половины были, помимо прочего, использованы словарные материалы, подготовленные такими получившими в дальнейшем широкую известность филологами как Б. А. Каррыев, П. Азимов, А. Кекилов и др. (Русско-туркменский словарь, 1948. С. 6).

Кроме того, интересуясь не только как историк и этнограф, но и как просто любознательный человек, туркменской ономастикой – наукой об именах, Г.И. Карпов собрал в этом плане прежде всего определенные материалы по такому ее разделу как топонимика, т.е. о названиях местностей. Материалы эти, хранящиеся в рукописном наследии ученого, как и многое другое, ждут своего часа (Материалы по туркменской топонимике. РФ ЦНБ АНТ, Р-15; Топонимика. РФ ЦНБ АНТ, Р-88).

Другие народы и страны

Помимо туркмен и Туркмении как главного в этническом и географическом отношении объекта исследований Г.И. Карпова его живо интересовали история, жизнь и быт других народов и регионов как на территории нашей страны, так и за ее рубежами.

В поле зрения Георгия Ивановича прежде всего, естественно, попадали представители тех народов, с которыми он сталкивался в процессе своей деятельности в Туркменистане. Особый интерес вызывали выходцы из малочисленных национальных групп, проживавших на территории республики, о которых до начала непосредственных контактов с ними или изучения по имеющейся литературе ему было известно немного.

Первым таким народом, которому Карпов посвятил публикацию в журнале «Туркменоведение», были белуджи (Карпов, 1928в). Во вступительных строках, характеризуя источники сведений для исследования, Георгий Иванович говорит, что это отчасти разного рода справочники, но в значительной степени все же непосредственные наблюдения автора, хотя и «производившиеся нерегулярно, попутно при выполнении различных работ

по службе, разумеется, ничего общего не имеющих с изучением этой народности» (Карпов, 1928в. С. 43). Правда, здесь Г.И. Карпов не упоминает, что, помимо других моментов, в 1923 г. он участвовал в работе комиссии правительства республики по отселению белуджей и некоторых других нацменьшинств от государственной границы. Тогда и пришлось ему непосредственно столкнуться с представителями этого древнего народа, живущими на территории Туркменистана.

Очерк разбит на восемь небольших разделов, названия которых дают представление об их содержании: «Белуджи в Белуджистане», т.е. на их родине, о географии и истории которой дается небольшая справка; «Белуджи в Туркмении» – рассказывается о пути и времени появления здесь белуджей: через Иран двадцать пять лет назад (т.е. примерно в 1903 г. – С.Д.). Объясняется причина переселения белуджей (тяжелое экономическое положение в Белуджистане) и первоначальные места их обитания (территория Серахского, затем Тедженского районов), хозяйственно-экономическая жизнь переселенцев (кочевое скотоводство, участие некоторых из них в качестве рабочей силы в земледелии, в том числе хлопководстве, и на строительстве Байрамалийской ирригационной системы).

Следующий раздел – «Белуджи в огне революции» (трудности периода революции и гражданской войны, заставившие белуджей сосредоточиться близ границы в Серахсе и заняться угоном скота по обе ее стороны. Это нетерпимое для обеих сторон положение вызвало решение руководства Туркменистана отселить их вглубь региона и перевести на оседлость). В разделе «Белуджи на мирном положении» рассказывается о дальнейших перипетиях их судьбы. Весной 1923 г. их отселили на заброшенные из-за трудности полива земли текинского рода сычмаз-букри. Но здесь белуджи не прижились. Поэтому в 1927 г. произошло еще одно переселение – в Байрамалийский район, где они начали окончательно переходить на оседлость.

В последних четырех разделах дается собственно этнографическая характеристика этой группы населения республики: «Родовое деление белуджей», «Как возникло название «белудж», «Некоторые внешние отличия белуджей» (здесь, в частности, го-

ворится и об их традиционной одежде) и «Некоторые бытовые особенности» (в том числе о специфике ханской власти над кхелями – родами; формах приветствия; песенных традициях и т.п.). В последнем разделе интересно непосредственное восприятие слушателем-русским, не знающим белуджского языка, сольного исполнения песен: «Мотивы напоминают старинные русские песни в исполнении «голосистой» женщины» (Карпов, 1928в. С. 46).

Логическим продолжением рассмотренной работы явилась вышедшая через три года собирательная публикация Г.И. Карпова «Национальные меньшинства ТССР» (Карпов, 1931б). В ней, написанной на основе целого комплекса материалов – данных райисполкомов, всесоюзной переписи, итогов обследования кишлака и аула и собранных автором и его респондентами на местах – даются справки почти по всем основным национальным группам, проживающим в республике – курдам, каракалпакам, уйгурам (таранчи), берберам, арабам, казахам (использован фонетически более близкий к оригиналу вариант этнонима – казак), персам, армянам, таджикам, джемшидам, хезаре, туркам, «афганцам», немцам, украинцам¹⁹. Автор оговаривается, что сознательно пропустил белуджей, так как о них был уже напечатан специальный очерк. Узбеки также не выделяются в отдельный параграф, но о них говорится в самом начале статьи.

Естественно, в одной такой публикации невозможно было остановиться, хотя бы так же подробно, как это было сделано в отношении белуджей, на каждом из перечисленных народов. Подзаголовок опубликованного материала ограничивает аспект рассмотрения их в плане численности, расселения и занятий, а также приведения некоторых сведений по истории упоминаемых народов – нацменьшинств ТССР, составивших в совокупности 250 тыс. человек, т.е. четверть всего населения.

В конце публикации анализируются причины появления на территории Туркменистана разных нацменьшинств – как с Запада, так и с Юга. В ряде случаев раскрывается, как образование самостоятельной республики и проведение земельно-водной ре-

¹⁹ Перечисление национальных групп дано в том же порядке, что и в самой публикации.

формы благотворно повлияли на социально-экономическое положение национальных меньшинств.

Не видя необходимости останавливаться на всей статье, хочется лишь выразить удивление, почему оказались обойдены молчанием азербайджанцы и белорусы. В то же время заслуживает одобрения дифференциация автором группы арабов Иолотанского района от представителей овляд, утверждающих, что они тоже арабского происхождения. Овляды не причисляются к национальным меньшинствам (Карпов, 1931в. С. 66).

Группа «афганцев» в Иолотанском районе на поверку оказалась не какой-то особой группой, а белуджами, но пришедшими сюда через Афганистан (Там же. С. 67). Любопытны и краткие сведения о появлении с 1916 г. близ поселка Байрамали группы турок в 70 семей, возникшей из числа военнопленных первой мировой войны, которые обзавелись здесь семьями (Там же,)

Публикация вместе с предыдущей, несмотря на их отдельные недочеты (Например, определение древнего самостоятельного уйгурского языка как наречия кашгарских узбеков. – Там же. С. 66), позволяют читателю довольно ясно представить пеструю мозаику национальной палитры республики.

В связи с широким научным интересом Г.И. Карпова к тюркскому миру вообще, хотя и не среди его специальных публикаций, а в рукописном наследии этого неутомимого труженика находим составленные им сводные материалы по разным тюркоязычным народам – «Классификацию тюркских народностей» (РФ ЦНБ АНТ, Р-44), «Тюрко-татарские племена» (РФ ЦНБ АНТ, Р-4) и др. Весьма любопытна в аспекте этого раздела папка с грифом «Справка о тюрках-гагаузах, проживающих на Украине и Бессарабии» (РФ ЦНБ АНТ, Р-146). Однако печальное состояние карповского архива вообще особенно наглядно сказалось в данном случае: среди материалов увесистой, в 103 листа, папки не оказалось ни одного, соответствующего ее теме.

Кратко говоря о народах зарубежных стран и самих странах в научном наследии Г.И. Карпова, можно смело утверждать, что львиную долю здесь занимает Иран. О причинах этого мы уже говорили выше подробно. С Ираном связана и единственная пу-

бликация Георгия Ивановича о народах (не туркменах) других стран – «Гиляки Мазандерана» (Карпов, 1946в).

Эта большая статья посвящена описанию быта ираноязычных древних насельников упомянутой североиранской провинции – гиляков, увиденному глазами этнографа (хозяйственные традиции, жилища, одежда, семейные отношения, религиозные верования и т.д.). Статья написана в основном, как мы можем, сопоставляя, предполагать, на основе материалов книги полевых записей № 3, откуда взяты и все десять рисунков Карпова, иллюстрирующие статью. Интересно привести такие лаконичные строки из непосредственных наблюдений Георгия Ивановича, характеризующие описываемый народ: «В быту гиляки во многом отличаются от окружающего их населения – фарсов, тюрков и туркмен. С туркменами их сближает широкое гостеприимство и долг чести; с фарсами – религия и язык» (Карпов, 1946в. С. 223).

Ирану же посвящены 14 папок архивного наследия Г.И. Карпова с самыми различными материалами. Среди них неоднократно упоминавшиеся «Краткий обзор Ирана», «Список народностей Ирана», «Описание маршрутов экспедиции», «Краткое описание Горганского остана», «Перечень названий крупнейших населенных пунктов» и ряд др. материалов.

Что касается Афганистана, мы по прежнему сможем лишь еще раз упомянуть рукопись «Краткого обзора Афганистана», а в отношении Турции – сделать ссылку на рецензию Г.И. Карпова (в соавторстве) на фундаментальное исследование известного турколога В.А. Гордлевского о средневековом государстве сельджуков в Малой Азии (Карпов и др., 1945). Рецензия написана сквозь призму исторически тесно связанного с отображаемыми событиями и эпохой прошлого Туркменистана.

ПРОЧЕЕ

В эту рубрику мы решили включить те публикации и материалы Г.И. Карпова, которые не вписываются напрямую ни в одну

из выше рассмотренных рубрик. Сюда, в частности, можно отнести некоторые его рецензии на публикации, не связанные с историей и культурой Туркменистана, а также пробы пера Георгия Ивановича в области художественной литературы, прежде всего драматургии.

Как уже отмечалось, у Карпова нами не обнаружено каких-либо публикаций или неопубликованных материалов, специально посвященных вопросам религии туркмен. Хотя различных верований туркмен (и не только их) в ряде своих работ он касался самым непосредственным образом. Наиболее близкую к такой тематике статью о вакуфах мы отнесли к другой рубрике. Особняком стоит и информация-рецензия «Содержание Корана», на новую публикацию религиоведа Л. Климовича, подписанная псевдонимом Х. Бахтияров (Бахтияров, 1929).

Рецензент отмечает, что автор построил свое исследование соответственно третьему казанскому изданию перевода Корана Саблуковым, но в конце работы дает две дополнительных главы, восьмую и девятую, посвященные весьма интересным, малоисследованным вопросам – «Женщина, ее положение и права» и «Коран и основы христианства».

Подчеркивается, хотя и довольно резко, в духе господствовавшего тогда воинствующего атеизма, что подобного рода изложения Корана с краткими комментариями, как это сделано у Л. Климовича, дает читателю, особенно мусульманину, возможность распознать столь сильное оружие, которым двенадцать веков владеет мусульманское духовенство, как Коран. Касаясь роли самого мусульманского духовенства в СССР, рецензент однозначно считает, что она – реакционна (Бахтияров, 1929. С. 35), т.к. установленным фактом является его участие в басмаческих отрядах, поддержка им байских выступлений, борьба против раскрепощения женщины, разного рода мероприятий партии. Например, в Туркмении это происходило при проведении земельно-водной реформы и других начинаний, направленных на освобождение бедноты и батрачества из-под влияния баев.

Отмечается, что почти во всех мусульманских государствах мира власть деспотическо-теократическая (думается, что под

словом «почти» Г.И. Карпов имеет в виду Турцию времен Ата-тюрка – *С.Д.*), противопоставляющая учение ислама коммунизму.

Рецензент обращает внимание и на чисто практический аспект применительно к тогдашней туркменской действительности: книжка, изданная десятитысячным тиражом, внесет большой вклад в дело борьбы на антирелигиозном фронте, так как содержание Корана фактически неизвестно даже недавно созданному в республике обществу «Худайсызлар» («Безбожники»), хотя многие из его членов сами были в недавнем прошлом «правовверными» мусульманами.

Помимо разработки самого разного рода научных вопросов, привлекавших внимание Г.И. Карпова, он находил какое-то время и для контактов с литературой²⁰ – прежде всего с драматургией и киносценарным делом. В 1934 г. Георгий Иванович под впечатлением от знакомства с туркменским народным творчеством пишет пронизанную фольклорными мотивами поставленную позднее Ашхабадским драмтеатром пьесу «Кель» («Плешивый»), о которой мы уже упоминали в первой главе. Пьеса, носившая комедийно-сатирический характер, имела острую социальную направленность: устами главного героя, носителя народной мудрости Келя высмеивала пороки представителей правящей феодально-клерикальной верхушки (хана, везиря, ишана, бая) и деклассированных элементов (разбойников). Трудно судить обо всей пьесе, так как полный, отредактированный текст ее обнаружить не удалось, тем более что для постановки она была переведена на туркменский язык. Но, судя по реакции зрителей, комедия имела шумный успех. Успех этот, конечно, не мог придти сам собой. И хотя немалая его часть была связана с игрой актеров, прежде всего он зависел от текста самой пьесы, его проработки. А то, что проработка была довольно тщательная, свидетельствуют сохранившиеся в архиве Г.И. Карпова подготовительные

²⁰ Любопытно, что и сам Г.И. Карпов стал персонажем одного из литературных произведений 1930-х гг. – повести В.Р. Козина (1900–1967) «Привязанный к седлу», где мы встречаем историографа Георгия Карасева, работающего в Туркменкульте и изучающего жизнь туркмен. Автор упоминает даже некоторые реалии из семейной жизни своего героя (Козин, 1974).

фрагменты.

Так, в связанной с литературными опытами Георгия Ивановича довольно плотной папке «Караван-сарай средневековья» (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. – 103 л.) сохранились помеченные мартом и апрелем 1934 г. три тетради с материалами к пьесе. Тетрадь № 1 (Л. 1–7) посвящена описанию «Караван-сарая средневековья», где автор выступает не только как драматург, но и как историк, сообщая, скажем, при изображении сцен повседневной жизни караван-сарая, какие функции они выполняли, какие имели размеры, распорядок дня в них, начинающегося молитвой муэдзина, основной состав их обитателей (торговцы, миссионеры, простолюдины и т. д.) и др.

В тетради № 2 (Л. 8–13) дается «Описание гарема», где среди действующих лиц мы видим полный интернационал: здесь и армянка, и грузинка, и китаянка, и русская, и туркменка. Здесь же и толстый евнух, и служанки с кумганами с водой для утреннего умывания. И сцена скандала из-за «новенькой», привлекавшей внеочередное внимание повелителя. И таинственное появление в самый неожиданный момент Келя с его обличительной речью социальных корней, из которых вырастают тираны, ханы, гаремы, рабство, муки и т. д.

В тетрадь № 3 включены материалы трех видов. Это перечень имен – сцена наречения именем оставленного ханом у себя внука после изгнания снохи, якобы нарушившей нормы морали. Хан просит гостя-ишана освятить одно из имен, которые он будет предлагать: Жертва аллаха, Цветок Турана, Путеводная звезда, просто Пятница, а тот все отвергает, предлагая лишь единственный вариант – Гара оглан, т. е. «Черный сын» (РФ ЦНБ АНТ, Р-208, л. 12). Следующий материал – «Ругань» – дает набор различных взаимных бранных и оскорбительных выражений, которые вкладываются в уста персонажей пьесы в четвертом действии, когда все отрицательные герои оказываются одураченными Келем. И, наконец, эмоциональная «Речь Келя» (Л. 16–18) в 4-м, последнем действии, прерываемая репликами и руганью присутствующих. В ней он гневно обличает власть имущих в самых гнусных человеческих пороках, подчеркивая, что единственно, кто совершил

честный поступок, это пастух Курбан.

Следует добавить лишь, что сюжет о Келе – этом туркменском варианте русского мудрого Иванушки-дурачка – занимал Г.И. Карпова и в дальнейшем: в этой же папке находим также записанное в августе 1939 г. изложение сюжета предания «Кель-оглан», относимого к XVII в. (Л. 19–20), которое повествует о взаимной любви юноши-чабана и дочери бая Хатама и помощь Кель-оглана счастью юных сердец.

Кроме получившей известность сатирической комедии «Кель» в архиве Г.И. Карпова можно обнаружить и фрагмент пьесы «На обломках былого», где должны были выступать многочисленные персонажи традиционной туркменской действительности: бай, бедняк, ишан, мулла, знахарь, батрак и т.п., а также групповые персонажи – беднота, мюриды-послушники и т.д. Об этой задумке Георгия Ивановича судить трудно, так как обнаруженный фрагмент слишком мал (Л. 21–25). Думается, однако, что, скорее всего, пьеса так и не была закончена.

Встретилась нам схема еще одной пьесы в одном действии – «Сошествие Моисея, Магомеда и Иисуса» (март 1933 г.) (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. Л. 38–42). По своему характеру это комедия, точнее весьма непритязательный, даже можно сказать, прямолинейно-вульгарноватый водевиль, в котором некая девица, ругаясь, призывает на помощь всех святых для уничтожения советской власти и особенно досадивших ей чем-то, очевидно, комсомольцев. На призыв ее и являются вышеназванные личности. В пьесе выступает в качестве массовки всякая нечисть – джины, арвахи и другие персонажи, фигурирует их отношение к некоторым элементам современной техники и т.п.

Одновременно с работой над пьесами Г.И. Карпов попробовал свои силы и в роли киносценариста. Так, к июню 1932 г. относятся наброски либретто, как тогда называли киносценарий, художественной киноленты «Шестая дочь великого героя» (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. Л. 29–35), в которой Георгий Иванович поставил задачей показать этапы прошлого Туркменистана, доведя цепочку до образования седьмой социалистической республики – Туркменской ССР.

В июле – начале августа 1933 г. Карповым было подготовлено либретто одночастевого детского кинофильма – «Красный галстук» (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. Л. 46–79). В нем в духе вульгарного материализма рассказывается о попытках пьяницы-попа завлечь в свои сети недавнего выходца из крестьян пожилого рабочего Еремея Пяткина и его жену Евдокию. Однако с помощью появляющихся в нужный момент работающего вместе с Еремеем молодого рабочего-активиста Сергея и трех пионеров, двое из которых – родные сын и дочь Пяткиных, а третий – мальчик-туркмен, затея попа с позором проваливается (поп спивается), а воинствующий атеизм торжествует (сцена сжигания фигур попа, помещика и кулака пионерами на площади).

В августе 1932 г. Г.И. Карпов пишет заявку на либретто полнометражной, в шести частях, кинокомедии под условным названием «Туркменчилик» (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. Л. 83). В сентябре студия «Туркменфильм» в лице заведующего ее сценарным отделением Волжина заключает с ним договор, выдав аванс и оговорив представление полного текста киносценария не позже ноября того же года. Выполнил ли это Георгий Иванович или нет, неизвестно. Сам же фильм должен был быть посвящен теме осуществления культурной революции и борьбе с пережитками в быту, семье, обществе и на производстве. Материалами, как отмечается в заявке, должны были послужить решения советских и партийных органов, заметки в прессе, фольклорные материалы, собранные Туркменским Государственным научно-исследовательским институтом и самим автором на местах. Сюжет строился на сопоставлении колхоза «Сила» (отрицательный пример) с вызвавшим его на соцсоревнование колхозом «Коминтерн» (положительный пример). В «Силе», где прочны еще были всякие старые представления и традиции, подозревают в этом вызове подвох, стремление соперников ослабить их «силу». И, чтобы ее увеличить, приумножив свое население, начинают активную кампанию по женитьбе вдовцов и совсем еще юных парней. Поэтому почти вся страдная пора здесь уходит на поиск невест, а хозяйственные и прочие показатели резко снижаются. В результате все это выливается в Декадник торжества безделья.

Выступал несколько раз Георгий Иванович, как человек, знающий местную жизнь и быт, и в качестве консультанта по сценариям некоторых документальных и игровых кинофильмов, представленных на «Туркменфильм». Так, например, среди архивных материалов имеются его рецензии-заклЮчения, написанные а июне 1932 г. на сценарии «Болезнь овец и ягнят» Н. Навроцкой, «Гора» и «Хозяин пустыни» Ю. Емельянова, «Прыжок» А. Новогрудского (РФ ЦНБ АНТ, Р-208. Л. 84, 91). При разборе архива Г.И. Карпова нам встретился также список «Темы», включающий в себя пять названий и, очевидно, предназначенный для кино, так как на обороте листа написана фамилия упомянутого Волжина и кинорежиссера Бондаренко. Однако остается непонятным, что означают эти названия (среди которых, в частности, есть такие как «Господа офицеры [«Англичане в Закаспии»] и «В кочевом ауле») – предполагаемых или сделанных фильмов?

В связи с вышеизложенной довольно активной деятельностью Георгия Ивановича в 1932–1934 гг. в плане драматургии и кино следует высказать несколько общих соображений. Все эти произведения, кроме, пожалуй, «Келя» были в целом весьма невысокого художественного и философского уровня. Что же заставляло Карпова, внимательного и страстного человека науки, идти на создание подобных произведений? Думается, две причины. Первая – естественное желание многих ученых испытать свои силы и способности не только на научном поприще, но и в области литературы и искусства. И вторая, причем более существенная, – хоть как-то поддержать свое финансовое положение.

Этот вопрос, который до сих пор остается наиболее острым в нашей отечественной науке, вынуждая подавляющее большинство ученых, чей труд оплачивается крайне низко, искать приработка на стороне, во всей своей остроте встал перед Г.И. Карповым именно в середине 1932 г., в период усиления первой волны гонений, когда его семейный бюджет резко пошел вниз, а семья увеличивалась, как он отмечал в августе следующего года в своей автобиографии, до семи иждивенцев. Так что приходилось писать быстро, выбирая только такие сюжеты, которые в то время наверняка должны были «пойти». Почти все, что связано у Геор-

гия Ивановича с театром и кино, написано в Байрамали, а байрамалийский, особо трудный период его жизни мы подробно характеризовали в первой главе.

В свете всего вышесказанного понятно, почему Г.И. Карпов никогда не упоминал ничего из созданного им для театра и кино, кроме «Келя», в списках своих работ. Но нет худа без добра. Кино-театральные эскерциции Георгия Ивановича дали ему все же определенный опыт и в этом направлении. И когда в конце байрамалийского периода наступили некоторая стабилизация и улучшение в семейно-финансовом аспекте, он сумел приступить к работе над «Келем», где в определенной степени выразил себя как этнограф²¹.

Завершая главу, в которой мы коснулись многих работ Г.И. Карпова, характеризующих широкий диапазон его научных интересов, рост мастерства как ученого-исследователя, посвятившего практически всю свою зрелую сознательную жизнь развитию гуманитарных и прежде всего исторических наук Туркменистана, следует напомнить, что очень многое, если не бóльшая часть из созданного им остается в виде требующих большей или меньшей работы с ними архивных материалов.

Поэтому автор этих строк, а вместе с ним, думается, и каждый, кто искренне любит Туркменистан и его народ, присоединяется к словам таких этнографов, как академик С.П. Толстов и доктор исторических наук М.О. Косвен, которые, завершая свою скорбную публикацию о жизни и деятельности Г.И. Карпова, писали: «Нашим общим долгом перед памятью ушедшего товарища должна быть скорейшая публикация его оставшихся еще неизданными трудов, значение которых для советской этнографической науки трудно переоценить» (Косвен, Толстов, 1947. С. 163).

21 Присущий ему, если так можно сказать, этнографический уклон в плане художественной литературы проявился еще в 1925 г., когда Г.И. Карпов, очевидно для себя, написал два стихотворения (с рифмой и белым стихом), имеющих характерные названия – «Кырнак» (наложница, рабыня) и «Гул» (раб) (РФ ЦНБ АНТ, Р-208, Л. 88–90).

Несколько завершающих слов

Итак, по мере возможности рассмотрены неординарный, трудный, но богатый событиями жизненный путь и научно-общественная деятельность одной из наиболее ярких фигур среди историков и этнографов Туркменистана – Георгия Ивановича Карпова. Сквозь призму реальных фактов и событий автор данной работы попытался отразить взлеты и падения в судьбе Г.И. Карпова, индивидуальные черты его характера и поведения, проанализировать обширное и разнообразное научное наследие ученого, значительная часть которого еще ждет своей публикации.

Автор надеется, что предлагаемая работа вызовет отклик у некоторых других ученых – в частности, историков, этнографов, археологов, востоковедов, культурологов и иных – как Туркменистана, так и за его пределами, которые продолжают разработку поднятой ею тематики. Тем самым со временем, наряду с галереей портретов выдающихся личностей истории Туркменистана, будет создана также галерея портретов наиболее ярких представителей исторической науки этого региона, внесших свой достойный вклад в ее формирование и развитие.

Библиография

- Абуль-Гази-Бохадур-Хан. Родословная туркмен / Пер. А. Г. Туманского. Ашхабад, 1897.
- Антология туркменской поэзии / Сост. Б. Каррыев, М. Косаев, Д. Халдурды. М.: Художественная литература, 1949.
- Атанова С. А. Из туркменского адата (Неопубликованная рукопись Г. И. Карпова) // Восточный архив. 2020. № 2. С. 30-35.
- Атамамедов Н. В., Каррыев А. К. Наука: История Туркменистана // ТССР. Энциклопедический справочник Ашхабад, 1984.
- Атаниязов С. Пигам Азимов. Ашхабад: Ылым, 1984.
- Базарова Р. А. ТССР в годы Великой Отечественной войны // ТССР. Энциклопедический справочник Ашхабад, 1984. С. 136
- Бахтияров Хош Гельды (Карпов Г. И.). Итоги борьбы с бандитизмом // ТИ. 1926. 17 января.
- Бахтияров Х. (Карпов Г. И.) Остатки огнепоклонства у туркмен // Туркменоведение. 1928. № 9.
- Бахтияров Х. Г. (Карпов Г. И.) Рец. на книгу: Л. Климович. Содержание Корана (Изд. журанала «Атеист». М., 1929) // Туркменоведение. 1929. № 4.
- Бахтияров А. Осколки аланов // Туркменоведение. 1930. № 8–9.
- Библиотечно-библиографическое и книжное дело в Туркменистане. Вып. 2. Ашхабад: Ылым, 1991. С. 116-118, 75.
- Большая Советская Энциклопедия. Т. XI. М., 1973
- Брагинский Г. Железный солдат революции (к 50-летию тов. Сталина) // Туркменоведение. 1929. № 12. С.1–2.
- Брусина О. И., Наумова О. Б., Рошин М. Ю., Соловьева Л. Т. Неопубликованные рукописи Г. И. Карпова по этнографии туркмен в российских архивах // Восток. 2019. Вып. 5. С. 218-233.
- Воспоминания участников о Гражданской войне в Туркмении (1918–1920) / Под ред. Г. И. Карпова. Ашхабад, 1940.
- Гостя из Калининграда // Брюховецкие новости. 2000. 26 декабря.
- Демидов С. М. Жизнь посвятив Туркменистану... // ТИ. 1994. 29 августа.
- Демидов С. М. Туркменские овляды. Ашхабад: Ылым, 1976.
- Демидов С. М. Этнографическая поездка к астраханским и ставропольским туркменам // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад: Ылым, 1987. С. 82–109
- Демидов С. М. Г. И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана // Вестник Евразии. М., 2001. № 3. С. 47-85
- Демидов С. М. Трагическая и прекрасная судьба историка // Туркменистан: выдающиеся люди XX века. Ашхабад, 2002. С. 216-221.
- Долгов А. А., Дурдыев М. Б. Материалы по хозяйственно-культурным

- традициям народов Средней Азии и Казахстана // Изв. АН ТССР. Сер. Общ. Наук. 1976. № 2. С. 95.
- История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. Кн. 1.
- К., М.-ов. Туркмены Северного Кавказа, Астраханской губернии и Таджикистана (Краткие исторические справки) // Туркменоведение. 1929. № 8–9.
- Караджаева Г. А. Из истории просвещения женщины-туркменки. Ашхабад: Ылым, 1984.
- Карпов Г. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк (Асхабад), 1925.
- Карпов Г. Пути развития Тедженского района // ТИ. 1925а. 17 апреля.
- Карпов Г. И. Памятка секретарю аульной партийной ячейки. Ашхабад: Туркменгиз, 1927 (на туркм.яз.).
- Карпов Г. Рецензия на книгу: Медведев, Барабаш. По следам Джунаида // Туркменоведение. 1928а. № 12. С.129.
- Карпов Г. Исторические предпосылки к образованию Туркменской Республики // ТИ. 1928б. 23 ноября.
- Карпов Г. И. Белуджи (Краткий историко-этнографический очерк) // Туркменоведение. 1928в. № 2. С. 43-46.
- Карпов Г. Туркмения и туркмены (Историко-этнографический очерк) // Туркменоведение. 1929. № 10-11. С. 35-42.
- Карпов Г. К отчетной кампании Советов // Туркменоведение. 1929а. № 4.
- Карпов Г. И. Итоги перевыборов Советов в ТССР // Туркменоведение. 1929б. № 5.
- Карпов Г. Родословная туркмен // Туркменоведение. 1928в. № 12; 1929в. № 1.
- Карпов Г. «Тагма» (родовые знаки у туркмен) // Туркменоведение. 1929 г. № 8–9.
- Карпов Г. «Калым» и его социальные корни // Туркменоведение. 1930. № 2–3.
- Карпов Г. Йомуды (краткий исторический очерк) // Туркменоведение. 1931. № 7–9.
- Карпов Г. Аламань (Набеги туркмен и их социально-экономические причины) // Туркменоведение. 1931а. № 5–6. С. 28-29.
- Карпов Г. Национальные меньшинства ТССР (Краткие сведения о численном составе и историческом прошлом) // Туркменоведение. 1931б. № 3–4. С. 65-68.
- Карпов Г. К истории восстания 1916 г. в Туркмении // За социалистическую Туркмению. 1932. № 5–7.
- Карпов Г. Из новых песен Кор-Моллы // Туркм. Искра. 1932а. 31 авг.
- Карпов Г. И. Из новых песен Ходжа – Кули // Там же. 1932б. 7 ноября.
- Карпов Г. И. Восстание тедженских туркмен в 1916 г. (К изучению истории крестьянских восстаний в бывшей царской колонии). Ашхабад: Туркменгосиздат, 1935.

- Карпов Г. И. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1940.
- Карпов Г. И. Гражданская война в Туркмении (1918–1920). Популярный очерк. Ашхабад: Туркменпартиздат, 1940а. 36 с.
- Карпов Г. Отдаю себя в распоряжение командования // ТИ. 1941. 23 июня.
- Карпов Г. Телеграмма отца сыну своему, красноармейцу Карпову Виктору Георгиевичу // ТИ. 1941а. 24 июня.
- Карпов Г. Истоки мировоззрения Махтум-Кули // ТИ. 1941б. 5 июня.
- Карпов Г. И. Изучение этнографии в Туркмении // Изв. ТФ АН СССР. 1944а. № 2,3.
- Карпов Г. И. Туркменский народ в дни Великой Отечественной войны // Изв. ТФ АН СССР. 1944б. № 2, 3.
- Карпов Г. И. Туркмены-огузы (Материал по этногенезу туркменского народа) // Изв. ТФ АН СССР, 1945. № 1.
- Карпов Г. И. Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану // Изв. ТФ АН СССР. 1945а. № 3, 4.
- Карпов Г. И. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад: Туркменфан, 1945б.
- Карпов Г. И. Туркмены-огузы. (Материалы по этногенезу туркменского народа) // Изв. ТФ АН СССР. 1945в. № 1.
- Карпов Г. И. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад: Туркменфан, 1945 г.
- Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен // Изв. ТФ АН СССР. 1945 г. № 3–4.
- Карпов Г. И. О туркменах Эсенхановского юрта // Изв. ТФ АН СССР. 1946. № 3–4.
- Карпов Г. И. Этнографическая работа в Туркмении // СЭ. 1946а. № 1.
- Карпов Г. И. Гиляки Мазандерана // СЭ. 1946б. № 1. С. 218-225.
- Карпов Г. И. Туркмены // БСЭ. Т. 55. М., 1947.
- Карпов Г. И. К истории туркмен алиэли (ала-эль) // СЭ. 1947а. № 3.
- Карпов Г. И., Арбеков П. В. Салыры (салоры) // Туркменоведение. 1930. № 6–7.
- Карпов Г. И., Батцер А. М. Хивинские туркмены и конец Кунгратской династии. (Материалы по истории туркмен). Ашхабад: Туркменск. гос. изд-во, 1930. 168 с.
- Карпов Г. И., Башкиров Д. В. Вакф и силах-су. К вопросу об образовании церковных земель в Туркмении // Изв. ТФ АН СССР. 1945. № 5, 6.
- Карпов Г. И., Поцелуевский А. П. Туркменский колхозный фольклор // Советский фольклор. Вып.1. М.: Изд-во АН СССР, 1934.
- Карпов Г. И., Поцелуевский А. П., Юрханов Ш. О. Рецензия на книгу: Вл. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941 // Изв. ТФ АН СССР. 1945. № 3–4. С. 184-185.
- Карпов Г. И., Школьников Е. Туркменская ССР. М.: Госполитиздат, 1945. 71 с.
- Козин В. Привязанный к седлу. М., 1974. С. 183-186.

Библиография

- Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 285 с.
- Косаев М. Георгий Карпов // Эдебият ве сунгат. 1988, 15 июля.
- Косвен М., Толстов С. Г. И. Карпов (1890–1947) // СЭ. 1947. № 3. С. 161-165.
- Курбанов Л., Карпов Г. Прошлое и настоящее туркменского народа. Ашхабад: ТОГИЗ, 1942
- Курбанов Ш., Карпов Г. Устное творчество туркмен // Туркменоведение. 1931. № 7–9. С. 86-88.
- Магруппи. Юсуп и Ахмед / Вводная статья и ред. Г. Карпова. Ашхабад: ТОГИЗ, 1944.
- Масуд Гихан. Подробная география Ирана. Ч. 1, 2 / пер. А. В. Башкирова. Тегеран, 1932.
- МИТТ Т. I. VII–IV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.; Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 700 с.
- Мурадов Р. Г. Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности 2000-2001. Международный ежегодник. Санкт-Петербург, 2002. С. 164-177.
- Нуралиев Д. Академик А. Н. Самойлович. Туркмен эдебияты ха kynда. Ашгабат: Ылым, 1983.
- Обзор Закаспийской области за 1899 г. Асхабад, 1900.
- Поцелуевский А. Рифма в произведениях Махтумкули // Махтумкули. Сборник статей о жизни и творчестве поэта. Ашхабад: Туркменское государственное издательство, 1960. С. 79-92.
- Поцелуевский А. П. Избранные труды. Ашхабад: Ылым, 1975.
- Рассказы попугая / Под ред. Г. И. Карпова. Ашхабад, 1945.
- Россия и Туркмения в XIX в. Т. 1 / Под ред. Карпова Г. И. Ашхабад, 1946.
- Русско-туркменский словарь / Сост. Ш. Батыров и Г. И. Карпов. Под ред. Б. А. Каррыева и Х. Байлиева. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1948. 292 с.
- Советская Историческая Энциклопедия. Т. IV. М., 1964.
- Таганов А. Наука Туркменистана в 1924-1951 годы. Автореф. канд. Дис. Ашхабад, 1991.
- Творчество народов Туркменистана / Сост., пер. и примеч. Г. И. Карпова, Н. Ф. Лебедева. М.: Гослитиздат, 1936. 152 с.
- Туркмен поэзиясынын антологиясы. Ашгабат, 1958.
- Туркмен Совет Энциклопедиясы. Т. IV. Ашхабад, 1982.
- Туркменская Советская социалистическая республика. Ашхабад, 1984.
- Шальнев Е. Что скажет махалля? // Фрунзевец (Ташкент). 1991. 30 мая.

Список сокращений

- АНТ** – Академия наук Туркменистана
- БСЭ** – Большая советская энциклопедия
- Изв. ТФ**
- АН СССР** – Известия Туркменского Филиала АН СССР, Ашхабад
- ИОПИ** – Институт общественно-политических исследований при Центральном Комитете Коммунистической партии Туркмении
- КП/б/Т** – Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана
- КУБТ** – Комиссия по улучшению быта трудящихся женщин
- ЛКСМТ** – Ленинский коммунистический союз молодежи Туркменистана
- МИТТ** – Материалы по истории туркмен и Туркмении
- Наркомпрос** – Народный комиссариат просвещения
- РАНИОН** – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РФ ЦНБ АНТ** – Редкий фонд Центральной научной библиотеки Академии наук Туркменистана
- СИЭ** – Советская Историческая Энциклопедия
- СНК** – Совет народных комиссаров
- СЭ** – Советская этнография, Москва.
- ТИ** – Туркменская искра (газета), Ашхабад
- ТССР** – Туркменская Советская социалистическая республика
- ТСЭ** – Туркмен Совет Энциклопедиясы
- ТФ АН СССР** – Туркменский филиал Академии наук СССР
- УГРО** – Уголовный розыск
- ЦИК** – Центральный Исполнительный Комитет
- ЦК** – Центральный Комитет
- ЦНБ** – Центральная научная библиотека
- ЦПКиО** – Центральный парк культуры и отдыха
- ЦСУ** – Центральное статистическое управление

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Г.И. КАРПОВА

Список составлен С.М. Демидовым. Вариант не претендует на абсолютную полноту, особенно в отношении газетных публикаций. Неопубликованные работы Г.И. Карпова нашли отражение в отдельном списке (см. ниже), составленный тем же автором.

Значком * отмечены публикации, данные под псевдонимом Х. Бахтияров.

1924 г.

1. О племенной вражде (Заметки о причинах и формах племенной вражды). // ТИ. № 3. 1924. 12 ноября; № 4. 13 ноября.

1925 г.

2. Лицо нашего аула. Родовой, племенной состав, хозяйственный и бытовой уклад дехканства аула Багир // ТИ. 1925. 21 июля.
3. Лицо нашего аула (продолжение). Общественно-политические группировки среди дехкан // ТИ. 1925. 22 июля.
4. Лицо нашего аула (продолжение). Состояние советского и партийного аппарата и кошчи в ауле // ТИ. 1925. 23 июля.
5. Лицо нашего аула (продолжение) // ТИ. 1925. 24 июля.
6. Лицо нашего аула (аул Багир). О калыме // ТИ. 1925. 29 июля.
7. Лицо нашего аула. Аул Кипчак. Общие сведения о месторасположении, населении, занятиях // ТИ. 1925, 31 июля.
8. Лицо нашего аула. Аул Кипчак. Сельское хозяйство // ТИ. 1925, 3 августа.
9. Лицо нашего аула. Аул Кипчак. Состояние политических и общественных организаций // ТИ. 1925, 11 августа.
10. Лицо нашего аула. Аннау // ТИ. 1925, 13 августа.
11. Лицо нашего аула. Аул Янги-Кала // ТИ. 1925, 14 августа.
12. К вопросу о быте, племенном и родовом составе туркмен // ТИ. 1925, 19 августа.
13. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк (Ашхабад), 1925.

14. Памятка советскому строителю кишлака и аула. Ашхабад: Туркменгиз, 1925. То же на туркм. яз.
15. Керкинский округ (Политико-экономический обзор). Ашхабад: Изд.ЦИК ТССР, 1925. (Г.И. Карпов – член авторского коллектива).

1926 г.

16. Итоги борьбы с бандитизмом // ТИ. 1926. 17 января.*

1927 г.

17. Пережитки бескультурия // ТВ. 1927. № 1.
18. Туркмены (Материалы к истории туркменских племен) // ТВ. 1927. № 4.
19. Памятка секретарю аульной партийной ячейки. Ашхабад: Туркменгиз, 1927 (на туркм. яз.).

1928 г.

20. Белуджи (Краткий историко-этнографический очерк) // ТВ. 1928. № 2.
21. Неправильные выводы Иомудского Карашхан-оглы в его очерке «Бытовые особенности туркмен» // ТВ. 1928. № 5/6.
22. Туркменские легенды, рассказы, поговорки и поверья // ТВ. 1928. № 7/8.*
23. Остатки огнепоклонства у туркмен. // ТВ. 1928. № 9.*
24. «Намазы» и «Мудрый вопрос». (Туркменские легенды) // ТВ. 1928. № 10/11.*
25. Родословная туркмен // ТВ. 1928., № 12.
26. Туркменские предания // ТВ. 1928. № 9.*
27. Исторические предпосылки к образованию Туркменской Республики // ТИ. 1928. 23 ноября.
28. Рец. на работу: Рафес П. М. Некоторые данные о туркменах мейли (мехилли) в журнале «Новый Восток». № 13 // ТВ. 1928. № 3/4.
29. Рец. на работу: Брюллова-Шаскольская Н. В. Пережитки древних форм брака у туркмен. в журнале «Изв. Средазкамстариса», 1928 // ТВ. 1928. № 7/8.

30. Рец. на работу: Медведев, Барабаш. По следам Джунаида // ТВ. 1928. № 10/11.*
31. Предстоящие перевыборы советов в ТССР. Сб. статей. М.: Изд. ЦИК СССР, 1928. (Г.И. Карпов – член авторского коллектива).

1929 г.

32. Родословная туркмен // ТВ. 1929, № 1.
33. Раскрепощение женщины-туркменки // За партию (Ташкент). 1929. № 3–4.
34. К отчетной кампании Советов // ТВ. 1929. № 4.
35. Итоги перевыборов Советов в ТССР (за 1929 г.) // ТВ. 1929. № 5.
36. Итоги перевыборов советов в ТССР // ТИ. 1929. 5 июня.
37. Тамга. (Родовые знаки у туркмен) // ТВ. 1929. № 8/9.
38. Туркмены Сев. Кавказа, Астраханской губернии и Таджикистана. (Краткие исторические справки) // ТВ. 1929. № 8/9 (Публикация дана в соавторстве и под инициалами – К. и М-ов).
39. Бытовые законы ТССР. Ашхабад: Туркменгиз, 1929 (на туркм.яз.).
40. Памятка члену аульного совета. – Ашхабад: Туркменгиз, 1929 (на туркм. яз.).
41. Зачем рабочие бригады едут в аул. Ашхабад: Туркменгиз, 1929 (на туркм. яз.).
42. Рец. на работу: «Коран» (Изд-во «Атеист») // ТВ. 1929. № 4.*

1930 г.

43. Салыры (Салоры) // ТВ. 1930. № 6/7 (совместно с П. В. Арбековым).
44. Научно-исследовательская работа в ТССР. (Краткие итоги трех лет) // ТВ. 1930. № 8/9.
45. Осколки аланов. «Отуркменившееся» племя нохур // ТВ. 1930. № 8/9.*
46. Хивинские туркмены и конец кунгратской династии. (Материалы по истории туркмен). Ашхабад, 1930. (в составе с Д. М. Батцер).
47. Радянське будівництво у Туркменії // Східний Світ. Харків, 1930 (на укр. яз.).

1931 г.

48. Историческая справка. (Формы хивинского и бухарского землевладения и налоговая система) // ТВ. 1931. № 1/2.
49. Национальные меньшинства ТССР. (Краткие сведения о численном составе и историческом прошлом) // ТВ. 1931. № 3/4.
50. Аламаны. (Набеги туркмен и их социально-экономические причины) // ТВ. 1931. № 5/6.
51. Рецензия на публикацию П. Алексеенко «Хивинское восстание 1916 г.» Ташкент, 1930 // ТВ. 1931. № 5/6.
52. Йомуды. Краткий исторический очерк // ТВ. 1931. № 7–9.
53. Устное творчество туркмен. // ТВ. 1931. № 7–9 (в соавторстве с Ш. Курбановым).
54. Национальное и культурное строительство народов КССР. Ашхабад: Туркменгиз, 1931 (на туркм. яз.).
55. Национальное и культурное строительство народов Таджикистана. Ашхабад: Туркменгиз, 1931 (на туркм. яз.).
56. Национальное и культурное строительство народов ЗСФСР. Ашхабад: Туркменгиз, 1931 (на туркм. яз.).
57. Национальное и культурное строительство народов Узбекистана. Ашхабад: Туркменгиз, 1931 (на туркм. яз.).

1932 г.

58. К истории восстания 1916 г. в Туркмении // За социалистическую Туркмению, 1932, № 5–7.

1934 г.

59. Туркменский колхозный фольклор // Советский фольклор. Вып. I. М.: Изд-во АН СССР, 1934 (в соавторстве с А. П. Поцелуевским).
60. На развалинах древнего Мерва. М. – Ташкент: ОГИЗ, 1934 (Г.И. Карпов – член авторского коллектива).

1935 г.

61. Восстание тедженских туркмен в 1916 г. (К изучению истории крестьянских восстаний в бывшей царской колонии). Ашхабад: Туркменгосиздат, 1935.

1936 г.

62. Творчество народов Туркменистана / Сост., пер. и примеч. Г.И. Карпова и Н.Ф. Лебедева. М.: Художественная литература, 1936.

1937 г.

63. Восстание туркмен в 1916 г. Ашхабад: Туркменгиз, 1937 (на туркм. яз.).
64. Литературный альманах «Туркменистан». К XX-летию Октябрьской революции. Ашхабад: Туркменгиз, 1937 (Г.И. Карпов – член редакционной коллегии).

1938 г.

65. Сборник документов о восстании туркмен в 1916 г. / Сост. Карпов, Ершов, Филиппов. Под ред. Г.И. Карпова. Ашхабад: Туркменгиз, 1938.

1939 г.

66. Карпов Г.И. К 15-летию ТССР. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. 3-й очерк // Комсомолец Туркменистана. 1939. № 120.

1940 г.

67. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1940. То же на туркм.яз.
68. Гражданская война в Туркмении (1918–1920). Популярный очерк. Ашхабад: Туркменпартиздат, 1940. То же на туркм.яз.
69. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа с древнейших времен до наших дней // Комсомолец Туркменистана, 1939, октябрь-ноябрь.
70. Сборник воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении. Ашхабад: Партиздат ТССР, 1940. (Г.И. Карпов – член редакционной коллегии).
71. Задачи Института истории, языка и литературы // ТИ. 1941, 4 апреля.
72. Истоки мировоззрения Махтум-Кули // ТИ. 1941, 5 июня.

73. Отдаю себя в распоряжение командования // ТИ. 1941, 23 июня.
 74. Телеграмма отца сыну своему красноармейцу Карпову Виктору // ТИ. 1941, 24 июня.

1942 г.

75. Прошлое и настоящее туркменского народа. Ашхабад: ТОГИЗ, 1942 (в соавторстве с Л. Курбановым). То же на туркм.яз.

1944 г.

76. Туркменский народ в дни Великой Отечественной войны // Изв. ТФ АН СССР. 1944. № 1.
 77. Изучение этнографии в Туркмении // Изв. ТФ АН СССР. 1944. № 2–3.

1945 г.

78. Туркмены-огузы. (Материалы по этногенезу туркменского народа) // Изв. ТФ АН СССР. 1945. № 1.
 79. Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану // Изв. ТФ АН СССР, 1945, № 3–4.
 80. Родовые тамги у туркмен // Изв. ТФ АН СССР. 1945. № 3–4.
 81. Рец. на работу: Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. (М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941) // Изв. ТФ АН СССР. 1945. № 3–4 (в соавторстве с А. П. Поцелуевским и Ш. О. Юрхановым).
 82. Вакфы и силах-су. К вопросу об образовании церковных земель в Туркмении // Изв. ТФ АН СССР. 1945. № 5–6 (в соавторстве с Д. В. Башкировым).
 83. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад: Туркменфан, 1945.
 84. Туркменская ССР. М.: Госполитиздат, 1945 (в соавторстве с Е. Школьниковым).

1946 г.

85. Этнографическая работа в Туркмении // СЭ. 1946. № 1.
 86. Гиляки Мазандерана // СЭ 1946. № 1.

87. О туркменах Эсехановского юрта // Изв. ТФ АН СССР. 1946. № 3–4.

1947 г.

88. К истории туркмен алиэли (ала-эль) // СЭ 1947. № 3. С.

1948 г.

89. Русско-туркменский словарь / Сост. Ш. Батыров, Г. И. Карпов. Под ред. Б. А. Каррыева, Х. Байлиева. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1948.

Приложение II

**Материалы Г.И. Карпова,
хранящиеся в Редком фонде Центральной
Научной библиотеки Академии наук
Туркменистана
(РФ ЦНБ АНТ)**

Список приводится в той последовательности, в которой материалы даны в картотеке алфавитного каталога ЦНБ.

1. P-22. Карпов Г.И. Алфавитный список туркменских родоплеменных групп. – 50 л.
2. P-116. Карпов Г.И. Алфавитный список туркменских родоплеменных групп Ирана. Рабочая тетрадь Г.И. Карпова (Ашхабад), 1942. – 49 л.
3. P-26. Карпов Г.И. Борьба с басмачеством в Туркмении в период 1920–1924 гг. – 52 л.
4. P-90. Карпов Г.И. Вакуфные документы. – 75 л.
5. P-96. Карпов Г.И. Вакуфные документы. – Ашхабад, 1937–78 л.
6. P-99. Карпов Г.И. Вакуфные документы (1865–1923). – 77 с.
7. P-89. Карпов Г.И. Вакуфные документы (№ 54). – 24 л.
8. P-65. Карпов Г.И. Вакуфные документы (1865–1923), 1937–85 л.
9. P-25. Карпов Г.И. Вакуфные документы. 1937. – 85 л.
10. P-166. Карпов Г.И. и Ахундов А. Вакуфные документы. Ашхабад, 1937. – 74 л.
11. P-56. Карпов Г.И. и Ахундов А. Вакуфы (Исследование и документы). Ашхабад, 1937. – 74 л.
12. P-127. Карпов Г.И. Взаимоотношение царского правительства с туркменами в 1801–1803 гг. (Копии документов). – 32 л.
13. P-87. Карпов Г.И. воспоминания участников гражданской войны. 1917–1919. – 151 л.
14. P-29. Карпов Г.И. восстание тебженских туркмен в 1916 г. 102 л.
15. P-224. Карпов Г.И. Выкопировки записей из дневников и полевых тетрадей, сделанных во время экспедиционных работ в Иране. – 69 л.
16. P-2 (44105, 52958, 168485, 168486). Карпов Г.И. Гражданская война в Туркмении (1918–1920). Популярный очерк. Ашхабад: Туркменпартиздат, 1940. – 36 с.
17. P-109. Карпов Г.И. Гражданская война в Туркмении 1918–1920 гг. (Популярный очерк). – 219 л.
18. P-55. Карпов Г.И. Гражданская война в Туркмении 1918–1920. – 106 л.
19. P-91. Карпов Г.И. Документы о революционных событиях в Хиве (1915–1916). – 209 л.
20. P-165. Карпов Г.И. Документы ревпериода. 1917–1919 гг. – 157 л.
21. P-107. Карпов Г.И. Забастовка каспийских моряков в марте-апреле 1907 г. – 35 л.
22. P-137. Карпов Г.И. Забытый опыт (По архивным материалам ЦУПР ТССР). – 3 л.
23. P-49. Карпов Г.И. Заметки по истории, быту и культуре туркмен и другие пометки. Дневник. Ашхабад, 1939. – 30 л.
24. P-123. Карпов Г.И. Из истории «Адата» и как ему покровительствовала царская администрация. Мары - Ашхабад, 1937. – 9 л.
25. P-5. Карпов Г.И. Иран. 1942–1945. – 96 л.
26. P-277. Карпов Г.И. Иран. 1942. – 98 с.
27. P-278. Карпов Г.И. Иран. 1943. – 80 с.
28. P-42. Карпов Г.И. Историческое прошлое Туркменистана. – 60 л.
29. P-216. Карпов Г.И. История аграрных революций по БСЭ. 1931. Ходжамбаз. – 36 л.
30. P-17. Карпов Г.И. История Огуза и его сыновей. – 72 л.
31. P-82. Карпов Г.И. История с древнейших времен до 80-х гг. XIX в. – 40 л.
32. P-136. Карпов Г.И. История туркмен и Туркмении. К 25-летию ликвидации Закаспийского фронта. Ашхабад, 1945. – 96 л.
33. P-131. Карпов Г.И. К вопросу об экзогамии и эндогамии у туркмен. Ашхабад, 1947. – 9 л.
34. P-104. Карпов Г.И. К истории древнего города Мерва (Маргианы). Ашхабад, 1939. – 25 л.
35. P-62. Карпов Г.И. К истории древнего города Мерва и Мервской области (Маргианы). – 26 л.
36. P-83. Карпов Г.И. К истории революции в Бухарском ханстве 1917–1918–1919–1920 гг. (Хроника событий). – 485 л.
37. P-2 (68786, 111987). Карпов Г.И. К истории туркмен-сарыков. Ред. Засл. деятель науки ТССР проф. А. Поцелуевский. Ашхабад: Изд-во Туркменистан, 1945. – 12 с. (Туркм. филиал АН СССР. Институт истории, языка и литературы).
38. P-126. Карпов Г.И. К истории «Туркменских национальных формирований – РККА» (Краткие справки). Ашхабад, 1944. – 11 л.

39. P-132. Карпов Г. И. К повороту Аму-Дарьи к Каспийскому морю. Б.м., б.г. – 169 л.
40. P-66. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. – 30 л.
41. P-79. Карпов Г. И. Краткие сведения о Мешхед-и-Мисариане. – 21 л.
42. P-95. Карпов Г. И. Краткие географические сведения о Туркменской ССР. – 122 л.
43. P-147. Карпов Г. И. Колхозное строительство. Хозяйственная жизнь Туркмении в IX – XI вв. – 150 с.
44. P-122. Карпов Г. И. Колониальный период. Б.м., б.г. – 33 л.
45. P-44. Карпов Г. И. Классификация тюркских народностей. – 58 л.
46. P-208. Карпов Г. И. Караван-сарай средневековья. Байрам-Али, 1934. – 103 л.
47. P-66. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. – 30 л.
48. P-48. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа // Комсомолец Туркменистана. 1939. № 120. 3-й очерк. Вырезка из газеты и рукописи. Ашхабад. – 19 л.
49. P-47. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа, 1939. – 16 с.
50. P-21. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. – Ашхабад, 1939. – 30 л.
51. P-41. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. Очерки по истории туркмен и туркменского народа. – 12 л.
52. P-59. Карпов Г. И. К 15-летию ТССР. Гражданская война в Туркмении и ликвидация Закаспийского фронта и др. – 101 л.
53. P-259. Карпов Г. И. Материалы к истории Коммунистической партии /б/ Туркменистана. Раздел: Компартия Туркмении в период восстановления народного хозяйства (1921–1925). Ашхабад, 1943. – 108 л.
54. P-57. Карпов Г. И. Материалы к истории ЛКСМТ. – 142 л.
55. P-38. Карпов Г. И. Материалы к истории древнего Мерва. Город и область. 1939. – 29 л.
56. P-138. Карпов Г. И. Материалы к истории возникновения Закаспийского фронта. Ашхабад, 1933. – 78 с.
57. P-102. Карпов Г. И. Материалы к докладу на 4-й сессии Туркменфана. – 77 л.
58. P-120. Карпов Г. И. Материалы вечеров-воспоминаний (1931). – 83 л.

59. P-63. Карпов Г. И. Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Туркменистана. 1940. – 59 л.
60. P-124. Карпов Г. И. Краткий обзор Ирана. – Ашхабад, 1941. – 56 л.
61. P-85. Карпов Г. И. Краткий обзор Афганистана. – 17 л.
62. P-141. Карпов Г. И. Краткие справки о туркменских родоплеменных объединениях, их численном составе и расселении. Ашхабад, Туркменфан, 1941. – 88 л.
63. P-142. Карпов Г. И. Краткие сведения о Мешхед-и-Мисариане (С приложением Рабочей тетради Г. И. Карпова). Ашхабад, 1942. – 21 л. (Туркм. филиал АН СССР).
64. P-258. Карпов Г. И. Материалы об археологических памятниках Туркменской ССР. Ашхабад, 1924. – 47 с.
65. P-52. Карпов Г. И. Материалы по восстановительному периоду. Б.м., б.г. – 98 с.
66. P-230. Карпов Г. И. Материалы по Ирану. – 105 с.
67. P-45. Карпов Г. И. Материалы по Ирану. 1942–1943 гг. – 130 л.
68. P-8. Карпов Г. И. Материалы по истории хорезмских туркмен. – 417 л.
69. P-15. Карпов Г. И. Материалы по туркменской топонимике. – 50 л.
70. P-196. Карпов Г. И. Материалы по этнографии туркмен. – 98 л.
71. P-249. Карпов Г. И. Материалы Сессии Комиссии АН СССР по этногенезу народов Средней Азии. Ашхабад, 1942. – 161 л.
72. P-74. Карпов Г. И. Махтум Кули (К 100-летию юбилею). Ашхабад, 1940. – 163 л.
73. P-18. Карпов Г. И. Мешхед-и-Мисариан (ар-Рабат, Дихистан). – 22 л.
74. P-222. Карпов Г. И. На заре революции. – 50 л.
75. P-97. Карпов Г. И. Набеги белых на Душак. (Из воспоминаний Мухина). – 8 л.
76. P-140. Карпов Г. И. Название туркменских земель в Анатолийской Турции (по данным Кихал-Ахмед-Наджи). – 26 с.
77. P-125. Карпов Г. И. Население Ирана по данным... Ашхабад, 1938. – 24 л.
78. P-81. Карпов Г. И. Национально-государственное размежевание Средней Азии и образование ТССР. – 36 л.
79. P-64. Карпов Г. И. Лебедев Н. Ф. О двух Юсуфах. – 104 л.
80. P-139. Карпов Г. И. О положении женщины-туркменки в прошлом и настоящем. 1945. – 117 л.
81. P-75. Карпов Г. И. О произволе и насилиях туркменских ханов

- и русской царской администрации. – 133 л.
82. P-61. Карпов Г. И. О туркменских ханах, сердарах, аксакалах, мирабах, джарчи и др. А Ахале /XIX в./ – 1939. – 105 л.
83. P-71. Карпов Г. И. О «яшмаке». Ашхабад, 1940. – 48 л.
84. P-30. Карпов Г. И. Обзор переводов иностранной исторической литературы о Туркмении и туркменах. – 1939. – 34 л.
85. P-80. Карпов Г. И. Образование ТССР. – 12 л.
86. P-31. Карпов Г. И. Образование ТССР. – Ашхабад, 1939. – 18 л.
87. P-110. Карпов Г. И. Общие сведения по ТССР. – 20 л.
88. P-101. Карпов Г. И. Описание местности (Бахарденский и Безмеинский районы). – 13 л.
89. P-98. Карпов Г. И. От Тедженского восстания 1916 г. к Октябрю в Туркмении. – 88 л.
90. 2 (28915, 28916, 44110, 44111, 44112, 112028). Карпов Г. И. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад, 1940. – 57 с. Библиография: С.55-57.
91. P-78. Карпов Г. И. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа (Вырезки из газет). Октябрь-ноябрь 1939. – 9 л.
92. P-70. Карпов Г. И. Переселение хозяйств б. Асхабадского уезда Закаспийской области (с 1891 по 1930 гг.). – 112 л.
93. P-39. Карпов Г. И. Перечень научных трудов, специальной и популярной литературы в период 1925–1935 гг. – 4 л.
94. 3/35496, 3/35498. Карпов Г. И. Племенной и родовой состав туркмен / Сост. Г. Карпов. Полторацк (Асхабад): Туркменгосиздат, 1925. – 9 с.; 9 л. табл. (ТССР. Нар. комиссариат внутренних дел Туркм.ССР). Рукопись.
95. P-113. Карпов Г. И. Полтора года советского строительства в Туркменской Советской Социалистической республике (ноябрь 1924 – август 1926). Полторацк – Ташкент, 1926. – 120 л. Рукопись.
96. P-36. Карпов Г. И. Полторацкий (Асхабадский) район Туркменской ССР. 1926. – 225 л.; 2 л. табл.
97. P-121. Карпов Г. И. Полторацкий (Асхабадский) район Туркменской ССР. Историко-экономическая характеристика. Материал по обследованию кишлака и аула (по заданиям Уполномоченного СТО в Средней Азии). Полторацк-Асхабад, 1926. – 225 л. (Ин-т истории). Рукопись.
98. P-119. Карпов Г. И. Протоколы... – 1939. – 52 л.
99. 3/35508, 35509, 59465. Курбанов Л., Карпов Г. Прошлое и настоящее туркменского народа. Ашхабад, 1942.

100. P-158. Карпов Г. И. Разные этнографические пословицы и поговорки // Поцелуевский А. П. Рифма в произведениях Махтум-Кули. – С.20-88. Рукопись.
101. P-46. Карпов Г. И. Районы, оазисы и население. 1945. – 9 л. с картой
102. P-1. Карпов Г. И. Рассказы текинцев об истории своего племени. Ашхабад, 1939. – 59 л.
103. P-115. Карпов Г. И. Родовые деления туркмен. (Из личного архива Г. И. Карпова). Ашхабад, 1935. – 670 л.
104. P-76. Карпов Г. И. Родо-племенные организации туркмен. Родовые пережитки у туркмен. От Октября – к ТССР. – 46 л.
105. P-84. Карпов Г. И. Роман Магруппи «Юсуф и Ахмед». – 42 л.
106. P-130. Карпов Г. И. Рукопись брошюры «Туркменистан». Ашхабад, 1945. – 143 л.
107. 3/30723. Батыров Ш. Б., Карпов Г. И. Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1948. Рукопись.
108. P-100. Карпов Г. И. Сельджукское движение в Туркмении в XI в. – 240 л.
109. P-27. Карпов Г. И. Список народностей Ирана. – 20 л.
110. P-32. Карпов Г. И., Башкиров А. В. Список народностей Ирана. Ашхабад, 1943. – 88 л. Рукопись.
111. P-114. Карпов Г. И., Башкиров А. В. Список народностей Ирана. – Ашхабад, 1943. – 79 л. Рукопись.
112. P-34. Карпов Г. И. Список народностей Ирана. 1943. – 78 л. Рукопись.
113. P-33. Карпов Г. И. Список народностей Ирана. Ашхабад, 1942. – 20 л. Рукопись.
114. P-11. Карпов Г. И. Список народностей Ирана. 1942–1945 гг. – 101 л. Рукопись.
115. P-72. Карпов Г. И. Список огузских племен с выяснением их представителей среди современных туркмен. Ашхабад, 1936. – 7 л.
116. P-146. Карпов Г. И. Справка о тюрках «гагаузах», проживающих на Украине и Бессарабии. Ашхабад, 1939. – 103 с.
117. P-281. Карпов Г. И., сост. Там, где было царское имение: К истории колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района Туркменской ССР. Байрам-Али, 1934. Рукопись.
118. 4/12670, 12669. Карпов Г. И. Творчество народов Туркменистана. М., 1936.
119. P-88. Карпов Г. И. Топонимика. – 135 л.

120. P-60. Карпов Г.И. 3-й экземпляр и оригиналы монографий и материалов по истории туркменских племен «Салыр», «Караул», «Мурчали», «Сунчали», «Меджеур», «Махтум», «Махтум-Огзам», «Гоклен». Ашхабад, 1939.– 200 л. Рукопись.
121. P-173. Карпов Г.И. Туркестанская контрреволюционная организация и Джунаид-хан. – 117 л.
122. P-94. Карпов Г.И. Туркмения. Краткая историко-географическая справка. – 51 л.
123. P-77. Карпов Г.И. Туркмения: I. В составе Российской империи (1881-1917, февраль); II. В период 1917–1925 гг. Ашхабад, 1943. – 107 л.
124. P-3. Карпов Г.И. Туркмения в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1924). – 30 л.
125. P-10. Карпов Г.И. Статья «Туркмения в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1924)». – 226 л.
126. P-108. Карпов Г.И. Туркмения и туркмены (1930–1934). – 40 л.
127. 2/10908, 24487, 41295, 41306. Карпов Г.И., Школьников Е. Туркменская ССР. – М.: Госполитиздат, 1945. – 71 с. Рукопись.
128. P-190. Карпов Г.И., Мошкова В.Г. Туркменская ССР в период борьбы за восстановления народного хозяйства (1921–1924 гг.). Туркмения в период социалистической реконструкции (1925–1929 гг.). – 161 л.
129. P-43. Карпов Г.И., Мошкова В.Г. Туркменская ССР в период борьбы за восстановление народного хозяйства (1921–1924 гг.). Туркмения в период социалистической реконструкции (1925–1929 гг.). – 183 л.
130. P-24. Карпов Г.И. Туркменская степь. – 1945. – 111 л.
131. P-73. Карпов Г.И. Туркменские племена. Ашхабад, 1928. – 210 л.
132. P-198. Карпов Г.И. Туркменские поэты-классики Сейди и Зелили. (Названия турецких земель в Анатолии). Справка о племени Дженаир (XVI – XIX вв.). – 280 л.
133. P-6. Карпов Г.И. Туркменские родовые аксакалы. – 43 л.
134. P-15. Карпов Г.И. Туркменские племена абдал. Ашхабад, 1939. – 16 С.
135. P-53. Карпов Г.И. Туркменское племя Али-Эли. (Материалы к исследованию туркменского народа). Ашхабад, 1939. – 9 л.
136. P-9. Карпов Г.И. Туркменское племя Баят. – 13 л.
137. P-23. Карпов Г.И. Туркменское племя Сакар. – 27 л.
138. P-7. Карпов Г.И. Туркменское племя Сарьки. – 1939. – 42 л.

139. P-117. Карпов Г.И. Туркменское племя Теке. (Рабочая тетрадь). – 45 л.
140. P-12. Карпов Г.И. Туркменское племя Ших. (Материалы к исследованию туркменского народа). – Ашхабад, 1939. – 7 л.
141. P-149. Карпов Г.И. Туркмены Северо-Кавказского края чаудор, игдыр, союнджаджи и их история. Ашхабад, 1936. – 24 л.
142. P-14. Карпов Г.И. Туркмены Эсенхановского улуса. Ашхабад, 1945. – 27 л.
143. P-189. Карпов Г.И. Туркмены Эсенхановского улуса. Ашхабад, 1945. – 33 л.
144. P-20. Карпов Г.И. 1905 год в Туркмении. Хронологическая справка. – 18 л.
145. P-4. Карпов Г.И. Тюрко-татарские племена. – 39 л.
146. P-54. Карпов Г.И. Фольклор. – 40 л.
147. P-2/67. Карпов Г.И. Фольклорный материал. 1935. – 103 л.
148. 4/38996. Карпов Г.И. Хива и туркмены в период владычества хана Асфендияра (1909–1918). – 143 л.
149. P-16. Карпов Г.И. Хивинские туркмены и конец Кунградской династии. Ашхабад, 1930. – 230 л.
150. P-58. Карпов Г.И. Черновики: Мехинли, Имрели, Ак-Коюнлу, Кара-Коюнлу. Ашхабад, 1939. – 19 л.
151. P-129. Карпов Г.И. Черновые материалы по истории Хорезмских туркмен. Ашхабад, 1936. – 82 л.
152. P-223. Карпов Г.И. Чехословацкий Восточный институт в Праге. – 26 л.
153. P-106. Карпов Г.И. Экспозиция отделов истории революции ТССР. – 22 л.
154. P-37. Карпов Г.И. Эпоха Махтум Кули. 1941. – 81 л.
155. P-118. Карпов Г.И. Эпоха Махтум Кули Давлет Мамед (оглы) фрагм. 1941. – 88 л.
156. P-128. Карпов Г.И. Этнографические этюды. Народные легенды о городе Массариане. Ашхабад, 1939. – 31 л.
157. 2/10936, 28868; P-2/28869; БТ (личный фонд Бердыева Тагана) – 379, 380. Воспоминания участников о гражданской войне в Туркмении (1918–1920) / Карпов Г.И. (Ред.). Ашхабад, 1940. Рукопись.
158. 3/14680, 14681, 22827, 35426, 35427, 30736; P-44873, 8350. Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад, 1946. (Т.) I / Ред. Карпов Г.И. Рукопись.

Публикации С. М. Демидова о Г. И. Карпове и его работах

Демидов С. М. Жизнь посвятив Туркменистану... // ТИ. 1994. 29 августа.

Демидов С. М. Г. И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана // Вестник Евразии. М., 2001. № 3. С. 47-85.

Демидов С. М. Трагическая и прекрасная судьба историка // Туркменистан: выдающиеся люди XX века. Ашхабад, 2002. С. 216–221.

Записка Г. И. Карпова Членам Бюро ЦК КП/б/Т¹

Зам. председателя СНК
т. Сенникову

ЧЛЕНАМ БЮРО ЦК КП/б/Т²

На заседании бюро ЦК 15/IV, за поздним временем я не смог высказаться по некоторым вопросам при обсуждении доклада комиссии по 2-му вопросу повестки дня.

В кратких чертах по некоторым вопросам хочу дать свои объяснения в настоящей записке.

1. Мне, профессору Маслову и прокурору Тушевскому было поручено т. Коноховым написать справку по истории самосожжения³ и только. Попутно рекомендовано было ознакомиться с некоторыми судебными делами о самосожжении, делами имевшимися в наличии в судорганах – в Ашхабаде (21 дело). Срок нашей работы был весьма ограничен.

2. При ознакомлении с историческими сведениями о самосожжениях у народов, так или иначе соприкасавшихся в прошлом с предками туркмен, мы не нашли указаний на самоубийство путем самосожжения. Нет их и в Коране. Имеется лишь в истории Ислама указание на то, что арабы-мусульмане убивали некоторых («неверных»), говоря при этом, «что спасают их души»...

1 Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ). Ф. Р-2, оп. 12, д. 49, л. 4–6.

2 Все выделения в тексте сделаны Г. И. Карповым.

3 Следует сказать, что о случаях самосожжения женщин-туркменок автору данной монографии встречались материалы в туркменской прессе еще в 60–70-х годах прошлого века. Однако наряду с этим использовались и другие формы самоубийства. Известен также один случай сожжения в туркменской печке-тамдыре туркмена-предателя во время первой осады русскими войсками крепости Геок-тепе в 1879 г. – С. М. Демидов

О самосожжении туркмен

Записка СНК т. Сенникову 4

С. Н. И. Т. С. С. Р.		
ЧЛЕНАМ БЮРО ЦК КП/6/Т	Дата поступления	П. П. ПРИВЛЕЧЕНИЕ
	22/11/16	СК. ЗМ.

На заседании бюро ЦК 15/11, за прошедшим временем я не смог высказаться по некоторым вопросам при обсуждении доклада комиссии по 2-му вопросу повестки дня.

В кратких чертах по некоторым вопросам хочу дать свои объяснения в настоящей записке.

1. Мне, профессору Маслову и прокурору Ташевскому было поручено т. Коноховым написать справку по истории самосожжения и только. Попутно рекомендовано было ознакомиться с некоторыми судебными делами о самосожжении, делами имевшимися в наличии в судорганах - в Ашхабаде (21 дело). Срок нашей работы был весьма ограничен.
2. При ознакомлении с историческими сведениями о самосожжениях у народов так или иначе соприкасавшихся в прошлом с предками туркмен мы не нашли указаний на самоубийство путем самосожжения. Нет их и в Коране. Имелось лишь в истории Ислама указание на то, что арабы-мусульмане убивали некоторых ("неверных"), говоря при этом, что спасают их души...
3. Среди туркменского населения ШИРОКО распространенных религиозных представлений, связанных с самосожжением нами не выявлено. Однако, из опроса лиц знакомых с адатом (неписанным законом - обычным правом) нами установлено, что САМОСОЖЖЕНИЕ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СТЕПЕНИ НАХОДИТСЯ В СВЯЗИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ у туркмен в первую очередь. Например, опрошенные старики-хранители обычаев (их показания напрасно игнорирует т. Шлюшкин) сообщили нам, что по представлению туркмен, (религиозной части) "Огонь облада-

3. Среди туркменского населения ШИРОКО распространенных религиозных представлений, связанных с самосожжением, нами не выявлено. Однако, из опроса лиц, знакомых с адатом (неписанным законом - обычным правом), нами установлено, что САМОСОЖЖЕНИЕ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СТЕПЕНИ НАХОДИТСЯ В СВЯЗИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ у туркмен в первую очередь. Например, опрошенные старики-хранители обычаев (их показания, напрасно игнорирует т. Шлюшкин) сообщили нам, что по представлению туркмен (религиозной части), «Огонь обладает очистительной силой» и что «если согрешивший умирает путем самосожжения, то его душа не попадает в ад». Или - «грехи до 16 лет записываются на песке и их ветер разносит, а грехи, совершенные свыше 16-летнего возраста, записываются на камне и их не уничтожить ветром. Их можно уничтожить только огнем» и т.д.

Такого рода разговоры имеют место в ауле, носителями их являются в первую очередь духовенство и хранители старых традиций - реакционная среда.

4. Относительно распространения самоубийства путем самосожжения мы привели заявление опрошенных нами туркмен, указавших, что «самосожжение началось с ПОЯВЛЕНИЯ КЕРОСИНА в Туркмении» и в нашей записке нет указаний (как отметил т. Шлюшкин), что «самосожжение началось после революции в связи с распространением керосина среди туркмен». Керосин или нефть известны были туркменам и до завоевания Туркмении царизмом. При этом мы не утверждаем, что причиной при самосожжениях явился керосин.

5. Из 21-го дела о самосожжениях, просмотренных нами, мы пришли к заключению, что по возрастному признаку женщины-туркменки прибегают к самоубийству путем самосожжения (засватанные или замужние) в возрасте главным образом от 16 до 30 лет, и что значительная часть их связана с общественной работой. Ряд случаев показывает, что как только женщина начинает участвовать в той или иной общественной работе, то сейчас же на нее обрушиваются все невзгоды, упреки, поношения в среде близких ей людей - родственников в первую очередь (свекровь, муж и т.д.).

6. Женитьба путем обмена сестрами (без калыма), возвращение жены в дом родителей после месячного пребывания ее в доме мужа,

умыкание, выдача замуж несовершеннолетних и ряд других явлений – связаны прежде всего с калымом, который «подпольно» существует во многих случаях и по сей день [здесь и далее речь идет о 1940 г – *Прим. ред.*]. Положительная борьба против калыма приведет к отмиранию приведенных выше «правил» неписанного закона обычного права (адата).

7. В практике ведения следствия по делам об убийствах и саможжениях, как правильно отметил т. Борщев, дело ограничивается установлением УГОЛОВНОГО преступления, но совершенно не выясняется ПОЛИТИЧЕСКАЯ сторона дела. Не обращается внимание на причины приведения к самоубийству или убийству.

8. Ряд дел и фактов, с которыми мы ознакомились, показывают, что женщина-туркменка до сих пор во многих случаях остается во власти феодальных пережитков, подчинены нормам адата, остается рабыней мужа и старших в семье. И очень часто, близкие ей люди, в первую очередь муж и свекровь, подстрекаемые «хранителями» адата, являются исполнителями феодальных пережитков.

По поверью, женщина «не должна выходить из дома вечером, после захода солнца» тем самым лишает ее возможности участвовать на вечерних работах, вечерних сменах и т.д.

9. Относительно «яшмака» мною представлена отдельная записка т. Фонину⁴. Прав т. Гельдыев, указывавший на необходимость борьбы с ношением яшмака как символом закрепощения, а не с борыком (бориком), составляющим головной убор.

Г. КАРПОВ

16–4–1940

4 Фонин Михаил Макарович (1905-1974) – первый секретарь ЦК КП(б) Туркменистана с 1939 по 1947 г.

РАБОТЫ Г.И. КАРПОВА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В РЕДКИХ ИЗДАНИЯХ

Г.И. КАРПОВ

ТУРКМЕНИЯ И ТУРКМЭНЫ (ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)¹

*Была колония – стала Туркменская
Советская Социалистическая Республика.*

1.

В историческом прошлом страна, ныне именуемая Туркменией, несмотря на свой пустынный характер, – в течении многих веков играла значительную роль и служила яблоком раздора для соприкасавшихся в этом месте народов Ирана и Турана.

Первыми «владельцами» современной Туркмении являлись персы. При царе Дарии Гистаспе (в VI веке до н. эры), покорив Персию², подчинил себе всю страну и основал на месте Мерва город Александрию и г. Несу³ (нынешний аул Багир) – Александрополь – в нынешнем Ахал-Текинском оазисе. Хорезм при Александре Македонском оставался независимым. От греков власть перешла к персидской (парфянской) династии Аркасидов⁴ и Сасанидов (с 250 г. до Р. Хр. до 651 г. по Р. Хр.), при которых город Неса играл немаловажную роль, – как центр культурно-политической жизни страны.

Во времена арабского нашествия Мерв был занят последними в 636 г. нашей эры при халифе Османе, которые владели им до 817 г. Хорезм был занят арабами в 712 г., где они сохранили туземную династию и в то же время посадили своего наместника. Двоевластие постепенно привело к распадению Хорезма на два независимых, враждебных друг другу владения: одно – хорезмшахов на юге, с главным

1 Статья опубликована: Туркменоведение. 1929. № 10-11. С. 35-42. Сохранена оригинальная орфография. Все примечания в сносках сделаны редактором.

2 Историческое название Ирана.

3 Название этого исторического города, с 2007 года входящего в Список всемирного наследия ЮНЕСКО до настоящего времени пишется по-разному. Чаще всего в русском языке используется термин Ниса́. Наиболее близко к оригинальному парфянскому произношению – Нусай. Так его и сейчас называют на туркменской языке.

4 В настоящее время династия обозначается как Аршакиды.

городом Кятот (ныне кишлак Шейх-Абас-Вели), и другое – арабских эмиров на севере, с главным городом Гурганчем (ныне Куны-Ургенч). Двухцарствие в Хорезме продолжалось до 995 года.

До перехода власти к туркменской династии Сельджукидов от Абассидов управление страной перешло к Тахиридам (822–873), а затем к Газневидам (962–1160). Тюрки-Сельджукиды заняли Мерв в 1036 г. и Хорезм в 1043 г., при которых страна достигла наибольшего своего процветания.

Большим опустошением были подвергнуты г.г. Мерв, Ниса, Серахс и Хорезм (1220–1224), пришедшими с Востока кочевниками – тюрко-монголами, объединенными Чингиз-ханом.

В 1384 году другой монгольский завоеватель Тимур-Ленг (Тамерлан), совершая поход в Мазандеран вторично разорил города края: Серахс, Абивед⁵ (около Каахка) и Несу. Тимур-Ленгом в 1379 году был занят Хорезм, который при вторичном его походе (1388 г.), для наказания жителей за переход на сторону золото-ордынского хана Тохтомыша, – был опустошен, а жители его переселены были в другие страны. Лишь в 1391 году Тимур разрешил восстановить Ургенч и заселить страну.

От потомков Тимура Мерв и Ахал переходят к первым, в лице династии Сефевидов (1510), а Хорезм к узбекам – Шейбанидам (1505). Впоследствии, после смерти Надир-Шаха, около 1750 г., Мерв также был занят бухарскими узбеками, которые владели этим городом до 1820 г.

Г.г. Абивед, Серахс, Теджен, Неса, районы Ахала и Атрека, при занятии Мерва бухарскими узбеками остались под властью персов и входили в состав Хоросанской⁶ (кроме Атрек-Гюргена) провинции.

Надир-Шахом был также занят и Хорезм (1740). С его смертью (1747 г.) прекратилась зависимость Хорезма от Персии, власть перешла в руки ханских советников-инаков – и лишь в начале XIX века один из инаков, Ильтезер, принял титул хана и продолжил Кунградскую династию (до 1818 г.).

5 В настоящее время обозначается как Абивард, Бавард, Абаверд, чаще всего как Абиверд.

6 Хорасанской

В то время, когда ханы и эмиры Бухары, Хорезма и Персии вели борьбу за территорию, ныне объединяемую ТССР, и в то время (конец XVIII и начало XIX в.в.) уже фактически принадлежавшую отдельным туркменским племенам, – на мировой арене зрели новые силы, движимые из Европы торгово-промышленным капиталом. Приход русских совпал еще и с раздорами, имевшимися между отдельными туркменскими племенами, что способствовало сравнительно быстрому захвату территорий, заселенных воинственными туркменскими племенами. Хива была занята в 1873 г., Геок-Тепе и Ашхабад – в 1881 г., Мерв⁷ – 1884 году и Кушка – 1885 г.

С установлением границ между Россией, Хорезмом, Бухарой, Афганистаном и Персией туркменские племена были тем самым расчленены на 6 частей (неравномерных, конечно, по величине) и утратили свою самостоятельность почти на полвека.

Октябрьская революция позволила трудящимся Средней Азии свергнуть власть эмиров, ханов и наместников царствовавшего дома в России (1917–1920), выйти из-под власти их приспешников и эксплуататоров⁸ и, объединившись в самостоятельные, национальные республики, войти равноправными членами (1924) в Союз Социалистических Советских Республик⁹.

В результате национально-государственного размежевания Средней Азии (ноябрь 1924 г.) территория Туркмении расширилась. Была образована Туркменская Социалистическая Советская Республика¹⁰, в которую вошли: Туркменская область бывшей Туркестанской республики, Чарджуйский, Керкинский и часть Шир-Абадского (Келифский туман) – вилайэты бывшей Бухарской республики и пять шуро Хорезмской: Ташауз, Ильялы, Тахта, Порсу и Куня-Ургенч.

Туркменская Социалистическая Советская Республика расположена между 35,38 градусами и 42,45 градусами северной широты и 22,36

градусами восточной долготы¹¹ (по Пулковскому меридиану¹²) и занимает огромное пространство – 443 649 кв. километров.

По площади Туркмения занимает в СССР (среди шести союзных республик) второе место. На севере Туркмения граничит в Казакстаном¹³, на юге – с Афганистаном и Персией, на востоке – с Узбекистаном и Таджикистаном¹⁴. На западе границей ТССР является восточное побережье Каспийского моря, начиная (на севере) Кара-Бугазским проливом¹⁵ и кончая (на юге) р. Атрек.

Численность населения Туркмении, по данным переписи 1926–1927 года, определяется в 1 030 641 человек, из которых на долю городского населения приходится 136 982 человека, сельского – 893 659 человек. Как в городах, так и в аулах мужское население преобладает над женским.

	мужчин	женщин	всего
В городах	76 587	69 395	145 982
В аулах	470 848	422 811	893 659

Если Туркмения превышает по территории целый ряд европейских государств – республик Союза ССР и Средней Азии – то по плотности населения она занимает среди них последнее место, что видно из ниже приводимой таблицы:

11 Здесь в оригинале явный пропуск, т.к. указана лишь одна из координат по долготе. По современным данным, Туркменистан расположен между 35°08' и 42°48' северной широты и 52°27' и 66°41' восточной долготы. Общая площадь государства составляет 491,2 тыс. кв. км, протяженность границ с севера на юг – 650 км, с запада на восток – 1110 км (<https://science.gov.tm/turkmenistan/geodata/>)

12 Пулковский меридиан до начала XX века использовался в качестве нулевого меридиана для отсчёта географической долготы на картах России. Он расположен в 30°19'34" к востоку от Гринвичского меридиана (его координаты: 59°46'18" с.ш. 30°19'33" в.д.).

13 Казахстаном

14 Прямой границы между Туркменистаном и Таджикистаном не было. 1924 г. Таджикская Автономная Социалистическая Советская Республика входила в состав Узбекской ССР. 16 октября 1929 года Таджикская АССР была преобразована в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику, которая 5 декабря 1929 года вошла в состав СССР на правах союзной республики.

15 Пролив носил это название до 1936 г. Ныне он носит название пролив Кара-Бугаз-Гол и соединяет одноименный залив-лагуну с Каспийским морем.

7 В 1937 году Мерв переименован в Мары.

8 эксплуататоров

9 Союз Советских Социалистических республик

10 Туркменская Советская Социалистическая Республика

СТРАНЫ	территория	население	Плотность на 1 км ²
Туркмения	463 100	1 030 641*	2,5 чел
Англия	230 543	42 000 000	186 чел
Германия	470 115	62 000 000	133 чел
Италия	310 100	38 800 000	129 чел
Бельгия	30 441	7 600 000	251 чел
Казакстан	2 800 000	5 858 900	2,1 чел
Узбекистан	322 000	4 804 000	14,9 чел
Киргизия	195 785	834 000	4,2 чел
РСФСР	19 442 000	96 612 000	4,9 чел
Украина	430 000	27 302 000	63,4 чел
Белоруссия	108 000	4 262 000	39,4 чел
ЗСФСР ¹⁶	164 000	5 554 000	33,8 чел

* – Последняя, опубликованная в печати цифра населения Туркмении 1 055 800 человек; городского – 135 800, сельского – 920 000 человек. Столицей Туркмении является город Ашхабад с населением в 47 155 человек, где сосредоточены все республиканские – правительственные, госторговые, банковские, кооперативные и общественные учреждения и организации. Из других крупных городов Туркмении можно отметить: Мерв – центр богатого хлопководческого района, с населением в 19 000 человек; Новый Чарджуй¹⁷ – на Аму-Дарье – с населением в 13 674 человека, Красноводск¹⁸ – на берегу Каспийского моря – с населением в 10 022 человека.

Города и поселения городского типа с меньшим количеством населения следующее:

16 Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика образована 13 декабря 1922 г. В нее при сохранении самостоятельности вошли Азербайджанская, Армянская и Грузинская Социалистические Советские Республики. 30 декабря 1922 года ЗСФСР объединилась с РСФСР, УССР и БССР в Союз ССР, а 5 декабря 1936 года ЗСФСР была упразднена. Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР вошли в состав СССР непосредственно, как самостоятельные союзные республик,

17 Название города менялось неоднократно. Современное название – Туркменабад. Ранее – Амьль, Чарджуй, Чарджоу, Чарджёв, Ленинск-Туркменский.

18 В настоящее время – Туркменбаши.

Ташауз ¹⁹	3 528 человек	Иолотань	2 012 человек
Керки	6 641 человек	Кизил Арв. ²⁰	6 615 человек
Теджен	1 700 человек	Серахс	559 человек
Байрам Али	4 765 человек	Ст. Чарджуй	1 673 человека
Каахка	1 399 человек	Тахта-Базар	938 человек

Все города и городские поселения Туркмении, за исключением Ташауза, Тахта-Базара и Серахса – лежат на линии Средне-Азиатской железной дороги.

Основную массу населения, а именно – 78 процентов, – составляют туркмены, живущие, почти исключительно в аулах; из нацменьшинств в Туркмении живут: русские, узбеки, джемшиды, курды, казаки, таранчинцы²¹, немцы и др. Сравнительная таблица численности национальностей Туркмении такова:

	городского	сельского	всего
Туркмены	9 790	710 002	719 792
Узбеки	8 476	96 496	104 972
Русские	63 975	11 381	75 356
Персы	5 142	2 009	7 151
Казаки	471	9 000	9 471
Таджики	-	468	468
Каракалпаки	-	1 520	1 520
Белуджи	-	9 952	9 952
Джемшиды	-	931	931
Прочие	22 829	13 299	25 128
Иностранные под [данные]	16 882	8 433	25 315
ИТОГО	136 983	863 932	1 000 915

19 Современное название – Дашогуз

20 Кызыл Арват, современное название – Сердар.

21 Таранчины или раранчи – (дословно земледельцы) название уйгуров долины р. Или.

В момент образования Туркменской СС Республики (и в первый год ее существования) система административного устройства частей, отошедших к ней от Туркестана, Бухары и Хорезма, была крайне неоднородна.

На территориях, входящих с Туркестанскую республику, существовали: области, уезды, волости и аулсоветы. Бухарская республика делалась на вилайэты, туманы и кенты. Хорезмская республика – на шуро и аксакальства.

Одной из первых задач новой Туркменской Республики являлось – установление во всех своих частях однообразной системы административного управления. Вопрос об административном делении Туркменской ССР обсуждался впервые еще в Ташкенте при национальном размежевании, затем в специальной комиссии по национальному размежеванию при Средне-Азиатском Бюро ЦК РКП (б) и в национальном Бюро Туркменистана.

Для Туркменской ССР была принята трехчленная система административного деления: округ, район и аульное общество (аулсовет, сельсовет).

Первое постановление, касающееся административного устройства, было издано Революционным Комитетом Туркменской ССР 4-го декабря 1924 года за № 13. Этим постановлением Туркменская ССР была разделена на пять округов: Мервский, Полторацкий²², Керкинский, Ленинский²³ и Ташаузский. В основу деления по бывшей Туркменской области (Мервский и Полторацкий округа) был положен проект бывшей Туркестанской Комиссии районирования, а на территориях, отошедших от Бухары и Хорезма, было закреплено существовавшее там административное деление, с переименованием туманов Бухары и шуро Хорезма в районы (Керкинский, Ленинский и Ташаузский округа). Низовое деление по всей Туркменской ССР было оставлено прежнее.

В развитие постановления № 13 Революционным Комитетом Туркменской ССР было создано второе постановление от 24-го января 1925 года за № 42. В этом постановлении более подробно указыва-

22 Главный город – Полторацк, ныне Ашхабад.

23 В 1926 г. переименован в Чарджуйский округ.

лось – какие именно прежние мелкие административные единицы входят в состав вновь образуемых округов и районов.

Весь Туркменистан при пяти округах был разбит на 26 районов и 7 волостей.

Постановлением от 29 апреля 1925 года за № 14 ЦИК²⁴ Туркменской ССР признал необходимым для окончательного оформления нового административного деления произвести из местных всестороннее обследование округов, выяснить и оформить существующее в натуре административное деление, и на основании собранных материалов, наметить твердую сеть новых аулсоветов, границы их, а также границы районов и округов.

При характеристике самих работ по установлению нового административного деления, нужно было, прежде всего, учитывать своеобразие природных, экономических и бытовых условий.

Большую часть территории Туркменистана занимает, как известно, пустыня. Культурные оазисы расположены только в низовьях Аму-Дарьи, – тянутся узкой полосой по берегам ее в среднем течении и находятся в пограничных с Персией горах и предгорьях, то есть там, где наличие воды дало возможность использовать естественные водные источники, или создать и развить искусственную систему орошения. Вода является в Туркменистане важнейшим экономическим фактором, который решающим образом определяет и порядок расселения населения и формы народного хозяйства. В связи с наличием или недостатком воды, находится и распределение хозяйств на оседлые и полuosедлые.

Наряду с этим фактором, на расселение населения и взаимоотношения отдельных его групп сильнейшее влияние оказывали и оказывают исторически сложившиеся в течении²⁵ ряда веков племенные и родовые связи.

Родовые связи привели, во многих случаях, к черезполосице и крайнему дроблению административных единиц, так как представители какого-нибудь известного рода, живущие попеременно с другими родами и территориально обособленные от своих сородичей,

24 Центральный Исполнительный Комитет.

25 Так в оригинале

во многих случаях административно все-таки были объединены с последними.

В качестве общей характеристики Керкинского, Чарджуйского и Ташаузского округов, вошедших в сферу влияния советской государственности только с образованием Туркменской ССР, нужно отметить незнание населения с основными принципами советской власти и советского административного управления.

Ясно, насколько сложна была обстановка, при которой протекали работы по установлению нового административного деления Республики. Для того, чтобы этими работами была обеспечена главная практическая цель – развитие хозяйственных и производственных сил страны, нельзя было игнорировать ни одно из отмеченных обстоятельств.

Отличительные черты нового административного устройства сводятся к следующему:

1) введена трехчленная система управления: округ, район и аулсовет – административный аул; все существовавшие ранее волости упразднены:

2) административные единицы объединяют, по возможности, население, одинаковое по основному роду занятий (земледелие, скотоводство, промыслы):

3) основным экономическим признаком, определяющим состав административных единиц, является общность водопользования:

4) новое административное деление построено так, чтобы постепенно изжить те вредные стороны родовых и племенных взаимоотношений, которые связывают хозяйственный рост страны (черезполосица, дробление участков и родовой принцип):

5) в отношении крупных административных единиц в их культурной части сохранена почти в полностью²⁶ преемственность с прежними административными границами, поскольку эти части представляли обособленные друг от друга оазисы. Так, Ташаузский округ образован в границах отошедшей к Туркменистану части Хорезма, за исключением самой южной его полосы, незначительной по населению и тяготеющей к Чарджуйскому округу. Чарджуйский округ – из Чарджуйского

вилайэта Бухары и Керкинский – из Керкинского вилайэта с прибавлением Келифского тумана Ширабадского вилайэта.

Одним из достижений нового административного деления является установление твердой низовой административной сети и прекращение тех административных перегруппировок, которые, как выше было отмечено, производились ранее по инициативе и распоряжению мест.

Из приведенного видно, что выполненную по установлению административного деления Туркменской ССР работу нельзя назвать районированием в строгом смысле этого слова, так как являющийся основой районирования – экономический признак не всегда является решающим при проведении тех или иных административных границ (приходилось учитывать влияние племенных и родовых группировок).

Наибольшее применение экономические предпосылки нашли при административном делении Мервского и Ашхабадского округов, где в основу первоначального деления, как уже сказано, был положен проект районирования бывшей Туркменской области (составленный бывш. Туркменской Комиссией районирования) – но и здесь национальные мотивы внесли свои коррективы и изменили эту основу.

В целом – вновь устанавливаемое административное деление Туркменской ССР является переходным от архаичности и пестроты существовавших до национального размежевания административных единиц к упрощенной трехчленной системе административного управления на началах советской государственности, с постепенной ликвидацией тех пережитков в племенных отношениях, которые стоят в противоречии с экономическим развитием республики.

Приводимая таблица показывает процесс постепенного упрощения административного устройства Туркменистана, производившегося до конца 1926 года.

²⁶ Так в оригинале

Название админ. единиц	Области	Вилайеты	Округа	Уезды	Туманы	Шуро	Районы	Волости	Кенты	Аксакальства	Аулсоветы (книпл. сов.)
При национальном размежевании 1925 г.	2	2	-	4	10	5	-	19	36	272	367
В декабре 1924 г.	-	-	5	-	-	-	26	7	-	272	307
(В феврале 1925 г. созыв 1 Всетуркменского) Съезда Советов)	-	-	5	-	-	-	28	7	-	272	357
К маю 1925 г. (к началу работы уполномоченного) ЦИК по районированию)	-	-	5	-	-	-	30	7	-	97	329
Согласно постановлению ЦИК и СНК от 24.12.25 г. № 13 1–1926 г. № 2	-	-	5	-	-	-	32	1	-	-	372

Из приведенной характеристики следует, что это деление не является окончательным, и, по мере изживания родовых пережитков и вовлечения населения в дело советского строительства, будут ставиться и решаться вопросы о выполнении задач районирования во всем его объеме, т.е. о таком административном делении, которое определялось бы всецело экономическо-хозяйственными признаками.

Постановлениями ЦИК и СНК не вся территория Туркменской ССР распределена между районами: значительные пространства песков

²⁷ Совет народных Комиссаров

в Ташаузском и Ленинском округах и пески Керкинского округа по левому берегу реки Аму-Дарьи остались неразмежеванными. Уложить в рамки административного деления эти территории можно будет только после сплошного земельного учета и обследования всех находящихся в песках колодцев, что в данное время уже проводится.

Относительно административного деления каждого из округов нужно отметить следующее: наибольшая преемственность с прежним административным делением сохранена в Керкинском округе, где большая часть районов, в своей прибрежной полосе, укладывается в рамки прежних туманов. Низовое же деление районов на административные аулы уже вносит в прежнее деление существенные изменения. Всего по Керкинскому округу было установлено 7 районов с 42 административными аулами.

В Ленинском (ныне Чарджуйском) округе отступление от прежних административных делений гораздо значительнее. Всего по Ленинскому округу было установлено 7 районов с 43 административными аулами.

Совершенно изменено низовое административное деление по сравнению с прежним, в Ташаузском округе. В этом округе племенные и родовые тенденции были выражены наиболее ярко, административное управление до национального размежевания шло по линии родовых вождей и в момент национального размежевания округ представлял пеструю картину мелких административных делений из 5 шуро, распадающихся на аксакальства, число которых доходило до 272. Уже в первой половине 1925 года это число Ташаузским Окружным Ревкомом было сведено к 97, а постановлением ЦИК и СНК (1926 г.) во всем округе, при пяти районах, было установлено 34 административных аула.

По бывшим Мервскому и Полторацкому (Ашхабадскому) округам постановление ЦИК и СНК ограничивается определением границ районов, с указанием тех аулсоветов, которые входят в каждый район. В Мервском округе было установлено 6 районов, охватывающих 135 существующих аулсоветов, а в Полторацком – 7 районов со 118 аулсоветами.

В последнее время, по упразднении Мервского и Ашхабадского окружных центров (1926–27 г.), выделения новых районов: Геок-Тепинского и Гассан-Кулийского (январь 1927 г.) и объединения районов Ташрабадского и Келифского в один – Чаршангинский. – административно – тер-

риториальное районирование Туркмении и состав аульно-поселковых и городских объединений советов представляется в следующем виде:

Наименование округов и районов	Окrikов	Риков ²⁸	Горсоветов	Аульных сельских и поселковых советов	Из них		
					Поселковых советов	Сельских советов	Скотоводческих советов
КЕРКИНСКИЙ ОКРУГ	1	-	1	-	-	-	-
Районы							
1. Керкинский	-	1	-	6	1	-	-
2. Кызыл-Аякский	-	1	-	5	-	-	-
3. Карлюкский	-	1	-	5	-	-	-
4. Халачский	-	1	-	9	-	-	-
5. Ходжа-Джамбасский	-	1	-	7	-	-	-
6. Чаршангинский	-	1	-	8	-	-	-
Итого по округу	1	6	1	40	1	-	-
ТАШАУЗСКИЙ ОКРУГ	-	-	1	-	-	-	-
Районы							
1. Ильялинский	-	-	1	-	-	-	-
2. Порсинский	-	1	-	7	-	-	-
3. Куны-Ургенчский	-	1	-	6	-	-	-
4. Тахтинский	-	1	-	5	-	-	-
5. Ташаузский	-	1	-	13	-	-	-
Итого по округу	1	4	1	38	-	-	-
ЧАРДЖУЙСКИЙ ОКРУГ	1	-	1	-	-	-	-
Районы							

28 РИК – районный исполнительный комитет

1. Бурдалыкский	-	1	-	4	-	-	-
2. Дарганатинский	-	1	-	3	-	-	1
3. Дейнауусский	-	1	-	9	-	-	-
4. Кара-Бекаульский	-	1	-	6	-	-	-
5. Си. Чарджуй	-	1	-	21	1	-	-
6. Саятский	-	1	-	6	-	-	-
7. Фарабский	-	1	-	6	-	-	-
Итого по округу	1	7	1	54	1	-	1
РАЙОНЫ НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОДЧИНЕННЫЕ ТЦИКу							
1. Ашхабадский	-	1	1	22	-	4	5
2. Райрам-Алийский	-	1	1	17	-	-	-
3. Бахарденский	-	1	1	22	1	1	4
4. Гассан-Кулийский	-	1	-	7	1	-	3
5. Геок-Тепинский	-	1	-	20	-	1	4
6. Иологанский	-	1	-	16	1	-	-
7. Каахкинский	-	1	-	21	-	2	-
8. Кара-Калинский	-	1	-	15	-	-	1
9. Казанджикский	-	1	-	9	1	-	8
10. К. Атрекский	-	1	-	8	-	-	4
11. Красноводский	-	1	1	9	2	-	5
12. Мервский	-	1	1	47	-	-	1
13. Серахский	-	1	-	10	-	-	-
14. Тахта-Базарский	-	1	-	19	2	2	-
15. Тедженский	-	1	-	35	2	-	2
Итого по районам, подчиненным ЦИКу	-	15	5	277	10	10	37
Всего по ТССР	3	33	8	409	12	10	3

2.

Все туркмены, проживающие, как на территории ТССР, так и вне ее, принадлежат к западной тюркской группе. Первоначальной их родиной считается западная Монголия – бассейн реки Орхона (притока р. Селенги, впадающей в озеро Байкал), откуда предки туркмен – турки-огузы – вышли в Среднюю Азию в VI веке.

Процесс расселения туркмен по районам современной Туркмении был довольно длительным и сложным. Начиная с X века на протяжении последующих восьми столетий отдельные туркменские племена постепенно перемещались с полуострова Мангышлак²⁹ в южном и юго-восточном направлении – в пределы Хорезма, Бухары, современного Афганистана и Персии.

По тем данным, которые имеются в истории тюрков – предков туркмен, – трудно сказать, хотя бы схематически, о тех путях, по которым прошли туркмены из Монголии к месту их современного расселения. С тех пор, как начинает встречаться в истории народность под названием – туркмены (X век), – отдельные отряды или племена их мы видим в составе войск Чингиз-Хана, Тамерлана, выступающими в составе войск Хорезм-шахов, бухарских эмиров – против Персии – и, наоборот, – встречаем туркмен у Надир-Шаха персидского, покорившего Хорезм и часть Бухары. В отдельных случаях туркмены сражаются и между собой – одно племя обезличивает другое, прежние названия племен исчезают, одновременно появляются новые названия, под которыми объединяются мощные союзы отдельных родов, неизвестных до этого.

В современных границах Туркменской СС Республики проживают следующие туркменские племена: **текке**³⁰, **салоры**, **сарыки**, **иомуды**, **чаудоры**, **гокланы** и **арсары**³¹.

Эти племена в ТССР представляют основную массу туркменского населения по численному своему составу и размещены компактными группами по отдельным районам.

Есть и другие, именующие себя туркменами тюркского происхождения, – численный состав их весьма незначителен, – которые в прошлом, в силу различных причин, в качестве отдельных небольших родовых групп вошли в состав поименованных выше племен.

Такого рода туркменские группы следующие: Кара-Дашли, Ай-Хивали, Баят (Бейят), Аравачи, Огурджали, Дюеджи и т.д.

Помимо основных туркменских племен и вошедших в их состав мелких групп населения тюркского происхождения, в пределах ТССР

²⁹ Мангышлак.

³⁰ Обычное современное написание – теке.

³¹ Ныне используется этноним эрсары.

имеются еще народности, которые при опросе, обычно, называют себя – «туркменами», – но, судя по их внешности и бытовым чертам, представляют иную народность, отличную от туркмен.

Если принять во внимание общность бытовых черт, признаки родственной связи, показания знатоков из отдельных групп – «отуркменившихся» народностей, – то их – эти народности, можно свести в следующие группы:

первая группа, – стоящая ближе к иранский расе: Али-Или, Нухур-Али, Сунча-Али, Мурча-Али, Мехин-Али, Анна-Ули, Емр-Али, (Имрали), которые занимали до прихода туркмен территорию по северному склону гор Копет-Дага, начиная от города Кизыл-Арвата и кончая Чарждуем (исключая последний);

вторая группа, – считающая себя потомками Магомета: Махмут, Ших, Ходжа, Ата, Сеид, Меджеур;

третья группа, – которая при опросе, обычно, частью причисляет себя к туркменам, а частью к узбекам, – следующая: Хидыр-Али, Хзыр-Али (что одно и то же), Нираземли, Агар, Чандыр, Битык, Сандукли, Меркит, Мугол, Крач, Иракли, Ячли. Размещены они исключительно в районах Чарджуйского округа. Этнографическая принадлежность их неизвестна.

Ограничивая изложенным выше общий обзор племенных группировок туркмен и «отуркменившихся» народностей, размещенных в ТССР, ниже приведу деление их на роды по данным, полученным от соответствующих районных и окружных исполнительных комитетов и центральных учреждений ТССР, – в увязке с данными, полученными в результате Всесоюзной переписи 1926 год. По этой причине – итоги по отдельным племенам даются окончательно непроверенные, но, во всяком случае, близкие к действительности.

(По округам и районам).

1. ТЕКЕ – всего 270 254 человека

Бахарденский	34 977 человек
Ашхабадский с Геок-Тепинским	66 055 человек
Б.– Алийский	24 938 человек
Мервский	96 650 человек
Тедженский	45 634 человека

2. ИОМУДЫ – всего 103 729 человек	
Атрекский	16 467 человек
Казанджикский	14 501 человек
Красноводский	22 552 человека
Куня-Ургенчский	11 197 человек
Тахтинский	23 572 человека
Ильялинский	15 440 человек
3. САРЫКИ – всего 32 729 человек	
Иолотанский	17 536 человек
Тахта-Базарский	15 193 человека
4. САЛОРЫ – всего 35 541 человек	
Серахский	11 041 человек
Чарджуйский (окр.)	23 000 человек
Керкинский (окр.)	1 500 человек
5. ГОКЛЕНЫ – всего 20 899 человек	
Кара-Калынский	17 899 человек
Ильялинский	3 000 человек
6. ЧАУДОРЫ – по Персинскому району – 24 077 человек	
7. ЭРСАРИ – всего 157 483 человека	
Буржалыкский	14 893 человека
Кара-Бекульский	22 767 человек
Саятский	15 853 человека
Керкинский	16 069 человек
Кизил-Аякский	8 361 человек
Халачский	40 232 человека
Чаршангинский	12 317 человек
Ходжа-Джамбасский	27 001 человек

Отдельные мелкие группы других туркменских племен и «отуркменившиеся» включены, сообразно территориальному их размещению, в состав основных туркменских племен в следующем порядке:

Кара-Дашлы – около 10 тысяч человек вошли, главным образом, в состав иомудов;

Баяд – около 6 000 человек, – в состав Арсарии;

Огурджали – около 3 тысяч человек, – в состав Иомудов;

Емрели, Сунча, Нухур, Анна-Ули, Мурча, Мехинли, – общее количество которых около 15 000 человек, – показаны в числе племени Текке;

Ата, Ходжа, Ших, Махтум, Сеид, Меджеур – всего около 30 тысяч человек. Из них – Ата, главным образом, сосредоточены в Дарганатинском районе. Остальные размещены повсеместно небольшими группами;

Хидыр-Али, Хзыр-Али, Нираземли, Агар, Чандыр, Битык, Сандукли, Меркит, Мугол, Крач, Иракли и Ячли – показаны в составе племени Эрсарии, причем численный состав их нам неизвестен.

Нижеприводимые сравнительные данные (XI–XIV–XVII–XX в.в.) отчасти говорят об изменениях и перегруппировках племен. Особенно резко изменяются наименования племен с XVII века, как показано в нижеприведенной таблице:

Махмуд Кашгарский XI века	Рашид-Адин (перс.) XIV века	Абдуль-Гази Богадур XVII века	Сохранившиеся названия до настоящего времени	Перечень туркменских племен ныне существующих в ТССР
Кынык	<i>Кынык</i>	<i>Кынык</i>	-	<i>Теке</i>
Кайыг	<i>Кайы</i>	<i>Кай</i>	<i>Гоклан или Каи</i>	
Баюндур	<i>Баюндур</i>	<i>Баяндер</i>	-	<i>Арсарии (эрсарии)</i>
Иве или Ииве	<i>Ийве</i>	<i>Ава</i>	-	<i>Иомуд (Емт)</i>
Салгур	<i>Салур</i>	<i>Салор</i>	<i>Салор</i>	<i>Чаудор (Чавдор)</i>
Афшар	<i>Авшар</i>	<i>Аушар</i>	-	<i>Гоклан</i>
Бектили	<i>Бекдили</i>	<i>Бекдели</i>	-	<i>Салор</i>
Бюкдюз	<i>Бюкдюв</i>	<i>Букдез</i>	<i>Бурков</i>	<i>Сарык</i>

Баят	<i>Баят</i>	<i>Беят</i>	<i>Беят</i>	<i>Кара-Дашли</i>
Язгыр	<i>Языр</i>	<i>Языр (Кара- Дашли)</i>	-	<i>Баят</i>
		<i>Ясир</i>	-	<i>Али-Или</i>
Эймюр	<i>Эймюр</i>	<i>Имр</i>	<i>Имр-Али</i>	<i>Мехин-Али</i>
Кара-Балюк	<i>Кара-Эвли</i>	<i>Кара-Ейлю</i>	-	<i>Пухур-Али</i>
Алка-Балюк	<i>Алкыр- Эвли</i>	<i>Алка-Ейлю</i>	<i>Али-Или (Али- Ели)</i>	<i>Сунча-Али</i>
Игдер	<i>Йигдер</i>	<i>Икдер</i>	<i>Икдыр</i>	<i>Мурча-Али</i>
Урекир или Юрекир	<i>Урекир</i>	<i>Ургиз</i>	-	<i>Хдыр-Али Хзыр-Али</i>
Тутырга	<i>Дудурга</i>	<i>Дудерга</i>	-	<i>Нираземли</i>
Ула-Йондлуг	<i>Ула Ионтлы</i>	<i>Ала- Юнтлы</i>	-	<i>Мехинли</i>
Тюкер	<i>Дюкер</i>	<i>Дукер</i>	-	<i>Анаули</i>
Печенег	<i>Биджне</i>	<i>Беджене</i>	-	<i>Емрели</i>
Джувалдар	<i>Джувулдур</i>	<i>Джаулдор</i>	<i>Чаудор</i>	<i>Икдыр (одной группы с чаудор)</i>
Джебни	<i>Чebни</i>	<i>Джибни</i>	<i>Чони (Атабай)</i>	<i>Абдал</i>
		<i>Кизык</i>	-	<i>Огурджали</i>
	<i>Каркын</i>	<i>Карки</i>	<i>Карки</i>	<i>Олам (Курома)</i>
	<i>Карык</i>			
	<i>Яйрлы</i>			<i>Халач</i>

Незначительные изменения названий племен, проведенных у Рашид-Аддина (XIV) и Абуль Гази-Богадур Хана Хорезмского (XVII) можно объяснить, видимо, тем, что последний недостаточно знал туркмен, современных ему (хотя и находился некоторое время среди одного из них), а воспользовался трудами Рашид-Аддина в бытность свою в Персии (в бегах), где он пробыл около 10 лет. – Вследствие этого, изменения в названиях туркменских племен и их перегруппировках, которые мы видели выше, несомненно произошло раньше, еще до Абуль-Гази. Наше предположение отчасти оправдывается и тем, что

путешественники Борнс³² (1831–32 г.) и Вамбери³³ (1867 г.), проходя через туркменские земли около ста лет тому назад, встречали на своем пути племена (и весьма значительные в то время: текке, иомуд, сарык, арсари), которые в списке, приведенном Абуль-Гази, отсутствуют и упомянуты в его трудах только вскользь, – как группы незначительные.

Тремя столетиями раньше (1568–1602 г.), «Тимур-Султан, брат Ходжи Мухаммед Хана – правителя Хорезма, – получил удел (по разделу 1577 года) – половину города Хивы и племя Кара-Бекоуль» – говорит Абуль-Гази. Последнее в данное время входит в состав Арсари. У Абуль-Гази мы также встречаем указание на то, что теке-иомуды совместно возвели на Хивинский престол своего хана Ак-Мамеда (1740–60 г.г.) и т.д.

Следовательно, главнейшие туркменские племена, размещенные ныне в ТССР, существовали задолго до Абуль-Гази, до XVII века. В силу исторических и экономических причин, как в прошлом, так и в данное время, в зависимости от сохранявшегося порядка водопользования и землепользования, – различно сложились и мелкие родовые группировки внутри всех туркменских племен в количественном отношении.

Различие численного состава членов в первичной кровно-родственной ячейке различных туркменских племен, как было указано выше, объясняется многими причинами и основная из них – водопользование, которое в различных районах имеет свои особенности: эти особенности и вынуждают население искусственно дробиться на группы до необходимых величин, что и задерживает в известных размерах численный состав членов первичной родовой ячейки.

Во многих случаях, если взять речку с ее разветвлениями и сравнить с генеалогической таблицей племени или рода, пользующегося водой по данной водной системе, то мы получим удивительное сходство одного с другим.

Следовательно, в данное время, при настоящих условиях водопользования в ТССР (в земледельческой полосе) и пользования пастби-

32 Старо-русское написание фамилии сэра Александра Бёрнса (англ. Sir Alexander Burnes) – дипломата, капитана британской армии, путешественника и исследователя.

33 Арминий Вамбери – венгерский востоковед, путешественник, полиглот.

щами и колодцами у скотоводом – относительная живучесть родовых общин продолжает иметь место.

Борьба за пастбища, колодцы, культурные оазисы, борьба, как говорят – «не на жизнь, а на смерть», – стимулировали объединение в союзы и не по признакам родства, а в силу общности хозяйственных интересов.

Племенные и родовые союзы, сохраняющееся деление родов по коленам – не содержат в себе монолитной прочности. Существовавшие: наследственное право, покупка жен за крупную сумму (калым), частная собственность на землю, концентрация последней в руках одной части населения и отсутствие возможности другим иметь таковую в размерах трудовой нормы, случаи многоженства одних и отсутствие возможности иметь одну жену у других – говорит с очевидностью за внутреннее содержание существующих родовых объединений туркмен.

Под влиянием внешних экономических и политических факторов на аул (земводреформа, кредит, строительство колхозов и т.д.) – родовая община постепенно распадается.

Туркмены значительно позднее других своих соседей (узбек) перешли от кочевого образа жизни к оседлому и в их сознании в их среде и быту, несомненно, преобладают нормы обычного для кочевников права и распорядка.

Шариат и его обязательные спутники: муллы, ишаны и пр. элементы в среду туркмен начали проникать не сразу, а в зависимости от того – где и насколько туркмены подпадали под экономическую зависимость государств (Бухара, Хорезм, Афганистан, Персия).

До последнего времени среди туркмен вопросами внутреннего (гражданского) распорядка ведали аксакалы – совет аксакалов.

Аксакалы никем никогда не избирались – они выделялись из родов, как старшие в них (по возрасту) и как приобретшие опыт по делам и вопросам, чаще всего возникавшим в среде кочевников-туркмен.

В совете на совещании все аксакалы являлись равными членами. Инициатором созыва совета обычно был тот, который первым узнавал о совершенном преступлении или случае требовавшем своего разбора и разрешения.

В исключительных случаях, когда своим советом и авторитетом аксакалы не могли привести стороны к миру, они приглашали на совет иша-

ном, мнение которого для совета и тяжущихся сторон было обязательно.

Совет в целом представлял из себя нечто вроде духовно-гражданского и судебно-следственного «учреждения», а аксакалы (члены совета), каждый в отдельности – среди своих одноаульцев, главным образом, родичей, охраняли порядок и являлись первыми советчиками в случаях как общих для рода, так и касавшихся отдельных его членов. Если аксакал и делал какие-либо распоряжения в своем роде, то его распоряжения носили форму не юридического, а скорее нравственного характера.

Впоследствии, с приходом русских (1881 г.) большая часть аксакалов была возведена на административно-судебные должности: членами местных судов, старшинами, помощниками приставов и т.д.

Этим институтом аксакалов и ограничивалось, в большинстве, наличие учреждений и лиц, ведавших вопросами правопорядка и управления. Ханам, которых избирали себе отдельные роды, вверяли разрешение тех или иных, общих для рода, вопросов, связанных с военными операциями и исполняли их указания, поскольку это одабривалось³⁴ советом стариков.

Нередко тот или иной хан, пользовавшийся даже достаточным авторитетом среди членов своего рода – за незначительное упущение в своих действиях, которое влекло за собой экономические невыгоды для рода сравнительно быстро и просто смещался.

Сардары и батыры никакой власти собою не представляли.

Сардар обычно избирался при организации набега на соседей (с целью грабежа – аламана) как хороший проводник-путеводитель, умеющий удачно провести боевую операцию. Чем больше имел тот или иной сардар успехов в прошлом, тем больше к нему шли охотники, и уходили от того, кто имел неудачи.

Этим, собственно говоря, и ограничивался институт «администрации» у туркмен во времена «туркменчилика».

Спорные вопросы, возникавшие среди туркмен, разрешались в порядке обычного права – по «адату».

Адат – обычное право у туркмен, значительно отличается от шариата – мусульманского «духовного» закона.

³⁴ Так в оригинале. Надо одобрялось.

Шариат – как известно, обобщая в себе гражданское право с «правосудием Божиим», регламентирует все явления человеческой жизни, подчиняет себе эту жизнь, проникая в самые интимные уголки, чем закабаляет не только деяния, но даже мысль и воображение верующих мусульман.

Обычное же право у туркмен (адат) совершенно не связано с религией и ничего общего не имеет с религиозной догматикой. Поэтому адат оказался более жизненным среди туркмен – не столь фанатичных – отвечающим положению туркмен, как более гибкий, подверженный изменениям в зависимости от экономических изменений в самой жизни кочевника.

Других писанных или изустных законов у туркмен мы не знаем.

В последние три-четыре столетия туркмены не имели единого обобщающего их политического центра. Жили разрозненно, отдельными племенами и не составляли единой национальной группы, как теперь. Они не были в состоянии закреплять свое положение и, наоборот, ослабляли его, так как между родственными племенами нередко возникали междуусобицы из-за обладания пастбищами, водопоями и оазисами, на почве родовой мести и т.п.

К концу XVIII столетия отношения туркменских племен между собой и с соседями были настолько обострены, что продвижение русских войск вглубь Туркмении в 1880–1881 годах не встретило препятствий и обеспечило последним сравнительно легкую победу.

Приход русских не внес существенных изменений в жизнь и быт туркмен. Стремясь, в основном, к берегам Индийского океана, царское правительство оставляло в стороне вопросы устройства населения, улучшения хозяйственного и культурного быта и ликвидации феодально-родовых отношений.

Экономическое положение туркмен-кочевников и земледельцев продолжало развиваться на основе родовых отношений и, поскольку туркмены не представляли собой опытных земледельцев, сельское хозяйство не получало должного развития. Оросительная сеть оставалась в упадочном состоянии, и благополучие сельского хозяйства находилось всецело в зависимости от стихийных сил.

Развитие путей сообщения, проникновение русского капитала, разрушавшего местное натуральное хозяйство, превращение страны

в сырьевую базу русской промышленности – начали создавать почву к формированию (в появившихся с приходом русских – городах и аулах) новых социальных групп в лице привлеченных в города пролетариев, торгового элемента и выросших в ауле кулаков, безземельников и полупролетариев.

Позднее, война с Японией и революция 1905 года затронули основную массу населения и дали толчок к «брожению умов» в среде местной интеллигенции и русских рабочих.

«Джаддитское» (младобухарское) движение стало все более проникать в аул, а война 1914 года явилась для Туркмении началом серьезных событий.

Сбор средств на нужды войны, мобилизация «туземцев» на тыловые работы – привели к повсеместному восстанию в Средней Азии, и, в частности, в Туркмении: в Тедженском районе среди текинцев, на Атреке и в Хиве – среди иомудов. Для подавления их были снаряжены карательные экспедиции под начальством генерала Мадритова (на Атреке) и Галкина (в Хиве).

Эти экспедиции ослабили население экономически и в корне изменили политическую обстановку: в Хорезме появился родовой вождь, поставивший своей целью – борьбу с насилием русских и хивинского хана: в Бухаре, наоборот, возрос престиж эмира, как «мученика за народ и ревнителя веры»; атрекские иомуды ушли из сферы влияния русских и персидских властей в пески: развился бандитизм, нарушивший общественное спокойствие, порядок и захвативший широкую территорию и большую массу туркмен.

Таким образом, к моменту Октябрьской революции и последующие годы (до 1920 г.) – Туркмения представляла собой бурлящий водоворот, где революционные идеи переплетались с различными революционными течениями, где появлялись то англичане, то белогвардейцы, непрерывно нарождалось басмачество, – и все это ложилось тяжелым бременем, в первую голову, на экономически обессиленное дехканское население. После 1920 года положение улучшилось, но отдельные вспышки, в виде киргизско-иомудской вражды (1922), похода Джунаид-Хана на Хорезм (1924), выхода эмиграции из Афганистана на Керки (1920), – все же продолжали иметь место.

Резко изменилась обстановка только после национального размежевания Средней Азии, когда почти все разрозненные туркменские племена объединились в одно государственное образование; наступила полоса хозяйственного и культурного строительства, и только с этого момента за последние пять лет в стране существует полное и действительное успокоение, – развивается большая творческая работа и в серьезную силу вырастает советская общественность.

Г.И. КАРПОВ

К ИСТОРИИ ТУРКМЕН АЛИ-ЭЛИ (АЛА-ЭЛЬ)¹

В Каахкинском районе Туркменской ССР, в девяти аулах проживают потомки одного из древних туркменских племен, носившего название али-эли. Публикуемые в настоящей заметке сведения по истории и этнографии али-эли могут послужить материалом для исследования этногенеза как этого племени, так и всего туркменского народа.

а) Устные народные предания о происхождении али-эли

Хал-Непес Юзбаши и Хал-Назар Атаев, жители аула Юз-баши, и Кыз-Биби из аула Он-беги, сообщили нам следующие предания² об истории своего племени.

Задолго до прихода в Среднюю Азию Чингис-хана в крепости Ходжам-кала, находящейся на территории теперешнего Кары-Калинского района³, жили со своими людьми несколько братьев; они часто ссорились между собой. Однажды пришел к ним Кары-Алов-пир и сказал: «Все вы сыновья одного отца, но согласия нет между вами, а есть разногласие – а «ала» (пестрота), поэтому с нынешнего дня вы будете кочевать; остановки во время ваших кочевков будут продолжаться не больше семи дней. Вас будут грабить, но ваших людей брать в плен не будут». Отсюда и утвердилось название за нашим племенем «ала-эль» (пестрый народ). Хотя наше племя и называют теперь али-или, но это не верно, мы никогда не были народом (элем) пророка Алия, и имя его среди нашего народа не в таком большой почете, как у персов-шиитов.

Когда наши предки узнали о приходе монголов, они ушли в Иран и поселились около крепости Даргез⁴, где прожили много лет. Хивин-

---

1 Статья опубликована: СЭ. 1947. № 3. С. 145-149. Сохранена орфография оригинала.

2 Собранные сведения относятся к 1923 и 1931 гг.

3 В настоящее время – Махтумкулийский этрап Балканского вейалата Туркменистана – *Прим. ред.*

4 Даргез Абиверский (Дереджез) находится на территории Ирана на границе с Каахкинским районом ТССР.

ский хан Мадамин⁵ пришел в Даргез и насильственным путем переселил ала-элинцев в Хиву; но незадолго до прихода русских войск в Хиву ала-элинцы откочевали обратно в Иран, в тот же районе Даргеза; в Хиве остались 60 домов из рода Юз-баши.

Даргезский правитель Аллаяр-хан⁶, невзирая на то, что наш народ разорился за время переселения из Хивы, стал требовать от ала-эли большие налоги. Но когда сборщик, джигит Аллаяра, прибыл собирать «дженнек»⁷, то один ала-элинец, который не в состоянии был платить дженнек, ранил джигита в ногу, сказав: «Убирайся от нас, подати платить мы не будем». После такого случая с джигитом наши люди перепугались и, боясь тяжелых последствий, сели кто на лошадей, кто на быков или на осликов и откочевали в соседний Тедженский район, в места, подчиненные келатскому губернатору – иранцу, который освободил ала-элинцев от уплаты податей сроком на три года. Из Теджена наши старики отправили послов к хивинскому хану Сеид-Мохаммеду⁸ с просьбой о помощи. Хан прислал 60 конников, с которыми ала-элинцами было заключено соглашение о переселении наших людей в Хиву с уплатой им за хлопоты восьми тысяч «тилля»⁹. Прибывших в Хиву поселили в местности Кызыл-Такыр-апач, а те 60 домохозяйств ала-элинцев, которые раньше остались в Хиве, были поселены хивинским ханом на правом берегу Аму-Дарьи, в районе Турткуля¹⁰.

После прихода русских в Хиву и наложения генералом Кауфманом большой контрибуции на хивинских туркмен наши старики, посоветовавшись между собой, решили уйти обратно в Иран. Возле Теджена, в местности Арвах-Ямпуки переселенцев встретили 15 человек текинцев, которые пригласили к себе наших старейшин для переговоров. Пока шли переговоры, появились еще несколько вооруженных текинцев, из рода Даш-яак, во главе с Овез-Кули, сардаром безмеинским;

5 Мухаммед-Эмин (1845–1855).

6 Повидимому, Аллаяр-хан, каджар, дарагезский губернатор, управлявший этой крепостью в 1870 годах.

7 Дженнек (правильнее: дах-ек) – 1/16 урожая.

8 Сеид-Мухаммед-Рахим-хан хивинский (1865–1910).

9 Хивинский тилля равен 3 рублям 60 копеек.

10 Турткуль (Петро-Александровск) – бывшая столица Кара-Калпакской АССР.

они окружили переселенцев и предложили им сдать оружие и всех верблюдов, а самим следовать дальше, искать себе места для жительства. Передав Овез-Кули-сардару имевшееся оружие и 850 верблюдов, ала-элинцы пошли на свои старинные места в Тезе-Бавард и Бабаджик; дети, старики и старухи были ими брошены в песках, не на чем их было везти. Несколько дней спустя, по просьбе ала-элинцев, дарагезский губернатор оказал им помощь, и люди, оставшиеся в песках, были перевезены в Тезе-Бавард и Бабаджик¹¹.

Наше население не принимало участия в борьбе русских войск с текинцами (1881), поэтому, когда русские пришли к нам в район Атека, ала-элинцы приняли подданство русского царя и вышли из-под власти дарагезского и келатского губернаторов – иранцев. Но когда наши люди стали подданными России, начальник Закаспийской области генерал Комаров утвердил над нашими людьми в качестве старшины и хана Овез-Кули-сардара, того самого, который, как мы упоминали уже, отнял у нас оружие и верблюдов. По туркменскому обычаю, вновь назначенный управитель устраивает для населения «ходай-ёлы» – жертвенное угощение: режет несколько баранов, варит шурпу (мясной суп), посылает джарчи (глашатая) для приглашения людей на «той» – празднество. Так поступил и Овез-Кули-сардар; но никто из ала-элинцев не пошел к нему на праздничный обед. Люди говорили: «Все богатство Овез-кули-сардара состоит из награбленного, из слез наших сирот, поэтому оно «харам» – поганое; но после того как наши люди, по обычаю, трижды ограбят Овез-Кули-сардара, все его имущество очистится от «харам», и мы, конечно, пойдем к Овез-Кули-сардару на обед, его пища для нас будет дозволенной». Овез-Кули-сардар, узнав иди просто догадываясь о причине отсутствия на обедах у него ала-элинцев, разрешил им трижды ограбить себя, вторично устроил «ходай-ёлы» и вторично пригласил наших людей; они пошли, примирились таким путем с Овез-Кули-сардаром и не протестовали против назначения его управителем вновь образованного Каахкинского района...

11 Во время пребывания ала-элинцев в Хиве их джигиты в числе других, по приказу хана хивинского, несколько раз принимали участие в набегах с целью грабежа на тедженских туркмен. Поэтому предъявленное тедженцами требования о сдаче оружия и верблюдов явилось мстью за понесенные в прошлом убытки (см.: МИТТ, Т. 2. 1938. С. 529, 531 и др.).

Ала-элинцы считают себя близкими родственниками племени «карадашлы» (бывшие языри) и называют людей этого племени «карындаш».

Второе предание, записанное аспирантом Нурли-Дурды-Мурадовым в 1946 году со слов старика Нури-Кара-оглы, ала-элинца из рода Юз-баши, колена Каркын¹², гласит:

Нашими близкими родственниками, с давних времен, считается народ туркменского племени карадашлы. Предок карадашлы дал свою руку святому Языру¹³ и стал его последователем – суфи; предком ала-элинцев был Юлдуз-хан, сын Огуз-хана, он дал свою руку святому Кары-Алов-пиру и стал его последователем. Кары-Алов-пир выдал Юлдуз-хану петтен (грамоту, разрешение), в котором было указано, что ала-элинцы могут брать себе в жены и из других племен, но своих дочерей не должны отдавать замуж в другие племена; ала-элинцы до сих пор так и поступают. В петтене было также записано, что ала-элинцы долго жить на одном месте не будут, а через каждые семь лет¹⁴ они должны переселяться; это второе предписание добавляет рассказчик Нури-Кара-оглы, наши ала-элинцы тоже строго выполняли в прошлом и выполняют его до сих пор; правда, за последние годы в далекие места мы не уходим, но внутри своего аула или в соседний аул мы переселяемся через каждые семь лет; но если и такого рода переселение по каким-либо причинам не удается, то мы прорубаем новый ход в нашем доме, а старую дверь забиваем наглухо или превращаем ее в окно; это тоже считается у нас переселением.

Приведенным ограничиваются предания ала-элинцев о происхождении своего племени; правда, существует в народе еще версия, говорившая о том, что ала-элинцы ведут свое начало от дяди пророка Мухаммеда – Ашир-Хамзы; но чем больше существует версий о происхождении одного и того же рода или племени, тем убедительнее подтверждается этническая пестрота «кровнородственных союзов». Последнее применимо, как увидим ниже, и к ала-элинцам.

12 По Рашид-ад-дину, племя «каркын» относится к союзу туркмен-огузов, его правому крылу, к линии Юлдуз-хана (МИТТ, Т. 2. 1938. С. 495).

13 Племя языри ныне называется карадашлы.

14 А не семь дней, как гласит первое предание.

Наша информаторша Кыз-Биби почиталась среди ала-элинцев знатоком преданий и к тому же являлась «хранительницей святых вещей» упомянутого Кары-Алов-пира. К ней в праздники совершали паломничество старики и старухи, «чтобы приложиться к святым вещам пира», но в 1930-х гг., как передают ала-элинцы, в связи с коллективизацией и повышением материального и культурного уровня колхозного крестьянства оскудели доходы у Кыз-Биби; число паломников крайне уменьшилось, и она ушла в Иран в поисках новых почитателей вещей Алов-пира; однако у нее, по словам ала-элинцев, на руках не было седжере (паспорта, родословного древа), говорящего о принадлежности святых вещей Кары-Алов пиру, и поэтому ей не разрешили собирать людей для поклонения им. Вскоре Кыз-Биби умерла в Ираке.

б) Письменные источники об ала-элинцах

Самое раннее упоминание о туркменском племени али-или (ала-эль) мы находим у хивинского историка Абульгази-Богадур-хана (1643–1663), а его «Родословный туркмен» (Абуль-Гази-Богадур-хан, 1897). В этой родословной в разделе VIII, говорящем о «племенах, присоединившихся к туркменам», Абульгази к числу последних относит племена: эски, хызыр, тиведжи, кара-ойли и др., среди которых по словам, были и предки ала-элинцев. По данным, основанным на «Огузнамэ» – преданиях, распространенных во времена Абульгази, ала-элинцы произошли от раба, принадлежащего Мама-Бике, дочери Эрсари-баба¹⁵. У этого раба (имя не приводится) было четыре сына: Хызр, Али, Ик-бек и Кашга.

«Али-Джуре, – говорит Абульгази, – подобно старшему брату, поселился на берегу Аму-Дарьи и разбогател. Около него поселились бедняки и голытьба из туркмен и узбеков. Всех их называют али-или (племя али). Из племени али одно отделение, называемое могульчик, происходит от Али-Джуре. Их страна была по обе стороны Аму, от Кара-Кичита до Актама» (Актама – около Балхан). От старшего брата Хыз-

15 Эрсари-баба жил в XIV в. (Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа // Бартольд В. В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: 1963. С. 44).

ра, по словам Абульгази, произошло племя хзыр-или; от этого племени происходит отделение кутляр. От третьего брата, Ик-бека, произошло два отделения куллар и джагата-куллар. От четвертого – Кашга-джуре произошло племя кара-ойлю, потомки которого жили близ Аджи-Тенгиз¹⁶, на берегах Аму.

Из приведенных сведений о «племенах, присоединившихся к туркменам», хотя и полуполюгендарных (в части происхождения племен), видно, что племена али-или (ала-эль), хзыр-или, кутляр и куллар¹⁷ во времена Абульгази жили «по обоим берегам Аму-Дарьи» прежнего русла до впадения ее в Каспийское море.

До последнего времени потомки двух племен – хзыр-или и кутляр располагались в районах Чарджоуской области и в Каракульском районе Узбекской ССР¹⁸, потомки кара-ойлю (кара-эль, или кара-или) встречаются в различных местах в низовьях Аму-Дарьи, в Хорасане и др. часть ала-элинцев проживает в Каахкинском районе ТССР; часть их в числе трех тысяч кибиток проживала в районе Андхоя, в Афганском Туркестане¹⁹; в Хорезме ала-элинцы располагались в XIX веке в районах Кандум-кала, Кызыл-Такыре, Хазараспе, Булумсазе, на канале Клыч-Нияз-бей, где их соседями были авшары ассы, найманы, карадашлинцы (языри)²⁰ и др. У П. П. Иванова али-илинцы в большинстве случаев, по хивинским документам, названы ала-эли²¹, что соответствует народному преданию и вытекает из приведенного выше сочинения Абдульгази, говорившего о том, что племя али-или сформировалось из узбекской и туркменской гольтыбы, т.е. получился смешанный, пестрый состав (ала, алача). Необходимо также отметить, что ала-элинцы во время их нахождения в Хорезме расселялись в тех же

16 Аральское море.

17 Хзыр-или известны еще под названием хдыр-или, а кутляр под названием кут. С. П. Толстов в хзыр-элинцах склонен видеть потомков эмигрантов, пришедших в Хиву в X в. с Волги (СЭ. 1946. № 2. С. 93). Предположение не лишено интереса и может пролить свет на построение генеалогии племени хзыр.

18 МИИТ. Т. II. С. 324, 422.

19 Вамбери А. Путешествие в Бухару. СПб., 1865.

20 Иванов П. П. Архив хивинских ханов. Л., 1940. С. 54, 60, 173, 177, 187.

21 Там же. С. 76, 83, 92, 153

примерно местах, где проживали потомки двух огузских племен: алка-белюк и кара-белюк²²; род под названием «Алабелюк» имеется также и в составе хивинских узбеков²³.

В одном из упоминавшихся письменных источников говорится, что в 1538–1539 гг. ала-элинцы проживали в Хиве, в районе Хазараспа, но в 1598 г. они вместе с джелаирами «составляли часть населения Мерва и его области»; они также «имели свои юрты в областях Несы, Дуруна и Багабада»²⁴, возможно, что в этих двух районах жили отдельные группы ала-элинцев, территориально не связанные между собой. При проведении административной реформы в хивинском ханстве (1646) Адудьгази-хан автор упоминавшейся «Родословной туркмен», присоединил ала-элинцев и джеланров к узбекскому племени кыят, которое, видимо, проживало по соседству с ала-эли и джелаирами²⁵, скорее всего с теми, которые жили в районе Мерва.

Проследивая сведения по доступным нам письменным и устным источникам, говорящим или упоминающим о туркменах ала-элинцах, выясняем, что большинство последних в период XV–XIX веках имело соприкосновение с туркменскими племенами огузской группы: авшарами, язырами (карадашлы), алка-ойлю, а также с племенами, образовавшимися после монгольского завоевания: текинцами и тиведжи; на среднем течении Аму-Дарьи ала-элинцы жили вместе с сакарами – отделением сия-даг-сакары²⁶, которые, по Абульгази, раньше назывались карай-ойлю-хелиль. Они по его словам, являются «потомками Кашга-Джуре». По нашим сведениям, сия-даг-сакары пришли в Чарджоу с низовьев Аму-Дарьи. Один из наших рассказчиков Хал-Назар Атаев, бывавший среди сакаров Саятского района Чарджоуской области, сообщил нам, что сия-даг-сакары считают себя близко родственными ала-элинцам и что у сакаров имеются роды, носящие такие же названия, как и у ала-элинцев, например, «Каркын» и «Кыпчак».

22 Ср.: МИИТ. Т. II. С. 353; Т. I. С. 494, 495; Бартольд В. В. Указ. Работа. С. 28.

23 Сборн. ИВАН. Т. VII. 1935. Раздел, относящийся в истории Кара-Калпакии.

24 См.: МИИТ. Т. II. С. 60, 92, 99 и сл. Абульгази в указ. труде говорит, что адаклы-хзыр, али-эли и тиведжи, т.е. «уч-или», располагались по Узбою до Балханских гор.

25 МИИТ. Т. II. С. 328.

26 О сакарах см.: Изв. ТФАН. 1947. № 1–2.

в) О родовом делении ала-эль, их численном составе и расселении

Выше упоминалось лишь одно отделение ала-элинцев, которое Абульгази называет «могульчик», В современном перечне родовых делений той части али-эли, которая проживает в Каахкинском районе, могульчик отсутствует. Возможно, что этот род обособился, приобрел другое наименование, что часто случалось со многими туркменскими родами и даже племенами. Можно также предположить, что род могульчик ныне находится на территории Афганистана.

По данным наших рассказчиков, ала-элинцы, проживающие в девяти аулах и крепостях Каахкинского района, делятся на два (основных) рода: Он-беги и Юз-баши, каждый из которых имеет по четыре колена, в таком порядке²⁷:

Род	Колено	Количество хозяйств в каждом колене (данные 1930 г.)
Он-беги	<i>Ай-теракме</i>	<i>Неизвестно</i>
	<i>Мовдут-пакка</i>	280
	<i>Оучи-Дуузчи</i>	200
	<i>Джин-Джинны-гява</i>	<i>Неизвестно</i>
Юз-баши	<i>Юз-баши-Келегейли (или Безмеинли)</i>	120
	<i>Немесли-Касими</i>	105
	<i>Каркын</i>	80
	<i>Кыпчак</i>	70

Кроме перечисленных косьми колен, имеются еще несколько более мелких подразделений, а именно: по линии Он-беги – Герре, Гок-куметли, Ялан-ашляр, Али; по линии Юз-баши – Касабляр, Мегенли, Чиллер, Чапанляр, Чарыкляр и др. Из них пакка и ай присоединились к ала-элинцам из рода Нохур (Бахарденский район ТССР), а каркын и касыми присоединились во время нахождения ала-элинцев в Хиве. До присо-

27 Симметричность в делении туркменских племен, особенно огузского союза, была уже отмечена С. П. Толстовым (см.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.–Л.: ГАИМК, 1934–1935. № 9–10. С. 8 и сл.). Показательна в этом отношении структура племени ала-эль.

единения к ала-элинцам эти два колена, по словам стариков, входили в состав карадашлинского (язырского) племени.

Некоторые названия родовых и более мелких делений повторяются и в ниже показанных туркменских племенах.

У ала-элинцев	В туркменских племенах
Каркын	<i>самостоятельное племя в Керкинском районе и род у теке и эрсари</i>
Кипчак	<i>род у племени караул; название аула – «Кипчак» – у текинцев</i>
Немесли	<i>род у йомутов</i>
Юзбаши	<i>род у мурча и нохурцев</i>
Мовдут	<i>род у карадашлы</i>
Пакка	<i>род у эрсари; покон у теке и пеккей у карадашлы и эрели</i>

Из сравнения приведенных родовых названий видно, что та часть ала-элинцев, которая расселена в Каахкинском районе, имела в прошлом связь с туркменскими племенами карадашлы (языри), нохурли, эрели, эрсари, каркын и с кипчакским юртом (команы, половцы). Сравнение родовых названий и некоторые данные письменных источников приводят в следующим выводам:

а) Племя ала-эли возникло в огузско-туркменский период (VI–X веках), оно являлось частью этого союза племен и относилось к правому крылу («бузук»). Такое предположение вытекает из того, что племена алкыр-эвли, кара-эвли, язык (карадашлы), авшар и каркын, с которыми ала-элинцы имели территориальную общность, принадлежали именно к правому крылу огузского союза;

б) Племя ала-эли, таким образом, генетически сближается в туркмено-огузскими племенами каркын, алка-эвли (алкыр-эвли) и с кипчаками (команами, половцами); по соседству с кипчаками ала-элинцы жили продолжительное время. В потомками туркмено-огузского племени язык (карадашлы ала-элинцы считают себя «близко родственными»);

в) В преданиях ала-элинцы (по линии каркын) своим «предком» называют Юлдуз-хана, сына Огуз-хана, от которого, по Рашид-ад-Дину (XII–XIV века), произошли племена; авшар, беқдили, карык и каркын. С авшарами как показывают наши источники, ала-элинцы жили по соседству как в Хиве, так и на территории современного Каахкинского

района, вблизи крепости Беверд (Бавард, Абиверд); из племен каркын одно отделение вошло в качестве «колена» в род Юз-баши племени ала-эли; но оно носит название своего племени – «каркын», не утрачивая чувств родства с представителями последнего;

г) За последний исторический отрезок своего существования (XVII–XIX века) племя али-эли пополнилось посторонними этническими элементами, главным образом иранскими. В то же время от него территориально обособились близкие ему в прошлом родовые группы: кзыр-или, кара-ойлю, могульчик, кутляр, сия-даг-сакары, тиведжи, мехинли и др.

В настоящее время туркмены ала-эли живут компактной массой в Каахкинском районе Туркменской ССР в следующих девяти аулах: Юз-баши, Он-беги, Кара-хан, Хива-Абад, Киштан, Арчиньян, Курен-кала, Араб-кала в Араб-Кяширляр-кала; последние два аула возникли после завоевания Закаспия русскими войсками (1881–1885), причем аул Араб-Кяширляр-кала заняли представители Юз-баши путем выделения из этого рода по одному из каждых трех хозяйств; аул Араб кала заняли представители рода Он-беги по тому же принципу; Курен-кала заняли представители от обоих родов. Большинство ала-элинцев, однако, проживают в аулах Юз-баши и Он-беги.

Небольшое число хозяйств ала-элинцев осталось в Хивинском оазисе, в Ильялинском районе Ташаузской области. Родовая принадлежность и численный состав ала-элинцев, проживающих в этом районе, нами пока не выяснены. Неизвестны нам также численность и родовая принадлежность ала-элинцев, проживающих на территории Афганистана, о которых упоминает Вамбери. Опрошенные нами старики ала-элинцы о своих афганских собратьях сообщают кратко: «число наших каахкинских ала-элинцев, по сравнению с афганскими, – капля в море; живут они там в приграничной полосе, примерно от крепости Кушка до границ нашего Керкинского района».

По соседству с ала-элинцами живут в Каахкинском районе туркмены-теке. Они населяют аулы: Душак, Чаача, Ахча-тепе, Мияна (Мехне), Махмал-тепе, Кауку-Зеренг, Хосров-кала, Артык, Баба-Дурмаз (в последнем текинцы смешаны с представителями потомков арабов-шихами), Каушут, Дургана и Мамед-Ораз-кала; махмутцы, потомки арабов, занимают аулы: Кессе-Ули и Махтум-кала; ана-улинцы, выселившиеся

из крепости Анау, занимают аул Чукур-кала; крепость Тезе-Хисар заселена иранцами; третья группа потомков арабов – род Ходжа (смешанно с текинцами) проживает в ауле Ходжа-кала и, наконец, в ауле Мехенли живут аборигены Атека, туркмены рода Мехин или Мехисин. Часть мехинцев проживает в Бахарденском районе ТССР, а часть, известная под названием «мейли», находится в районе города Ташауза (Хорезмский оазис).

Г.И. КАРПОВ

Заслуженный деятель науки ТССР

ТУРКМЕНСКИЙ НАРОД В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

С тех пор, как на исторической арене появился народ под названием «туркмены», а это произошло в IX веке нашей эры, многие историки и летописцы отмечали у туркменских племён два особенных качества: любовь к Родине, к своему народу и беззаветную храбрость, воинскую доблесть. Эти два качества сохраняются свято туркменским народом и в наши дни.

Свыше трех лет народы Великой Советской Родины ведут войну с гитлеровской Германией за свое социалистическое отечество. В числе многих народов нашей страны, рука об руку с ними, ведут борьбу и сыны воинственного туркменского народа.

Выступления по радио 22 июня 1941 г. В. М. Молотова и 3 июля Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина, обращение к народам нашей страны о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу Родину, вызвали в сердцах всех ее народов величайшее возмущение и неудержимое желание мести подлому врагу.

Туркменская молодежь, сыны туркменского народа, вместе с другими национальностями обращались в военные комиссариаты с просьбой о немедленной отправке их на фронт. В заявлениях писали: «Горю желанием отомстить кровавым фашистам, напавшим на нашу великую страну Советов».

Добровольца заявляли: «я пулеметчик»... «я окончила курсы медицинских сестер»... И такие заявления обычно заканчивались настоячивыми просьбами немедленно, тотчас же послать на фронт на самый ответственный боевой участок. Еще не было Правительственного указа о всеобщем военном обучении, а уже на предприятиях, в учреждениях, в колхозах, тысячи юношей и девушек приступили к боевой учебе. Тысячи автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков, истреби-

телей танков, снайперов, танкистов, горных стрелков подготовлено в спецподразделениях Всеобуча нашей республики.

Рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, люди науки, искусства, писатели, поэты с первых же дней сплотились для единой цели: отдать свои силы, свои знания, а если потребуется, и свою жизнь для победы над ненавистным врагом. Поэт Кара Сеитлиев писал в своих прекрасных стихах:

*.. «Без тебя, моя отчизна, жизнь в рыдания превратиться,
Цвет души моей увянет, день в страданье обратится.
Рухнут горы, и в кладбище мирозданье обратится.
Даже небо – гробовою черной тканью обратится».*

Всенародным призывом к мести звучат слова народного шахира – орденоносца Ата Салиха в его «Наказе».

*«Если встретишься с врагом в штыковом бою,
Чтоб жестокий дать отпор лютому зверю,
Никому из тех, кто землю осквернил твою,
Ты пощады не давай, – мой тебе наказ».*

Призывы многих других поэтов и писателей были направлены так же на то, чтобы еще в большей степени поднять народный патриотизм, напомнить народу о той отваге и мужестве, которым обладали их предки, защищая в прошлом свою любимую Родину.

Великая Отечественная война подняла активность туркменской народной массы до небывалых еще в истории масштабов. Женщины-туркменки в дни Великой Отечественной войны приняли активное участие в оказании помощи фронту.

Женские украшения для туркменки составляют весьма большую ценность. Туркменка-мать хранила свои украшения для подрастающей дочери, пополняла их новыми, и они переходили во многих случаях из поколения в поколение, как неотъемлемая собственность женщин, не подлежащая продаже на при каких обстоятельствах.

И вот эти любимые вещи, на приобретение которых были потрачены большие трудовые сбережения, туркменки, побуждаемые своей ненавистью к злейшему врагу человечества, своей любовью к Родине, к своей родной героической Красной Армии, несут на приёмные пункты, любовно сдают их с наказом: «вооружайте наших бойцов, пусть мои украшения превратятся в пушки и снаряды для уничтожения фа-

¹ Статья была напечатана в Изв. ТФ АН СССР. 1944. № 1. С. 37-42. Сохранена орфография источника.

шистских захватчиков». За короткий промежуток времени туркменские девушки и женщины сдали в фонд обороны 430 пудов золотых и серебряных украшений.

Колхозное крестьянство Туркмении сдало в короткий срок в фонд обороны 143 миллионов рублей наличными деньгами и на 106 миллионов рублей облигаций займов, всего 249 миллионов рублей. Трудящиеся Туркмении за годы Великой Отечественной войны дали займы государству, путем подписки на заем и организации вещевых лотерей, в 1941–1943 гг. свыше полумиллиарда рублей.

Колхозники-туркмены вместе с рабочими и работницами отдают всё, что может содействовать ускорению разгрома немецких захватчиков.

В короткий срок колхозники Туркмении собрали 95 миллионов рублей на постройку боевых эскадрилий самолетов «Колхозник Туркменистана», приобрели эти самолеты и передали нашим Сталинским соколам-летчикам. Отдельные колхозы, например «12 лет РККА» из аула Безмеин или колхоз им. Ленина Марыйского района и многие другие, внесли по 600-700 тыс. рублей; отдельные колхозники вносили по 50-100 тыс. рублей каждый. Нет такого колхоза в Туркмении, который внес бы менее 200 тыс. рублей. Госпоставки хлеба, мяса, сырья колхозники Туркмении выполняли и перевыполняли досрочно. Сверх того многие из них вносили продукты в счет будущего года.

Туркменки-женщины и девушки – проводили дни и бессонные ночи, готовя бойцам своей родной Красной Армии теплые вещи; только за два первых года войны Туркмения отправила бойцам больше миллиона предметов теплого белья, обуви, обмундирования.

Только для героического Сталинграда было отправлено 15 тысяч голов скота, 2 тыс. предметов с.- х. инвентаря, 15 вагонов ваты, огородных семян на 200 га, 6 вагонов оконного стекла, оборудование двух средних школ и четырех детских садов. Всего Сталинграду от трудящихся Туркмении было послано 44 вагона различного вида предметов оборудования.

Действительная форма связи трудящихся Туркмении с фронтом выразилась в неоднократном посещении бойцов-туркмен делегациями от туркменских колхозников и колхозниц, рабочих и работниц, поездках на фронт с эшелонами подарков.

В июне 1942 г. туркменская делегация выезжала, имея 36 вагонов

подарков, к бойцам Ленинградского и Западного фронтов. В ноябре того же года в Сталинград было отправлено 44 вагона. В марте 1943 г. выезжала делегация с эшелонами подарков на Северозападный фронт. В июне 1943 г. на Брянский фронт делегация Туркменского комсомола привезла эшелон подарков. Всего выезжало 6 делегаций, и каждая из них имела около 40 вагонов подарков бойцам.

Вот что писал М. И. Калинин председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Бердыеву по случаю передачи нашего эшелона подарков городу-герою Сталинграду:

... «Посещение фронта делегациями трудящихся национальных республик, щедрые подарки бойцам говорят о ненарушимой связи тыла с фронтом, о заботе нашего народа о Красной Армии и, несомненно, оказали хорошее влияние на наших бойцов и командиров, которые одерживают столь славные победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Очень рад, что напряжением воли рабочих, колхозников и интеллигенции Туркменская Республика достигла успехов на хозяйственном фронте и тем самым внесла свою лепту в общее дело борьбы за Советскую Родину.

Передайте привет трудящимся Туркмении – рабочим, колхозницам и интеллигенции, которые своим беззаветным трудом вместе со всеми братскими народами Советского Союза выковывают в тылу победу над ненавистным врагом; передайте привет славным бойцам-туркменам, доблестно сражающимся за свободу и независимость нашей Родины. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

М. И. Калинин».

Исключительно активное участие в работе по оказанию помощи фронту приняла наша туркменская молодежь. Когда кадровые рабочие наших предприятий, заводов, железной дороги, МТС и др. были призваны в армию, туркменская молодежь, парни и девушки стали на смену ушедшим – за станки, за паровозы, сели на тракторы, комбайны. В короткий срок молодежь освоила различные специальности и давала высокие производственные и трудовые рекорды. Она готовила и готовит для фронта автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков, истребителей танков, снайперов и других специалистов военного

дела, выращивает прекрасных туркменских коней для армии и обучает джигитов-конников.

За одну только весну 1943 года комсомольцы Туркмении вывезли на поля 32 тыс. тонн местных удобрений. Они посадили полмиллиона фруктовых деревьев, закладывают виноградники, засевают участки зерновых, урожай с которых сдают в фонд обороны, в фонд помощи населению освобожденных районов, в фонд помощи семьям призванных в ряды Красной Армии.

В 1943 году, по рекомендации Туркменского филиала Академии Наук СССР, комсомольцы и пионеры собрали и высушили свыше 400 тонн диких растений, необходимых нашей химической промышленности для лечебных целей, получения дубителей, красителей и др.

Для комсомольцев наши колхозные поля оказались тесными. Они обсадили семенами кормовой тыквы 2939 километров оросительных каналов, арыков, использовали водосбросы. В колхозах создано 1500 звеньев высокой урожайности.

На фабриках, заводах, на железной дороге молодежь сверх плана дает много продукции, ремонтирует сверх плана сотни паровозов, вагонов, цистерн.

В марте 1943 г. комсорг котельно-сварочного депо Красноводск, П. Г. Караев, один отремонтировал в течение месяца 18 цистерн.

Неутомимая и постоянная забота комсомольцев Туркменистана о своих товарищах-фронтовиках нашла блестящее выражение в сборе средств на танковую колонну «Комсомолец Туркменистана». Они собрали для этой цели свыше 9 миллионов рублей, заслужив братский привет товарища Сталина и благодарность нашей героической Красной Армии.

Комсомольский эшелон с подарками был послан на Брянский фронт. Много подарков этого эшелона было передано через линию фронта нашим молодым партизанам и партизанкам Белоруссии и Украины, громящим тылы гитлеровцев.

Ответные письма, полные горячего чувства благодарности, получены были нашим комсомолом от молодых партизан и партизанок братских народов – украинцев и белоруссов.

... «Приятно в далеком тылу врага – писали они – чувствовать дружеское рукопожатие с большой земли комсомола и молодежи Туркме-

нии. Радостно знать, что в великих испытаниях закаляется и крепнет дружба народов Советского Союза»...

Напряжение воли советских людей, объединенных одной мыслью – быстрее разгромить врага – обеспечило невиданный в мире успех героической Красной Армии под Сталинградом. В этих замечательных победах немалая роль принадлежит туркменскому народу. В напряженные и грозные дни конца 1942 г. Красноводский порт являлся единственной артерией, бесперебойно снабжающей Кавказскую армию боеприпасами. По выражению Л. М. Кагановича, порт явился «подносчиком патронов для Кавказского фронта». Напряженная и слаженная работа колхозников-туркмен, призванных в эти грозные дни на помощь портовым рабочим, обеспечила бесперебойное снабжение Кавказского фронта боеприпасами. Порт с честью выполнил свою историческую задачу.

Неувядаемой славой покрыты имена лучших сынов туркменского народа, сражающихся непосредственно на фронтах Отечественной войны. Дни известий о боевых подвигах Героев Советского Союза сержанта Курбан Дурды и лейтенанта Грецкого были днями всенародной радости и гордости своими сынами – Героями Советского Союза. Торжественные встречи в ними в Ашхабаде превращались в праздник.

Число Героев Советского Союза изо-дня в день увеличивается. На сегодня мы насчитываем Героев Советского Союза среди сынов туркменского народа 21 человек. Это – Курбан Дурды, Атаев Анна Клыч, Тахиров Айдогды, Байрамов Мюльки, Нияз Мамедов, Довлетжапов, Ахмедов, Азалов Клычнияз, Аннаев, Худайбергенов и другие. Кроме того, из других национальностей, жителей Туркмении, Героями Советского Союза являются, Грецкий, Щербаков, Морозов, Заруднев, Цибизов, Шуваев и другие.

Всех награжденных орденами и медалями за совершенные подвиги в дни Великой Отечественной войны из числа сынов туркменского народа насчитывается свыше 2500 человек.

Лейтенант Грецкий в районе Моздока 12.12.1942 г. на одном танке первый раз вступил в неравный бой с восемью немецкими танками и расстрелял все восемь. Вторично 23 декабря, также на одном танке, он со своим экипажем вступил в бой в 16 танками и 17 автомашинами с мотопехотой: в этом бою были подбиты 14 вражеских танков и 7 автомашин.

Сержант Курбан Дурды со своим пулеметным расчетом разведчиков дважды вступал в неравный бой с немецкими частями. Первый раз противник численностью до роты пехоты окружил Курбан Дурды с его расчетом, предлагая сдаться, но неустрашимый сын туркменского народа расстрелял вражью свору и вышел из окружения. Вторично, сдерживая натиск сил противника на своем правом фланге, расстреливая противника, пытавшегося захватить высоту, герой пулеметным огнем и гранатами заставил замолчать пулеметные гнезда противника; в штыковом бою он нанес ранение немецкому офицеру.

Лейтенант Атаев Анна Клыч с небольшой группой героев за два дня истребил 300 немцев, уничтожил 3 танка и бронемашину. Атаев погиб в последующих схватках так же и его соратник и земляк – Герой Советского Союза Тахиров Айдогды, который единолично уничтожил 47 фрицев, но затем, будучи ранен, был унесен немцами и подвергнут мучительным пыткам. Он погиб от руки варваров, ни одним словом не выдав им военной тайны.

Так, верные доблестным традициям своих предков, сыны туркменского народа, под водительством Великого Сталина, громят врагов, освободив территорию нашей Родины.

Г.И. КАРПОВ

ГИЛЯКИ МАЗАНДЕРАНА¹

Страбон (География, XI, 8, 1) отмечает наличие гелов на юго-западном и южной побережье Каспийского (Гирканского) моря, «Если итти... от Гирканского моря на восток, – говорит Страбон, – то на правой стороне будем иметь горы, тянущиеся до Индийского моря², Эллыны называют эти горы Тавром... Северные части гор занимают, во-первых, гелы, кадусии, амарды, как мы говорили выше, и некоторые из гирканцев...».

Плиний Старший (I в.н.э.) в «Естественной истории» (VI, 16 [18] 46), также указывая на наличие гелов (галлы), живущих рядом с хоразмийцами, гандарами, париканами, сарангами, добавляет, что гелов «греки называют кадусиями».

В более поздней географической литературе древние гелы (галлы) под названием «гиляки», локализируются в тех же районах, в которых их знали античные авторы, – в районах современного Гиляна.

В.В. Бартольд, говоря о распространении ислама в Гиляне, «расположенном от Мазандерана к западу», сообщает, что «Гилян теперь рассматривается как одно целое; в первые века ислама он разделялся на части: равнинную или Гилян в тесном смысле, где жила народность, называемаяся гилами (гелы античных географов), и горную или Дейлем»³.

Близкой гелам (гилянцам) в этническом отношении считается, по данным Н.Я. Марра, соседствующая с ними народность – талыши (толыш, талиш)⁴; по заявлению самих гиляков, им также родственны галешы.

1 Статья опубликована: СЭ. 1946. № 1. С. 219-225. Сохранена орфография оригинала.

2 Имеется ввиду Эльбрусский хребет – [Здесь явная ошибка. Эльбрус – гора на Северном Кавказе. Здесь имеется в виду хребет Эльбурз или Эльборз – горная система на севере Ирана, у южного побережья Каспийского моря – *Прим. ред.*]

3 Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор. [Ташкент: Типография «Востказгосиздата», 1926.] С. 53.

4 Марр Н.Я. Талыши. [Пг.: Рос. гос. Академ. тип., 1922. (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России. Вып. 4.) С. 22; Чурсин Г.Ф. [Талыши: Этнографические заметки //] Известия Кавказского историко-археологического института [в Тифлисе. Т. IV. Тифлис, 1926. С. 15–40]. Тбилиси.

В трудах современных нам иранских географов народность под названием «гиляки» не упоминается вовсе. В частности, такой видный представитель географической науки, как Масуд Гихан, в своей «Подробной географии Ирана», в разделе «Различные племена, проживающие в окрестностях Ардабиля», упоминает лишь «Талыш-микийлу» и около Машкина в районах Санбала, Мугани – «Талыш-микийлу», причисляя последних к «туркам-земледельцам», которые составляют различные роды племени «Кудже-бек-лу»⁵.

О гиляках он не упоминает. Возможно, что на современном персидском языке они получили другое название.

Несмотря, однако, на отсутствие упоминания о гиляках как у иранских географов, так и у наших историков-географов⁶, гилякское население в Иране по-прежнему в своей массе проживает в Гиляне и частично в Мазандеране, в районе городов: Саре, Амоиля. Баболя (Барферуш), Бабольсера (Мешедисер), Шахи (Али-Абад) и на север от городов Бастама, Шахруда, Дамгана, Семнана, Фируз-Куха и Демавенда. Общее число гиляков в Иране достигает 250 тысяч родственных им галешей (галыши) – свыше 20 тысяч и талышей (талиш, толыш) – 22 тысячи.

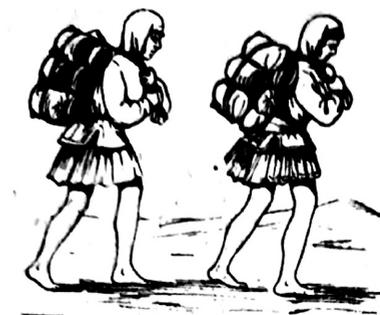
В упомянутых районах Мазандерана мне довелось встретить гилякское население по долинам рек и речушек, текущих по северным склонам Эльбрусского хребта⁷: Гедришин, Теджен, Зольмруд, Кула (приток р. Теджен), Деху, Сиоруд, Талар, Баболь, Саджоберуд, Руор (приток р. Хараз), Хараз-Чай (начиная от населения Полюр), Тюфенге. Алишруд, Мир-Шикар, Гур-е-Сефид, Руд-е-Джаш, Ком-Руд (приток р. Талар) и др.

В верховьях этих речек располагаются летние гилякские поселения, в низовьях – зимние. Трудовую деятельность гиляков мне пришлось наблюдать лишь в осенние и зимние месяцы по их летним и зимним стоянкам, а также во время перехода их на зимники.

Не доезжая километров 15-ть до столица Мазандерана – города Сари, нам стали встречаться женщины, идущие по шоссе группа-

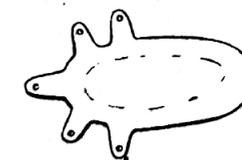
ми и в одиночку. Одни из них шли в город, на базар, неся на плечах или за спиной мешки с древесным углём, вязанки дров, апельсины в корзинках. Другие возвращались с базара, с узелками на головах, с покупками. В коротеньких шароварах-юбочках, с открытыми лицами, они спешили в ту и другую стороны, весело разговаривали между собой. Нас они приветствовали, не стесняясь мужчин. Это были гилячки. По сторонам от шоссе мужчины-гиляки гнали осликов или каттарав (мулов), нагруженных теми же продуктами, какие несли встречавшиеся нам женщины-пешеходы.

Время было зимнее, прохладное, грязь «невылазная», но гилячки шли босыми, на ногах мужчин – шерстяные гетры, поршни⁸ из сыромятной кожи. Про гилячек здесь говорят, что «они от рождения и до смерти не знают обуви». В отличие от горожанок (турчанок и персиянок), гилячки не закрывают лица; ноги у них, благодаря коротеньким юбочкам, оголены по колени.

Гилячки несут уголь на базар.
Рисунок Г. Карпова

Мы поинтересовались: «Почему гилячки носят короткие платья, а турчанки и персиянки длинные?» «За недостатком средств», – был ответ. Но это неверно. В Сари, как и в других городах и селениях Северного Ирана, мы встречали людей и с достатком, и бедняков. Но и богатые гелячки, и бедные турчанки неизменно предпочитают свой национальный костюм. Зажиточная гилячка богато одета, но у неё платье всё же ниже колен не спускается; наоборот, турчанки и персиянки, хотя бы из бедной семьи, в рубище, но закрывают

Примитивный покрой кожаной обуви (лапти, поршни) из сыромятной кожи у гиляков (Аул Аджарустах). Рисунок Г. Карпова

5 [Мас'уд Гихан. Подробная география Ирана /перевод А. В. Башкирова. Фонды ТФАН СССР] Тегран, 1932. Том II. Раздел IV. С. 55–112.

6 Имею в виду ирановедов: С. Рудных, Н. Зарудных, [А.Н.] Туманского, В.В. Миллера, Л.К. Артамонова и др.

7 [См. сноску 2]

8 [Поршни – простейшая старинная кожаная обувь – Прим. ред.].

себя покрывалом себя с головы до пят. У них нет оголённых частей тела, кроме кончика носа и глаз.

На окраинах города Сари, на дорогах идущих в город, по которым прибывают на базар гиляки и гилячки, устроены шлагбаумы. У шлагбаума – будка, в которой находится дежурный представитель муниципалитета; при нём – один-два полицейских. Всех крестьян, идущих в город с поклажей, в чём бы эта поклажа ни заключалась, приглашают в будку, где взимается базарная плата с продуктов, скота, топлива и всего прочего, привозимого и приносимого на базар. Около будки обычно идут споры: одна сторона – крестьяне – заявляют, что их продукты не для базара, что их вес равен не трём, а двум батманам⁹ и т.д.; другая сторона без разговоров выписывает квитанцию.

Зимние базары в городах Мазандерана – самые богатые и многолюдные. Ноябрь – декабрь – сезон цитрусовых, сушёных фруктов и риса. Впрочем, сушёные фрукты мы встречали больше на базарах Семнана, Шахруда, Дамгана и других городов, расположенных на юге от Эльбрусского¹⁰ хребта. Торговые растворы переполнены апельсинами, лимонами, гранатами. Мешки с рисом – на каждом шагу.

Распродав дрова, уголь и апельсины, гилячки устремляются в торговые ряды, покупают там всё необходимое и исчезают с базара. К полудню на базаре остаются лишь горожане – завсегда-торговцы и местные покупатели. Шум прекращается. Начинается мирное времяпрепровождение, неторопливая торговля, чаепитие, бесконечный перебор на чётках, чистка проходов и площадок, подсчёты выручки. На путях из города – бесконечные вереницы гилячек и гиляков, идущих на свои зимние стоянки, к своим шалашам и землянкам, к своим стадам, в леса, где ими производятся заготовка дров, выжиг древесного угля и выработка шерстяных изделий, главным образом носков, варежек, беретов, шарфов.

В Мазандеран гиляки приходят на зиму с гор; здесь они живут 3–4

9 [Батман – старинная весовая единица, входившая в Русскую систему мер и использовавшаяся в том числе в странах Средней Азии. Имеет разное значение в разных регионах. Преимущественно, его величина колеблется между 6 и 12 пудами (72–144 кг) – Прим. ред.].

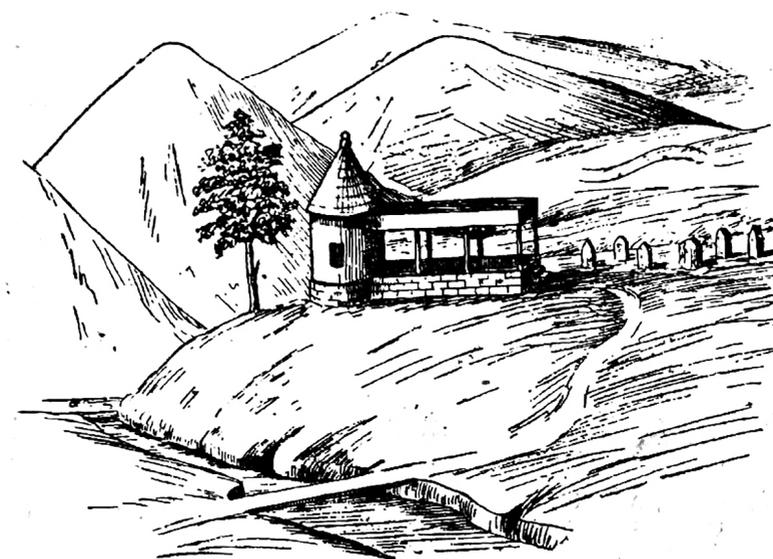
10 [См. сноску 2]

месяца в легкого типа временных жилых постройках. На весну, лето и осень они на 8–9 месяцев уходят в горные ущелья, зажатые отрогами Мазандеранского хребта; здесь у гиляков постоянные жилища, дворы, огороженные каменными стенами или тыном, озимые посевы, пасеки. Туда же, в горы, ранней весной гилячки начинают перегонять и свои стада – крупный и мелкий рогатый скот.

Вслед за откочевкой гиляков в горы туда же устремляются представители власти, духовенства, торговцы, аробы (помещики) или их уполномоченные; они также имеют свои резиденции по гилякским летовкам. Представители духовенства открывают свои, бездействовавшие в зимние месяцы, «Имам-Заде»¹¹, представители власти регистрируют возвратившихся и ведут налоговый вычет, аробы, в ожидании получения своей доли от урожая, занимаются торговлей.

Но не все гиляки и гилячки уходят на зимовье в Мазандеран. Некоторые из них, по различным причинам, остаются на летовках и в зимние месяцы.

Спустившись с перевала, с высоты 2100 м, мы очутились в верхо-

Вид обычной мошелейни (мечеть) «Имам-Заде» на гилякских летних стоянках (близ аула Болоде). Рисунок Г. Карпова.

11 Легкого типа мошелейни, устраиваемые преимущественно около общих кладбищ или около могил «Имам-Заде», потомков имама Али.

вях речонки Чуль-Дара, впадающей в Гердишин-Теджен. Здесь, внизу, на солнечной стороне располагается невдалеке друг от друга гилякские летние поселения – Боусар, Тилян, Болоде и Галя-Паянде.

Мне понадобилось приобрести сигареты. Подойдя на окраину Болоде, я стал вызывать кого-либо из жителей. Но сколько я ни старался, на мои вызовы никто не отвечал. Я уже собирался направиться к Галя-Паянде, но вдруг появились три гилячки и наперебой начали мне объяснять, что в поселке мужчин нет. Мужья ушли в Мазандеран, одни раньше, со скотом, другие позже, на заготовки дров и угля... Я объяснил им свою потребность. Они направили меня в Галя-Паянде, где, по их словам, имеется торговец, у которого есть сигареты, спички, кишмиш и все, что нужно.

Пройдя километра полтора, я очутился на окраине Галя-Паянде. Но здесь повторилась та же история, что и в Болоде. Вышедшие ко мне гилячки направили меня в поселок Тилян. На полпути к Тилян у я повстречал ехавшего верхом на ослике мужчину, который повел меня обратно в Галя-Паянде, где мы отыскали торговца и приобрели сигареты.

Боязнь гилячек пустить меня в свои поселения вскоре разъяснилась. В поселении Гильхор постоянно находящиеся там два жандарма из Сангисарского амни объяснили мне, что в лесах по речке Первар появились бандиты и грабят население. «Мы их быстро переловили, – добавил жандарм, – но возможно, появятся другие. Чтобы оградить жителей от банд, правительство вооружило некоторых крестьян».

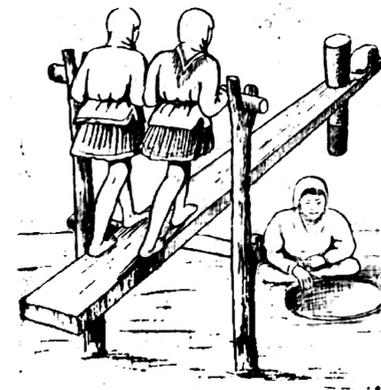
На пути от Галя-Паянде в Саидабад я видел кабаньи туши (не обделанные), подвешенные на деревьях около троп. По словам гиляков, подвешенные вниз головой дикие кабаны являются пугалом для живых кабанов, появляющихся вечерами на посевах. На озимых посевах, расположенных на горах, также были видны пугала, устроенные на полях в виде чучел, наподобие тех, которые мы часто встречаем на бахчах и огородах вблизи русских деревень.

Озимые посевы гиляки производят поздней осенью, до ухода их в Мазандеран. Засевают ячмень, пшеницу; в поймах речек, ближе к Мазандерану, видны были посевы риса. На речках устроены водяные рисорушки, мукомольные мельницы. Устройство рисоочистительных приспособлений в горных поселениях простое: две девушки, повторяя

шаг вперед, шаг назад, заставляют деревянный молотообразный наконечник ударять в ступку, вделанную в землю и наполненную шалой (неочищенным рисом).

К перекочкам с летовок на зимовки в Мазандеран гиляков поуждает прежде всего большое количество снега, выпадающего в горах в декабре – январе. В эту пору снег покрывает, особенно на больших высотах, весь подножный корм и делает тропы труднопроходимыми. По мере приближения к Мазандерану количество выпадающих снегов уменьшается; поэтому там население в меньшем числе уходит со своих летовок. Чем ближе мы подходили к северным подножьям Эльбрусского¹² хребта, тем многочисленнее становились гилякские поселения. Вторая причина, побуждающая гиляков уходить в районы широколиственных лесов Мазандерана, – это поиски заработков на отхожих промыслах: заготовке дров, древесного угля, диких фруктов для сбыта на ближайших базарах. В гилякских поселениях, за редким исключением, хозяйственная деятельность сосредоточена в руках арбовов, мелких помещиков; они извлекают немалые выгоды от эксплуатации окружающего их гилякского населения.

В летнюю пору, когда гиляки возвращаются в гору с заработками и на горах исчезают снега, открываются пути, идущие через перевалы в районы, расположенные по южным склонам Эльбруса¹³: Дамган, Шахруд, Сари, Фируз-Кух, Демавенд. Отсюда устремляются к гилякам торговцы с различными товарами, навьюченными на осликов, каттаров. Привозят чай, сахар, чайную посуду, соль, сухие фрукты, гончарные изделия (кувшины, миски), медные тазики, подносы, мыло. Появляются мельники, плотники, столяры и другие мастера.

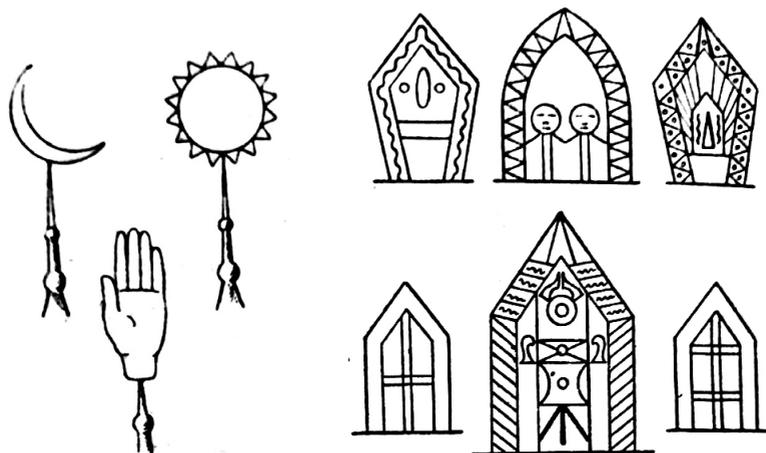

Очистка риса от шалы у гиляков (приспособление называется Ив-Данг) (Аул Ободын-сар). Рисунок Г. Карпова.

¹² [См. сноску 2]

¹³ [Эльбурса – Прим. ред.]

Гиляки и гилячки – народ трудолюбивый, мирный. В быту гиляки во многом отличаются от окружающего их населения – фарсов, тюрков и туркмен. С туркменами их сближает широкое гостеприимство и долг чести; с фарсами – религия и язык. В отличие от тюркского полумесяца, украшающего минареты и мечети, и от беханатского¹⁴ знака солнца, у гиляков, как и прочих шиитов, на «Имам-Заде» и мечетях преобладает изображение пятипалой ладони – знак пяти чтимых шиитами пейгамбаров¹⁵: Мухаммеда, Фатьмы, Али, Хасана и Хусейна.

Отличия на мечетях. Пять пальцев (ладонь) означает пять пейгамбаров (пророков, святых) у шиитов (Мухаммеда, Фатьма, Али, Хусейн, Хасан (поселок Рудахен)). Рисунок Г. Карпова.

Надгробные плиты на гилякском кладбище, устанавливаемые вертикально в ногах и в изголовье (близ аула Болоде). Рисунок Г. Карпова.

Ревнителю ислама среди гиляков – иранское шиитское духовенство – в данное время не пользуется влиянием среди своей основной паствы, у фарсов. Пришедшие в ветхость культовые учреждения в таком значительном (в недавнем прошлом) религиозном центре, как Дамган, красноречиво говорят об этом. Тем с большим усердием духовенство проявляет свою деятельность в отдаленных районах, в глухих

¹⁴ [По всей видимости, опечатка, и речь идет о бахаистском символе – девятиконечной звезде – Прим. ред.]

¹⁵ [Пророки в исламе – Прим. ред.]

уголках, среди простодушных гиляков, возвратившихся с заработков из Мазандерана.

В хозяйственном быту и по своим нравам, обычаям и языку гиляки также отличаются от окружающих их фарсов, арабов, тюрков и туркмен. Проходя мимо гилякских селений Сао-Сар, Гарье и многих других, приходилось обращать внимание на расположение селений и хозяйственное устройство гиляков. По внешнему виду гилякские селения очень похожи на украинские: глинобитные стены, побеленные снаружи; низко спускающиеся крыши, покрытые рисовой соломой или камышом. Двор огорожен в некоторых случаях тыном, плетение которого мало отличается от украинского, а на колышках «сушатся» опрокинутые гончарные кувшинчики. Около жилых построек – деревья, во дворе – закуты.

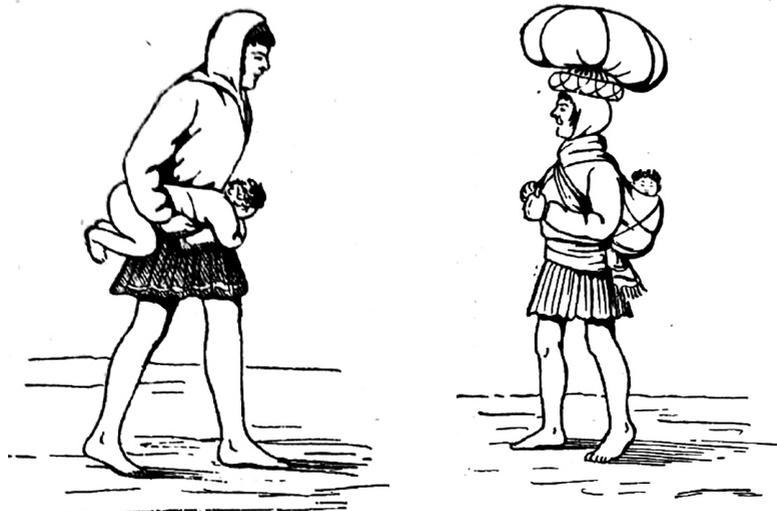

Распределение обязанностей между мужчинами и женщинами по домашнему хозяйству дает повод для предположения о наличии у гиляков пережитков матриархата. В селениях Бермо, Гуртач, Рамадан и других подростки-мальчуганы плетут по способу русских вязальщиц пятью железными спицами шерстяные носки, гетры, варежки, перчатки. Тут же невдалеке от селений девушки пасут крупный рогатый скот; мужчины доят коров, женщины исправляют каменные дамбы на ручье, вода которого отведена для наполнения пруда у мукомольной мельницы. Женщины работают и на «ножной» рисоочистительной ступе.

Типичные гилякские жилые постройки. Рисунок Г. Карпова

Женщина-гилячка занимает в своем доме, в семье, вполне независимое положение. Она – домохозяйка в доме в широком смысле сло-

ва. Продукты, деньги находятся в ее ведении. Муж заготавливает дрова, угли, но на базар их несет и продает жена с дочерью.

Способ ношения ребенка внутри поселения.
Рисунок Г. Карпова.

Способ ношения ребенка на дальних расстояниях. Рисунок Г. Карпова.

При наших обращениях к гилякам с различными просьбами женщины, не стесняясь присутствия в доме мужчин, давали нам ответы и более точно указывали направление пути, расстояния для наших переходов. Когда мы в темную, дождливую ночь подходили к гилякскому поселку, гилячки с фонарями «летучая мышь» выходили нам навстречу и, освещая путь, вели нас в нужном направлении. Лишь в редких случаях гилячка перепоручала мужчине сопровождать нас.

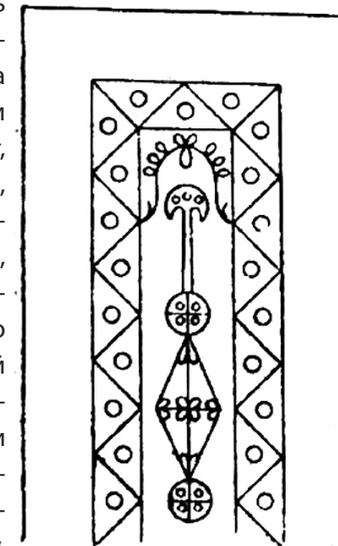
В ашхане¹⁶ между Зардобаном и Али-Абадом, расположенной около речки Хараз, хозяин ашханы, молодой гиляк, рассказал нам, что в их ауле девушка-гилячка при выдаче ее замуж «очень требовательна». Девушка Али-Абада, выходящая замуж, получает от жениха калым в сумме 70-80 туманов¹⁷. Но жених обязан обзавестись приличной обувью, одеждой, домашней утварью (самовар, посуда, постель и пр.), обусловленными при заключении брака. Были случаи, когда жена, придя в дом

¹⁶ [Столовая – Прим. ред.]

¹⁷ [Туман – официальная денежная единица Персии с 1825 по 1932. – Прим. ред.]

мужа, обнаруживала недостачу чего-либо из числа оговоренных при заключении брака предметов. Тогда она немедленно возвращалась в дом своих родителей, и калым, уплоченный за нее, не возвращался. В таких случаях никакая сила и никакая власть, заявил нам собеседник, не могут понудить невесту вернуться к мужу или вернуть ему калым.

Грудного ребенка гилячка-мать на больших переходах носит за спиной, привязанным платком: два конца платка она перекидывает через плечи и, положив их на груди крест на крест, связывает узел сзади на поясице, под ребенком. Головные уборы и костюм гилячки, как уже упоминалось, резко отличаются от нарядов персиянок и имеют некоторое сходство с костюмом курдянок. Обuvi и зимней одежды гилячки не носят. В прохладную пору (декабрь – февраль) гилячки ограничиваются тем, что поверх постоянно носимого летнего платья одевает вторую пару, кофточку, юбочку, тоже легкие.

Рисунки на гилякской кошме. (Аул Сеид-Абад). Рисунок Г. Карпова.

Гилякский язык представляет собой, видимо, один из основных диалектов персидского. В нем, однако, сохраняются некоторые коренные отличия от последнего. Приведу несколько сравнений, записанных мною у гиляков. Так, петух по-фарси – хурус, у гиляков – телб; сын: пессер – рико; девочка: дохар – киджо; рубаха: пирхая – чуме; ножницы: гэйчи – мергоз; стена: чине – дифор; мешок: гуни – хелал. По этим описанным вкратце характерным чертам гиляков можно притти к выводу, что язык, хозяйственный быт и обычаи скорее всего сближают их с яфетидами Кавказа. Почитание деревьев, наличие «святых» рощ у гиляков, подвешивание на деревьях лоскутов разноцветной материи напоминают религиозные черты наших талышей.

Г.И. КАРПОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТУРКМЕНИИ¹

Задолго до присоединения Туркмении к Российской империи в русской, западноевропейской исторической литературе и у восточных авторов, главным образом у арабских, иранских и хивинских, находим немало публикаций по этнографии туркмен и других народов, проживавших в Средней Азии и в Туркмении. После завоевания Туркмении царской Россией (1881–1885 гг.) интерес к изучению истории, жизни, быта, нравов и обычаев туркмен повысился как среди русских ученых, так и в среде местной царской администрации в связи с разработкой ею различных мероприятий по управлению вновь завоеванными областями и по их хозяйственному устройству.

Впоследствии (примерно с 1915 г.) был создан «Кружок любителей археологии и истории Востока»², члены которого в значительной степени уделяли свое внимание вопросам этнографии.

Далеко не полный перечень авторов (восточных, русских, западноевропейских) и их работ, относящихся к этнографии туркмен, показывает, что до 1917 года вопросам изучения жизни, материальной и духовной культуры туркменских племен уделялось немало внимания.

Среди восточных историков выделяется хивинский хан Абульгази (XVII в.). В его «Родословной туркмен», пожалуй, впервые даются ценные сведения о происхождении, размещении и взаимоотношениях отдельных туркменских племен с соседями. Из числа русских и западноевропейских ориенталистов следует отметить В. В. Бар-

тольда, который в своих многочисленных трудах дает чрезвычайно ценные сведения для выяснения этногенеза туркмен, основанные на многочисленных известиях восточных авторов, особенно Махмуда Кашгарского, Рашид-ад-дина, Абульгази и многих других.

Немало сведений по этнографии туркмен дано в работах Галкина³, в его «Сборнике этнографических и исторических материалов по Средней Азии и Оренбургскому краю» (1859) в главе «О туркменах восточного побережья Каспийского моря». В работах Г. Вамбери, капитана Муравьева (1820)⁴, А. Борнса, Р. Карутца, И. Л. Яворского, К. К. Абаза (1902), И. Шевченко-Красногорского, В. И. Массальского, О. Шкапского, К. А. Иностранцева, Д. Н. Логофета, В. А. Туган-Мирза-Барановского, П. С. Васильева, Н. Н. Каразина, А. В. Куропаткина, П. М. Лессара, Н. Г. Петрусевича, Мельгунова⁵ и др. в значительной части сообщаются сведения о родоплеменных организациях туркмен, их численном составе, их размещении, нравах и обычаях. Заслуживают внимания работы полковника А. Ломакина «Обычное право туркмен (адат)» и полковника В. Михайлова «Туркмены Закаспийской области, их жизнь, нравы и обычаи».

Некоторые сведения по этнографии туркмен помещены в «Протоколах» Кружка любителей археологии и истории Востока (1915–1917 гг.), в изданиях «Чрезвычайных съездов народных судей Закаспийской области», в ежегодных «Обзорах Закаспийской области», издававшихся канцелярией начальника области, в местных газетах, в «Туркестанском курьере» (Ташкент) и «Туркестанских ведомостях», а также в специальных работах местного жителя-туркмена Н. Н. Карашхан-оглы хана Йомудского⁶. В связи с работами «Кружка» в Ашхабаде был открыт местный областной краеведческий музей со специ-

1 Статья опубликована: СЭ. 1946. № 1. С. 239–240. Сохранена орфография оригинала. Поскольку в авторском тексте отсутствует библиография, далее для уточнения приводятся несколько примечаний редактора, касающиеся некоторых авторов и изданий.

2 [См.: Литвинский Б. А. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока // Изв. Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1957. Вып. 14. С. 157–167; Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент, 1958. 318 с.; Германов В. А. Туркестанский кружок любителей археологии. **Примат науки или геополитики?** // Письма о Ташкенте. 25 февраля 2010 года (<https://web.archive.org/web/20111122092944/http://mytashkent.uz/2010/02/25/turkestanskiy-kruzhok-lyubiteley-arheologii/>) – Прим. ред.].

3 [Галкин-Враской Михаил Николаевич. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. 336 с. – Прим. ред.]

4 [См.: Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. 1–2 – Прим. ред.]

5 [Григорий Валерианович Мельгунов – русский востоковед, писатель – Прим. ред.]

6 [В разных источниках встречается разное написание имени и отчества этого выдающегося военного, этнографа, политика и адвоката: Николай Николаевич (Карахан или Карашхан-оглы) Йомудский (Хан-Йомудский) (1868–1928) – Прим. ред.]

ально оборудованным отделом, в котором были представлены экспонаты художественного творчества туркменского народа.

Следует отметить, что в дореволюционной Туркмении, если не считать «Кружка любителей», работы по этнографии туркмен носили случайный характер; не было организации, которая объединяла бы и направила в нужное русло инициативу многочисленных лиц, интересовавшихся вопросами этнографии.

В первые годы советской власти, до прибытия в Туркмению квалифицированных специалистов-этнографов, работы по сбору этнографического материала начал вести заново созданный при облисполкоме (1923 г.) «Кружок по изучению истории, этнографии и археологии» (председатель Г.И. Карпов), после образования Туркменской ССР (конец 1924 г.) «Кружок» был реорганизован в Центральный историко-краеведческий комитет при Центральном исполнительном комитете ТССР (председатель Г.И. Карпов). В конце 1927 г. на базе этого комитета и Государственного ученого совета (ГУС) при Наркомпросе был создан Институт туркменской культуры (Туркменкульт), который имел свои журналы «Туркмен Меденияти» на туркменском языке и «Туркменоведение» – на русском.

Накопившийся этнографический материал печатался в этих журналах. Труды некоторых авторов были изданы отдельными книгами. За годы советской власти были изданы или же подготовлены к печати работы по этнографии: О. Туманович «Туркменистан и туркмены» (1926)⁷; Л.А. Маевский «Общественно-бытовые условия и правовое положение туркмен в дореволюционное время»; Н.В. Брюллова-Шаскольская «На обломках погибших культур», «Пережитки древних форм брака у туркмен» (1928); Н.Н. Карашхан-оглы хан Йомудский «Зыкыр у туркмен Закаспийской области» (1924), «Изчи» (следопыты), «Кыр-Гун» и «Агыр-Гун» (1924), «Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенное и родовое деление» (1928), «Из народного предания о родословной туркмен-йомудов»; Д.Г. Йомудская-Бурунова «Женщина в старой Туркмении» (1931); Е.Л. Штейнберг «Очерки истории Туркмении» (1934); Л.С. Берг «История исследования

⁷ Даты в скобках показывают время издания печатных работ или же подготовки их к печати.

туркмен» (1929); П.П. Иванов и Г.И. Карпов «Туркмены» (Историко-этнографическая монография); Г.И. Карпов «Краткие сведения о туркменских родоплеменных объединениях», «Родоплеменное деление, численный состав и размещение туркмен в СССР и сопредельных странах»; Г.И. Карпов и С.П. Толстов «Родовые деления туркмен»; Г.И. Карпов «Родовые акакалы у туркмен», «Хорезмские (хивинские) туркмены», «Устное художественное творчество туркменского народа», «Пережитки бескультурья» (1927), «Белуджи, краткий историко-этнографический очерк» (1928), «Родословная туркмен» (1929), «Тамга – родовые знаки у туркмен» (1929), «Калым и его социальные корни» (1930), «Аламань» (1931), «Йомуды» (1931), «Родовой и племенной состав туркмен» (1925), Туркмены-салоры, обдал, теке, сарык, гоклен, чоудор, кара-дашылы, эрсари, анаули, али-эли и др.: В.Г. Мошкова «Краткий отчет о поездке в Мургабскую группу районов в 1939 г.», «Материалы к вопросу: туркменка в прошлом», «Декханские жилища в низовьях Мургаба»; В.В. Русинов «Водоземельные отношения и община у туркмен» (1918); И.А. Севастьянов «Странички прошлого Туркмении и сопредельных с ней стран» (1929); Л.В. Ошанин «Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен», «Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен» (1926, 1928).

Кроме того, этнографические сведения имеются в работах: А. Таимова (Ахунлова Гюргенли), Н.Н. Романова, Перимовой⁸, Г. Костина, Х.Г. Бахтиярова, Абдалова, А.П. Поцелуевского, С. Волинского, В.А. Успенского, В.М. Беляева, А.А. Семенова, И.И. Зарубина, М.Ф. Гаврилова, А.Н. Бернштама, С. Морозовой, М.О. Косвена, С.П. Толстова, А.И. Ярхо и многих других.

Следует в заключение отметить, что большое количество этнографических материалов, собранных упомянутыми авторами, остается неопубликованным и поэтому недоступным широкому кругу специалистов; они не могут быть использованы в работах советских историков, работающих над созданием истории народов СССР.

В настоящее время вся этнографическая работа сосредоточена в Институте истории, языка и литературы Туркменского филиала АН

⁸ Перимова Татьяна Платоновна

СССР. В секторе истории (заведующий Г. Карпов) ведутся сбор и разработка накопленных этнографических материалов.

Из материалов последнего времени следует упомянуть этнографические сборы среди мало изученных этнических групп Северного Ирана. Из них особый интерес представляют материалы по так называемой группе гиляков (гиляки, гелы) районов Мазандеранской провинции, сообщение о которых помещено выше.

Г.И. КАРПОВ

«КАЛЫМ» И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ¹

У туркмен с давних времен существуют обычаи, умаляющие правовое положение женщины, например: «даклма» – переход вдовы с ее имуществом и детьми к деверю (брату умершего мужа), «каршылык» – обмен дочери или сестры на девушку-невесту, «кайтарма» – похищение девушки, «калым» – выкуп за невесту и т.д.

Это, так сказать, – главные обычаи, не говоря о «второстепенных», как выдача замуж малолетних, перепродажа жен, вдов, дочерей и т.п.

Советская власть всеми мерами борется с этим уродливым наследием прошлого. Специальное законодательство предусматривает строгую ответственность за соблюдение перечисленных «законов адата».

Однако, в ряде отдаленных районов Туркмении эти обычаи продолжают еще существовать, при чем упорнее всех держится «калым».

Какие же социальные корни у этого наиболее живучего явления старого быта?

В поисках ответа на этот вопрос мы сталкиваемся в правом землепользования у туркмен, существовавшим до революции.

До 1926 года, т.е. до Земельно-водной реформы, в бывших округах Ашхабадском и Мервском, например, правом на получение надела земли и пая воды пользовался лишь женатый (семейный). Вместе с тем

¹ – Статья опубликована: Туркменоведение. 1930. № 2–3. С. 29–33. Сохранена орфография источника. Рисунки в этой статье воспроизведены по оригиналу. Автор рисунков не указан.

«право гражданства» приобретал лишь получивший земельно-водный надел.

Таким образом, «правовое» положение дайхана в дореволюционном туркменском ауле целиком зависело от его семейного положения.

Отсюда, естественно, что «власть имущие» и их «духовные» сподвижники изобретали такие «божьи законы», которые препятствовали созданию семьи всем тем, кто не принадлежал к «чистому» роду и т.д.

«Данный богом» обычай «калым» был в этом случае лучшим орудием бая и духовенства. «Калым» предоставлял им широкое поле для наживы и эксплуатации беднейших слоев аула.

«Калым» создавал для бедняка и батрака заколдованный круг беспросветного существования. В то время, как бай, имея возможность внести выкуп («калым») сразу за трех-четырёх невест, «женил» своих 2–3 летних сыновей (бывали такие случаи), получая, конечно, воду и землю соответственно числу «женатых». Бедняк, не имея средств для выплаты крупной суммы «калыма», вынужден был отправлять взрослых сыновей в батраки или пастухи к богатому соседу, где они отрабатывали «право жениться» зачастую до преклонных лет.

«Калым», в свою очередь, явился главной причиной возникновение и укрепления других обычаев, умалявших правовое положение женщины.

Безвыходность положения толкала «вечных» батраков и пастухов на хищение девушек, обмен сестрами, «закрепление» за собой умерших братьев и т.д.

В шайках бандитов, оперировавших на территории б. Туркменской области (1920–1923 гг.), нередко можно было встретить подростков, которые уходили в банду только с одной целью – добыть средства на «калым».

Нередко случаи перепродажи девушек, жен, вдов и т.д. носили и спекулятивный характер. Женившись в Чарджуйском округе, например, и уплатив за невесту 300–400 рублей «калыма», дайхан приезжал затем в Мерв и перепродавал здесь свою жену за 1000–2000 рублей. Такой способ обогащения, по имеющимся данным, практиковался преимущественно в среде зажиточных дайхан, имевших обыкновенно по несколько жен.

Но спекуляция не являлась, конечно, даже второстепенной причиной существования «калыма», – ее можно рассматривать только, как

следствие этого бытового явления. Как мы уже указывали, главным фактором, здесь была эксплуататорская политика байских элементов.

Как же строилась «политика калыма» и какова была его «котировка» на «людской бирже» в бывшем туркменском ауле? Обратимся к данным.

«Калым» обыкновенно достигал чрезвычайно высоких размеров, нередко до 3–4 тыс. рублей. Очень высоко расценивались «чистокровные» туркменки – «Иг». «Не чистокровные» («смешанной крови») туркменки – «Ярым» и курдянки – «Грناк» – расценивались в 5–6 раз дешевле. Обуславливалось это тем, что женившийся на «Ярым» или «Грнак» подвергался некоторым правовым ограничениям.

«Калым» вместе с тем, не имел, так сказать, стандартных размеров для всех районов Туркменистана, а увеличивался или уменьшался в зависимости от экономической мощности каждого из них. Например, «калым» в пределах бывших Ашхабадского и Мервского округов был в 3–5 раз больше, чем в Чарджуйском и Керкинском.

«Политика» такого резкого различия будет ясна, если мы ознакомимся со сравнительной экономической характеристикой районов различных округов Туркменистана.

Для примера возьмем группировку хозяйств 1927–1928 гг. по районам бывших Мервского и Чарджуйского округов – по количеству посевов на хозяйство

Группировка хозяйств по посеву	по б. Мервскому округу		по Чарджуйскому округу	
	число хозяйств		число хозяйств	
	в%%	абсолют.	в%%	абсолют.
Без посева	0,5	180	4,5	1478
до 0,51 га	3,9	1300	18,0	5826
от 0,5 до 1,0 га	25,4	8493	36,3	11677
от 1,01 до 2,0 га	30,3	10068	20,0	6484
от 2,01 до 3,0 га	14,7	4915	17,1	5536
свыше 3 га	25,2	8410	4,1	1320
	100	33366	100	32321

Как мы видим из приведенной таблицы по районам Чарджуйского округа преобладала группа от 2,01 га и выше (две последние группы име-

ют 21,2 процента к остальным), тогда как в Мервском округе эти же группы составляют 39,9, т.е. почти в два раза больше против Чарджуя. Наоборот, первые две – самые маломощные: по Чарджую – 22,5%, по Мерву – 4,4% или в 5 ½ раз меньше против Чарджуя. Средние же две также имеют по Мерву превышение (на группе от 1,01 до 2-х) против Чарджуя.

Кроме этого и по доходности на хозяйство Мерв стоит значительно выше Чарджуя. Для сравнения обратимся к следующей таблице:

Группировка хозяйств по посеву	по б. Мервскому округу	по Чарджуйскому округу	
	доходность		
	Группы (в тыс. руб.)	Группы (в тыс. руб.)	Одно хозяйство (в руб.)
Без посева	-	-	-
до 0,5 га	138	388	67
от 0,51 до 1,0 га	1663	1423	121
от 1,01 до 2,0 га	3485	1444	223
от 2,01 до 3,0 га	2886	1795	325
свыше 3 га	9501	693	525
	-	-	177

И по этой таблице можно сделать примерно такие же выводы, как и по первой: по доходности на одно хозяйство Мервский округ стоит выше Чарджуйского по всем группам более, чем на 50%.

Таким образом, если по обоим округам сравнить данные обеспеченности посевной площадью отдельных групп с данными о разнице «доходности» на одно хозяйство, мы увидим значительное расхождение по всем группам хозяйств в пользу районов Мервского округа.

Если же взять отдельные районы этих округов, то экономический «разрыв» окажется еще значительнее.

Группировка хозяйств по посеву	Варган-Атинский район Чарджуйского округа				Байрам-Алийский район Мервского округа			
	число хозяйств		доходность		число хозяйств		доходность	
	в %	абсолют.	Группы (в тыс. руб.)	Одно хозяйство (в руб.)	в %	абсолют.	Группы (в тыс. руб.)	Одно хозяйство (в руб.)
Без посева	8,8	267	-	-	0,5	25	-	-
до 0,5 га	73,1	2208	144	65	1,2	50	6	120
от 0,51 до 1,0 га	7,0	210	27	128	2,4	120	27	225
от 1,01 до 2,0 га	7,3	220	128	247	3,7	180	81	450
от 2,01 до 3,0 га	2,6	62	21	338	2,2	110	66	650
свыше 3 га	1,2	42	23	550	90,0	4390	6120	1400
	100	3009	270	90	100	4875	5300	1292

Комментарии к этой таблице, полагаем, излишни.

Приведенные данные убеждают нас в том, что бесправное положение женщины в бывшем туркменском ауле обуславливалось не слу-

чайными привычками и традициями, а непосредственной зависимостью от социально-экономических факторов.

«Калым» далеко не то, что принято называть «приданным».

«Калым» влиял на правовые отношения дайхана и обуславливал его «положение в обществе».

«Калым» играл значительную роль в социальной дифференциации аула.

Не женатый не получал земельно-водного надела. Не имевший земли и воды – не имел права голоса.

Не имевший права голоса отсеивался в группу «не чистокровных» – в рабочую силу для байских хозяйств.

Живучесть «калыма», его «подпольное» существование требует мобилизации внимания советской общественности, и в первую очередь аульной бедноты и батрачества, и самых суровых мероприятий со стороны судебно-административных органов.

Окончательное искоренение «калыма» поможет быстрее ликвидации других уродливых явлений в быту туркмена и ускорит строительство нового туркменского аула.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I.	
Жизненный путь ученого.....	10
Глава II.	
Научное наследие Г.И. Карпова	101
Несколько завершающих слов	170
Библиография	171
Список сокращений	175
Приложения:	
I. Список публикаций Г.И. Карпова	177
II. Материалы Г.И. Карпова, хранящиеся в Редком Фонде Центральной научной Библиотеки АНТ	184
III. Публикации о Г.И. Карпове и его работах	192
IV. Не публиковавшаяся работа Г.И. Карпова Записка Г.И. Карпова Членам Бюро ЦК КП/б/Т	193
V. Работы Г.И. Карпова, опубликованные в редких изданиях	
Карпов Г. Туркмения и туркмены. (Историко-этнографический очерк).....	198
Карпов Г.И. К истории туркмен али-эли (ала-эль)	223
Карпов Г.И. Туркменский народ в дни Великой Отечественной войны.....	234
Карпов Г.И. Гиляки Мазандерана	241
Карпов Г. Этнографическая работа в Туркмении	252
Карпов Г.«Калым» и его социальные корни.....	257

Научное издание

Сергей Михайлович Демидов

**ИСТОРИК И ЭТНОГРАФ
ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ КАРПОВ**

Редактор выпуска

Дубова Надежда Анатольевна

Серия «Этнография туркмен». Вып. 2

Редакторы серии

Дубова Надежда Анатольевна, Мурадов Руслан Гельдыевич

Рецензенты

*Чвырь Людмила Анатольевна, доктор исторических наук
Каландаров Тохир Сафарбекович, кандидат исторических наук*

Утверждено к печати Ученым Советом Института этнологии
и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

На обложке – фотопортрет Г. И. Карпова (1940-е годы)

Москва, 2022

ISBN 978-5-89930-166-7

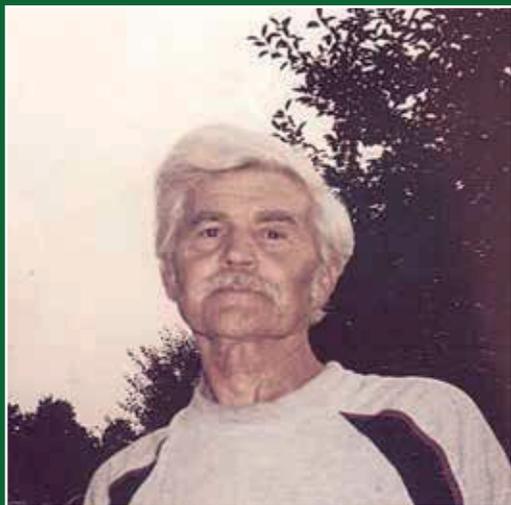
DOI 10.33876/978 5 89930 166 7/1-264

Подписано к печати 28.03.2022 Формат 60 x 84 1/16

Усл.-печ. л. 13,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Буки-Веди.

115093, г. Москва, Партийный переулок, д.1, корп. 58, стр. 2.

Сергей Михайлович Демидов родился в Москве, где в 1959 г. окончил исторический факультет Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова по кафедре этнографии. С 1959 до 1998 г. работал младшим, а затем старшим научным сотрудником Отдела этнографии Института истории АН Туркменистана. Автор семи изданных в Туркменистане, России и Германии монографий, а также более трехсот пятидесяти научных и научно-популярных статей и брошюр, опубликованных в разных республиках бывшего СССР. Основной научный интерес ученого – различные аспекты религиозных верований туркмен.

